

**Жилье
для молодых.**
Предложения
ученого

**Потускневшая
жемчужина
Подолии.**
Фотоочерк

Николай Клюев:
судьба поэта

**Рассказ
Рэя Брэдбери**

«Новороссийск»:
тайна морской
трагедии

Вспоминяя Олимпиаду
(читай стр. 16—17).

Марина Лобач — чемпионка XXIV Олимпийских игр.
Фото Юрия СОКОЛОВА

23
СПОРТ

ISSN 0131-6656

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат экономических наук

Самые большие трудности в жизни молодой семьи связаны с проблемой «крыши над головой». Ведь нормальные жилищные условия не имеет подавляющее большинство молодых людей. Отдельную благоустроенную квартиру или дом среднестатистическая семья получает к тому времени, когда дети уже родились. Исследования, проведенные в типично промышленном городе России Таганроге, показали, что почти половина вновь образующихся семей проживает совместно со старшими родственниками и самостоятельное жилище супруги получают в среднем спустя двадцать лет после свадьбы...

Жилищная статистика крайне несовершенна. Никому не ведомо, какая доля людей жилья не имеет, у кого — менее трех квадратных метров на человека, у кого — более пятидесяти, семидесяти... Впервые такие сведения должны быть получены в ходе жилищной переписи 1989 года, которая будет совмещена с демографическим исследованием.

Государственная статистика располагает сведениями об общих размерах жилищного фонда по стране. Поделив жилье на жителей, можно получить среднюю обеспеченность как по отдельному городу, так и по стране в целом. В последнее время опубликованы данные о числе горожан, состоящих на учете по улучшению жилищных условий. На начало 1987 года их было 12,7 миллиона.

В целом по стране на человека сегодня приходится 15 квадратных метров общей площади и 10 — жилой (то есть без учета коридоров, кухонь и других подсобных помещений). Это означает: однокомнатная квартира — на двоих, двухкомнатная — на троих и так далее. То есть на среднюю семью приходится квартира, в которой комнат на одну меньше числа членов семьи. Скромно, конечно, но вполне терпимо. Откуда же нынешняя общепризнанная острота жилищной проблемы? Почему особо остро стоит она для молодых семей и для молодоженов в особенности? Почему при громадном строительстве проблема нехватки жилья не исчезает?

Многие считают, что дело в абсолютном недостатке жилого фонда. Так ли это? Начиная с середины 50-х годов каждую пятилетку на городского жителя добавлялось примерно по одному квадратному метру общей площади жилищ. Так что теперь среднестатистическая городская семья из четырех человек располагает квартирой на 24 метра большей, чем квартира такой же семьи 30 лет назад. Почему же для многих молодых семей на долгие годы остается несбыточной мечтой не только отдельная квартира, но и своя комната?

Дело, оказывается, не только в количестве жилья, но и в жилищной политике, в законодательстве, в порядке распределения жилплощади и ее оплаты квартиросъемщиками. При нынешних

порядках происходит «поляризация» — на одном полюсе накапливается избыток жилья, на другом — недостаток. Проблема не столько в относительно низком уровне жилищной обеспеченности, сколько в существовании ничем не оправданных различий в обеспеченности отдельных групп и слоев населения.

В последнее время ежегодно вводилось по стране более 100 миллионов квадратных метров жилья, росла обеспеченность жильем на душу населения, увеличивалась доля семей с поквартирным заселением. А вот разрыв между общественной потребностью и ее удовлетворением оставался столь же большим, как и раньше. Государственное жилье распределяется, как правило, в порядке общей очереди по месту работы и через райисполкомы. О разного рода льготных очередях говорить не будем — это частность, мало касающаяся основной массы молодежи.

Место человека в жилищной очереди на предприятии, стройке, в учреждении определяется главным образом стажем непрерывной работы на этом предприятии. У молодежи же большого стажа быть не может. В разных местах очередь движется по-разному, но, как правило, ждать нужно лет 10—15.

Почему же при большом жилищном строительстве очереди движутся так медленно? Одна из главных причин — образование больших избытков жилья у части населения. Вот типичный и самый массовый путь их образования.

Двухдетная семья в то время, когда супругам по 30—35 лет, получает долгожданную квартиру. Могут получить на четверых, но могут — и на 5—6 человек (скажем, прописав родителей одного из супругов). Приходит время, дети подрастают и покидают семью. Сына, к примеру, посылают по распределению в другой город, дочь выходит замуж и переезжает к мужу. В трех-четырёхкомнатной квартире остаются пожилые супруги. Затем умирает муж (мужья в среднем на три года старше жен, а женщины у нас живут, как правило, на десять лет дольше мужчин). Вот и остается у одинокой женщины 60 и более квадратных метров общей площади, то есть в четыре раза выше среднего. Этот путь образования излишков — не единственный. Печать последних лет полна материалами о разного рода нарушениях жилищного законодательства, «обходе» очередности, использовании блата, взяток, злоупотреблении служебным положением... Ни один вопрос не вызывает столько жалоб в вышестоящие учреждения, как жилищный.

Люди, располагающие избытками, отнюдь не горят желанием вернуть их обществу. Никто и ничто их к этому не понуждает. Государственное жилье у нас бесплатное. Квартиросъемщик не возмещает капитальных затрат на строительство, а квартплата составляет менее четверти той суммы, которую тратит государство на текущие расходы по содержанию жилья. Более того, используя госжилье, можно получать нетрудовые доходы — сдавать квартиру или комнату, причем по ценам, во много раз превышающим государственную квартплату. Правда, по Закону о борьбе с нетрудовыми доходами, жилье в поднаем можно сдавать лишь по ценам, не превышающим государственной квартплаты. Но попробуйте найти такого альтруиста! В результате часть квартиро-, комнато- и углосдатчиков просто «ушли со сцены», а оставшиеся, естественно, повысили тариф. Ибо соотношение между спросом и предложением изменилось. Подъем жилищных цен — это прежде всего «плата за страх». Не

думаю, что пустующее жилье — это лучше, чем жилье, оплачиваемое по высоким ценам.

Сегодня государственным жильем у нас торгуют — в прямом смысле слова. Существуют общепринятые таксы доплат за «лишние» метры при обменах. В одних городах метр площади стоит 300 рублей, в других — 500.

Одни продают государственное жилье, другие вынуждены его покупать. Одни сдают квартиры, другие снимают. У одних на душу приходится по пятьдесят, семьдесят и более метров, у других — по три — пять. У одних — по нескольку квартир, у других — нет и комнаты (муж живет в мужском общежитии, жена — в женском)...

А тем временем наши статистики продолжают умиляться положением в жилищной сфере, сравнивая цифры средней обеспеченности сегодня и в 1913 году, сообщая, что расходы на жилье у рабочих и служащих не превышают трех процентов доходов, а плата населения за жилье составляет менее одной четверти эксплуатационных расходов государства на содержание жилищного фонда.

Это «лукавые цифры». Ведь государственный жилищный фонд составляет чуть более половины всего жилья. Сорок процентов его — личная собственность, несколько процентов — площади жилищно-строительных кооперативов. И «собственники», и члены ЖСК несут полные затраты на сооружение и содержание жилья, и затраты эти очень высоки. Хорошая городская квартира стоит теперь 15—20 тысяч, а цена постоянно пропагандируемых коттеджей в показушных поселках составляет 30—35 тысяч рублей. Приобрети такой коттедж — и всю жизнь будешь за него расплачиваться.

Мало того, что собственники несут все затраты, связанные со строительством, ремонтом и т. д. своего дома, — они фактически оплачивают около половины стоимости государственного жилья. Ведь общественные фонды потребления, за счет которых возводятся и содержатся государственные дома, — это то, что создается всеми трудящимися, то, что вычитается из прямой оплаты труда.

Подобная система распределения оплаты жилья, на мой взгляд, крайне

ОЖИДАНИЕ ОПРАВДАЕТ

О МОЛОДОЙ СЕМЬЕ, КВАДРАТНЫХ МЕТРАХ И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

несправедлива. В городе преобладают бесплатные государственные квартиры, в деревне — очень дорогое собственное жилье. Фактически это дискриминация деревни, сельского населения.

Вторая же большая дискриминированная в жилищном отношении группа населения — это городская молодежь, молодая семья в особенности.

Сложившаяся система не только несправедлива, она в значительной степени вредна. Например, с демографической точки зрения. Нынешние непрочность и малодетность семьи в значительной мере определяют именно жилищными условиями молодежи. Положение надо менять! Среди проводимых сейчас социальных и экономических преобразований нужна и коренная жилищная реформа.

Как вы знаете, поставлена задача обеспечить все семьи благоустроенными квартирами или домами до конца этого столетия (правда, молодые семьи, проживающие сейчас с родителями, в число тех, кто должен получить жилье, не входят).

Задача большая, трудная. Кто-то считает, что для ее решения достаточно и увеличить жилищное строительство и строго выполнять законодательство в области распределения жилья.

Но так ли все просто? Сегодня на среднего горожанина приходится по 14,5 квадратного метра общей площади жилищ. Если прирост будет таким же, как и раньше — по одному квадратному метру за пять лет, то к концу столетия на человека придется около 17 метров. Будем оптимистами: допустим, что произойдет существенное увеличение жилищного строительства и фонд жилья возрастет до 18 метров на человека. Но ведь во многих городах этот средний уровень обеспеченности давно превзойден. Что же, в этих городах жилищная проблема решена? Да ничего подобного! Множество молодых семей «своих» квартир не имеет.

При сохранении нынешнего жилищного законодательства увеличатся, скорее всего, жилищные контрасты. Возрастает концентрация избыточной жилой площади у пожилых людей. Причин здесь две: среднестатистическое «старение» населения и повышение норм жилой площади при выделении жилья.

Кратко об этих факторах. В населении страны будет быстро возрастать доля пожилых (после 60) и старых (после 75 лет) людей. Она составит в 2000 году 17—18 процентов населения страны против 13,5 процента на начало 1987 года. А именно у пожилых людей, как мы уже знаем, концентрируются жилищные избытки.

Нормы распределения жилой площади в разных местах различные. Самая большая из мне известных — в Киеве: 13,5 метра на человека плюс половина этого количества на семью. Таким образом, семья из четырех человек может получить квартиру жилой площадью в 60 квадратных метров. Во многих других городах норма составляет 12 метров на человека. А недавно равнялась девяти. Так что на этапе естественного уменьшения семьи размеры жилой площади, приходящейся на пожилых супругов и старых одиноких людей, будут возрастать.

Без претворения этой концентрации жилья у одних категорий населения едва ли можно будет достаточно обеспечить и других.

Нужны серьезные преобразования, которые позволили бы рациональнее использовать имеющийся жилой фонд, сократили бы жилищные контрасты, сделали бы распределение квартир более справедливым.

Мне представляется, что всего этого можно достичь путем превращения жилья в товар, путем установления рыночных, товарно-денежных отношений в этой сфере.

Каждый должен полностью оплачивать свое жилье, то есть нести расходы не только на его содержание, но возмещать государству и капитальные затраты — расходы на его сооружение. Естественно, эти капитальные затраты должны быть выданы гражданам в виде добавок к заработной плате, пенсиям, пособиям, стипендиям. И «пусть каждый сам несет свой чемодан».

Что это даст?

Жилье — вещь очень дорогая. Человек, имеющий многокомнатную государственную квартиру, задумается о том, что ему выгоднее — оплачивать эти апартаменты или, скажем, купить автомашину, съездить в круиз вокруг Европы, построить дачу и т. д.

Одинокие старушки, владеющие многокомнатными государственными квартирами, попросят предоставить им менее просторное, но благоустроенное и в подходящем месте (вблизи магазинов, поликлиник, парков, недалеко от родственников) жилье. Человек, ютящийся на четырех метрах, перестанет содержать жилье тех, у кого на душу — по сорок. Исчезнет нужда в нынешнем жестком контроле жилищных очередей, да и сами очереди могут исчезнуть, если цены за жилье будут установлены правильно.

А что касается молодой семьи, то ей можно будет **гарантировать** некоторый социальный минимум жилищной обеспеченности, так же, как, впрочем, и другим категориям населения.

Голубая мечта молодоженов — получить вместе со свидетельством о браке и ордер на жилье — осуществится. Хотя, конечно, и в весьма скромном виде — не квартира, а на первых порах комната. Но не в 2000 году, а сейчас, в конце 80-х.

Отдельная комната — это, конечно, не бог весть что. Но ведь это не проживание в разных общежитиях, не наем комнаты «у частного». У кого есть лучшие варианты, может эту комнату не получать. Но громадное число молодоженов скажет за это спасибо.

Разработка рабочего проекта жилищной реформы — это, конечно, дело специалистов. Но проект, касающийся всего населения, должен быть вынесен на всенародное обсуждение.

«Если бы директором был я», то основными пунктами реформы сделал бы следующие:

— всем гражданам страны **гарантируется** социальный жилищный минимум, который может быть и платным, и бесплатным, это непринципиально. Главное, он должен быть «подвижным»: увеличиваться по мере повышения средней жилищной обеспеченности. На нынешнем уровне обеспеченности он может составлять, например, 5 метров жилой площади на человека, то есть половину средней обеспеченности;

— **жилая площадь** сверх этого минимума, до определенных размеров, оплачивается в размере ее фактической стоимости;

— выше же максимума жилье должно оплачиваться по увеличенным ценам. Здесь должно происходить то же, что и при продаже дефицитных вещей, например, автомашин. Смысл этого — в стимулировании возвращения государству избыточной жилой площади;

— по мере увеличения семьи ее **жилая площадь** автоматически расширяется в пределах гарантированного минимума;

— последнее требует создания отлаженного механизма смены мест проживания, переезда из одних квартир в другие. Расходы на него должны компенсироваться, что особенно важно для пожилых людей, переезжающих в меньшие квартиры;

— решения по поводу совместного или раздельного проживания родственников должны приниматься самими людьми, а не навязываться сверху.

Последний пункт нуждается в расшифровке. Здесь два главных аспекта. Первый касается молодоженов и их родителей. Второй — свободы перемещения по территории страны. Нынешние молодые не хотят, как правило, жить со «стариками». Опрос, проведенный в Москве, показал, что только 13 процентов молодых семей хотят проживать с родителями. Вместе с тем их настойчиво пытаются «объединить». В целевой комплексной программе «Молодая семья», разработанной для Москвы, записано: «Планирование и строительство жилья необходимо привести в соответствие с семейной структурой, что позволит родителям и создавшим семью детям проживать вместе».

Эта позиция разработчиками программы аргументируется так: «Программа пытается решить вопрос об улучшении жилищных условий сложным семьям, то есть семьям из нескольких поколений, проживающим совместно. Сейчас строители не учитывают специфики жизни в таких семьях, к стати, и в многодетных семьях тоже. При отделении молодых возникают серьезные проблемы. Последняя перепись четко показала: старое население концентрируется в центральных, исторически сложившихся районах, молодежь живет преимущественно на окраинах. В результате происходит разрыв семейных связей, слабеет помощь в воспитании детей».

Все это, конечно, так. Но, с другой стороны, многие проблемы возникают и при совместном проживании молодых супругов с родителями. По мнению многих разведенных женщин, семьи распадаются главным образом из-за вмешательства свекровей в жизнь молодой семьи. Думаю, что решать — жить вместе или раздельно — должны лишь те, кого это касается.

Однако наступает время, когда постаревших родителей нужно взять в семью уже не очень молодых детей. Здесь возникают большие трудности. Старика (чаще одинокая старушка) могут переехать из другого места к своему сыну или дочери, проживающим в Москве, лишь в том случае, если этот сын или дочь — единственные. Если же у них еще есть дети, проживающие в других местах, то стариков в Москву не пустят. И тут решают «сверху»!

Думаю, все это несовместимо с понятием демократии и должно быть пересмотрено. Люди сами вправе решать, где им жить, куда и откуда переезжать. Совместному проживанию трех-четырех поколений мешает и почти полное отсутствие в государственном жилом фонде больших, многокомнатных квартир. В крайних случаях большим семьям дают две смежные квартиры, которые можно соединить проходом, прорубив стену. Несомненно, набор квартир по величине, числу комнат, планировке должен быть значительно расширен.

Жилищная проблема осложнена еще и проблемой многочисленности и разнообразности организаций — «владельцев» государственного жилого фонда. Это и Советы, и ведомства, и отдельные предприятия. Это приводит, в частности, к тому, что большая часть жилого фонда находится в неудо-

влетворительном состоянии, резко удорожается содержание жилья, низок уровень обслуживания жильцов.

При предлагаемой жилищной реформе весь общественный жилой фонд следует сосредоточить в руках Советов. Советы должны быть и единными заказчиками строительства в подведомственных населенных пунктах, и единственными распорядителями жилищного фонда. Возможно, следовало бы обобществить часть личного жилья, выкупив его у владельцев (по их желанию), что позволило бы использовать эти квартиры более эффективно.

Сейчас высказывается немало предложений о совершенствовании жилищной политики государства. Есть предложения продавать государственные квартиры жильцам. В Казахстане, по сообщениям печати, это уже делается. Думаю, что это не тот путь, которым следует идти. Оптимальной, на мой взгляд, здесь была бы аренда жилья квартирьером на условиях полной оплаты государственных затрат на возведение и содержание жилья. Напомню, что это предполагает выплату государством населению нынешних затрат на сооружение и эксплуатацию жилья. Каждый получит свою долю, соответствующую расходам при **средней** обеспеченности жильем, а заплатит за свою конкретную квартиру или дом соответственно стоимости именно этого жилья. Кто от этого выиграет, кто проиграет?

Выиграют все, у кого жилищные условия хуже средних, проиграют те, у кого они лучше средних. И чем они лучше, тем больше будет проигрыш в рублях. Именно это и заставит сдавать государству избытки жилой площади, которые пойдут на улучшение жилищного положения дискриминированной ныне части населения, в частности молодой семьи.

Но выиграет и общество в целом, в том числе и те, кто потеряет в рублях. Исчезнут многие нынешние конфликты, связанные с жильем, отпадет необходимость жесткого контроля очередей, снизится число правонарушений, связанных с получением, обменом жилья... Произойдет оздоровление общественного климата. И, конечно, смягчатся социально-демографические проблемы, в значительной мере порожденные нынешним жилищным положением молодой семьи.

Только молодая семья может обеспечить демографическое благополучие общества. Сегодня четверо из пяти детей рождаются у матерей моложе тридцати лет (а в некоторых больших городах — девять из десяти). Между тем в республиках европейской части страны и в Российской Федерации воспроизводство населения остается недостаточным даже при повышении рождаемости, происшедшем в последнее время. Это ведет к быстрому «старению» населения и последующему его сокращению. Кроме того, страна вступила сейчас в такой период демографического развития, когда число новорожденных будет резко уменьшаться из-за снижения среди населения доли молодых женщин: в «возраст рожениц» вступает малолетнее поколение. Напомню, например, в 1959—1960 годах ежегодно рождалось в среднем по 5,3 миллиона, а в 1967—1969-м — всего по 4,1 миллиона детей. Сейчас необходимо повышение рождаемости, чтобы не повторилась демографическая «яма» 60-х годов.

Разработка новой жилищной реформы — дело весьма сложное, требующее коллективных усилий многих специалистов. Но необходимость такой реформы назрела.

ШАГ навстречу

Валерий
ГУРИНОВИЧ

Газовая гангрена отняла обе ноги, поврежден позвоночник... Что ж, до конца дней — неподвижность?!

В больничной палате он не расставался с карандашом и бумагой. На Махачкалинском судоремонтном заводе ребята сделали по его эскизам первые самоходящие протезы. Неуклюжие, сработанные грубо (а откуда было взять нужный металл, кожу, инструмент?!), они все-таки шли!

...Коляска с трудом втискивается в лифт. А потом ступеньки. Она знала наизусть каждую выщербину на них. Полчаса, сорок минут на дворе и — в обратный путь, на восьмой этаж. Четыре стены, телевизор, книги. Пенсия — семьдесят пять рублей. Инвалид I группы, «спинальник» — паралич ног.

...Ему не снился Афганистан. Во сне он видел себя в прыжках над баскетбольным кольцом, на гаревой дорожке, на татами. Утром бывший сержант ВДВ пристегивал протез (неудобный, трет, но сколько можно переделывать?!), торопливо завтракал и шел на завод. И так изо дня в день. Он чувствовал, что никак не может целиком войти, врубиться в эту пеструю, кипящую жизнь «гражданки», скользит где-то с краю.

Виктор Лизунков, Светлана Иванова, Николай Чуванов — трое из сорока пяти кооператоров «Инватехники»...

Их свела не боль, не горечь — надежда. И еще жажда дела: конкретного, с реальной отдачей. Так возникла мысль о создании кооператива.

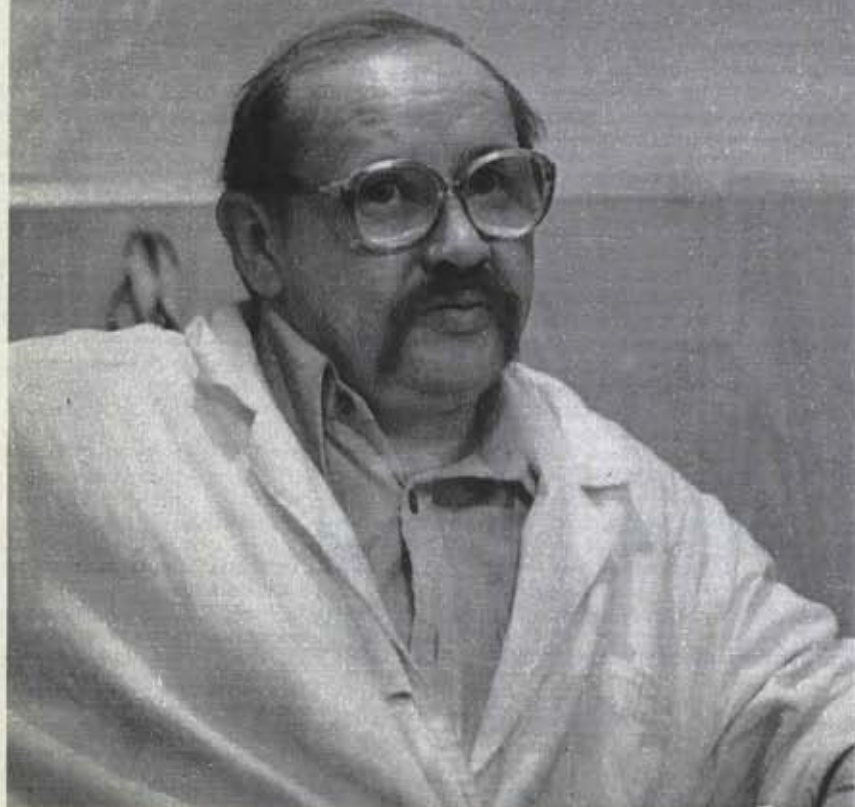
Андрей Гришаков, работавший в ту пору секретарем Свердловского райкома комсомола столицы, вспоминает:

— Мы с Русланом Хуриевым пришли к Лизункову в больницу. Это было в начале прошлого года. Слышал о Викторе — мужественный парень, сам сконструировал протезы. Поговорив с ним, понял: такой не отступит. У него все уже было спланировано, рассчитано.

Фото Эдуарда
КУДРЯВИЦКОГО

Валерий Коломиец, мастер-протезист, знает: сюда, в «Инватехнику», люди идут с болью и... надеждой. Скольким уже помогли кооператоры! И скольким еще помогут, если город поможет им.

А главное — были единомышленники. Руслан, Марат Затуров, Николай Надин, Софья Михайловская, Андрей Сатунин, Юра Дмитриев, Оля Кириенко... Но кооператив с чего начинается? Деньги, устав, оборудование? Нет, инстанции. Год ушел на «пробивание». И если бы не райком партии...

Представь себе, читатель, каким был этот год для людей, покалеченных войной ли, судьбой и желающих во что бы то ни стало помочь таким же, как они. Помочь встать на ноги, в самом прямом смысле — изготавливать протезы удобные, надежные и втрое, вчетверо быстрее, чем на протезном заводе. Им не отказывали (не то время!), но и не решали: надо, мол, подумать, посоветоваться. В некоторых кабинетах искренно удивлялись: зачем? Есть Минсобес, у него свой институт протезирования, экспериментальный завод, производственное объединение — все отлажено: снабжение, поставки, сбыт продукции... Правда, бывают шероховатости, недоработки, да где их нет?!

Сегодня за чашкой чая они говорят о тех днях спокойно, без нерва. Привычка к преодолению — боли, житейских трудностей, одиночества — оказалась и в этой ситуации. С нынешнего года у «Инватехники» счет в банке, печать, помещение.

Пятьдесят тысяч выделило Общество Красного Креста. Двадцать пять ушло на ремонт, двадцать пять — на закупку инструмента, полуфабрикатов. Первый месяц работали без зарплаты. Решили большую часть протезов изготавливать бесплатно, а для «коммерции» организовали производство полиэтиленовых пакетов по договору с «Полимербытом». Сырье кооперативу обходилось в 4,5 раза дороже оптовой цены, и все равно — прибыль шла. На нее закупали узлы для протезов. И опять же с полуторным, а то и двойным коэффициентом.

Какие там сверхдоходы! В середине октября, когда я разговаривал с ребятами, на счету кооператива значилось всего 3 тысячи рублей. Без учета выплаченной зарплаты.

— Не густо, — сказал я.
— До «шашлычников» нам далеко, — улыбнулся Лизунков. — Но пойми, мы никогда не обанкротимся, всегда будем

с прибылью. Потому что собрались не «деньги делать». К нам идут со своим горем. Мы — последняя надежда... Ведь инвалиды месяцами ждут заводских протезов. А когда получают, то зачастую на протезах этих ходить не могут — культия в кровь стирается. Мы делаем за неделю, подгоняем до миллиметра. В месяц 20—25 заказов. Не больше. У нас нет и быть не может плана «по валу».

Разговариваю с Сашей Трусовым. Он приехал сюда из Красноярского края, из села Большой Улуй.

— Меня в Ачинске оперировали. Ампутировали обе стопы. Мне двадцать четыре года, жизнь впереди, протезы нужны, как без них? Говорят, поезжай в Красноярск. А там врачи ммурятся, головами качают: дескать, чтобы протезы приспособить — еще резать надо. Так бы и отрезали... Хорошо, что узнал я об этом кооперативе, об «Инватехнике»...

— Примерь, Саша. — К Трусову подошел протезист Валерий Коломиец. — Ну, как? Ты палку-то брось. Она теперь тебе ни к чему. Шагай смелее.

Первый неуверенный шаг. Шаг на встречу жизни.

— Едут отовсюду. Из Новосибирска, Тюмени, Норильска. Недавно парнишка из Вологды был. Здесь, на диване, ночевал... Ему тамешние «умельцы» сделали протез длиннее ноги. Как он только добрался к нам! — Валерий затягивается «Астрой», разгоняя ладонью дым. — Жалко ребят, я уж двадцать лет протезы делаю, кажется, должен бы привыкнуть, а вот жалеть не научился. Мы бы могли куда больше пользы принести, но сам погляди, где работать, на чем? — Он развел руками, оглядывая крохотную комнату с единственным точно-полировальным станком, «шарошкой». Рядом, в соседней комнате, слесарный верстак. Вот и все оборудование.

— Ни копировального станка, ни сверлильного... Хорошо, что протезный завод помогает. Там ребята по договору выполняют наши заказы. Инструментом выручают. Без них бы зашились...

В Москве около двух тысяч действующих кооперативов. Более 1300 — по бытовому обслуживанию, общепитовских — 505. Есть и медицинские

кооперативы, и физкультурно-оздоровительные. Но таких, как «Инватехника», нет; он, пожалуй, и в стране единственный. Правда, уже организованы филиалы — в Ростове, Махачкале, Смоленске, Новосибирске, Сочи. Но это завтрашний день. А сегодня...

Девяносто восемь квадратных метров площади, «шарошка», ручные дрели да нехитрый слесарный инструмент — вот чем располагает «Инватехника». Район при всем желании не может больше ничем помочь кооператорам. Центр города — нет ни одного лишнего метра. А Моссовет, видимо, не торопится прийти на выручку инвалидам. Хотя ох как нужно срочно, не затягивая «увязками» и согласованиями, найти помещения для мастерских, реабилитационного центра, клуба... Необходимо оборудование, полуфабрикаты и сырье по госценам, а не взвинченным, «потолочным». Ведь не пирожки выпекают здесь, не значки с Кинг-Конгом штампуют.

О московском кооперативе знают в стране. Сюда, на Страстной бульвар, 7, идут письма с просьбами, благодарностями. Идут денежные переводы с припиской: «В фонд программы «Милосердие». Транспортное предприятие из Якутска перечислило на счет кооператива 10 тысяч рублей.

— Мы ощущаем поддержку, — говорит Марат. — Без этого было бы куда труднее — невыносимее...

В ЦНИИПе — Центральном научно-исследовательском институте протезирования я поинтересовался: а как специалисты относятся к «Инватехнике»?

— Нужное дело, — констатировала заместитель директора доктор медицинских наук Лидия Гавриловна Капичникова. — Но, знаете, — добавила она, — проблемы лечения инвалидов, протезирования следует решать в государственном масштабе. Здесь самостоятельность вряд ли что-либо изменит. Сейчас готовятся важные решения, постановления... Думаю, года через два мы начнем выпуск отличных протезов...

Года через два... Хотелось бы верить. Но Московский протезно-ортопедический восстановительный центр, который должен был открыться еще в 1975 году (было, было соответствующее решение, да не одно!), до сих пор полно-

стью не достроен, нет клиники. Инвалидам приходится по полгода ждать очереди.

Полностью разделяю мнение доктора наук — нужен государственный подход к решению этой острой проблемы. И уверен, сегодня «Инватехника» занята именно государственным делом.

— ...У нас будет свое подсобное хозяйство.

— И гостиница...

— И швейное производство...

— Наладим выпуск инвалидных колясок. Миша Житомирский разработал пять оригинальных конструкций...

Планы у кооператоров, как видим, весьма серьезные.

Но и сегодняшнюю «скорую помощь» «Инватехники» трудно переоценить. Почти ежедневно из Красногорского госпиталя, где лежат «афганцы», приходят в кооператив заявки на протезирование.

— Мы для этих ребят все сделаем, — говорит Николай Чуванов. — И бесплатно!

ОТ РЕДАКЦИИ: «Инватехника» — необычный кооператив. И, думается, отношение к нему должно быть тоже необычным: взгляд — доброжелательнее; решение насущных вопросов — оперативнее.

Ведь смог же Свердловский райком партии принять живое участие в судьбе кооператоров-инвалидов. Сейчас многое для развития «Инватехники» может сделать Мосгорисполком. И «Смена» обращается к первым заместителям председателя И. Д. Писареву и Ю. М. Лужкову, курирующим вопросы социального обеспечения и кооперативное движение в столице.

Илья Дмитриевич, Юрий Михайлович, от вас в немалой степени зависит завтрашний день этого кооператива. Помогите тем, кто сам стремится помочь людям в беде, горестях.

Сделаем же и мы все шаг навстречу — четким решением, советом, участием. Да и материально.

Адрес «Инватехники»: 103006, Москва, Страстной бульвар, 7, строение 3. Счет № 464305 в Свердловском отделении Жилсоцбанка г. Москвы.

Фото Александра КОВАЛЯ

Брошен якорь...

Ловись, рыбка — малая и большая.

А через минуту — «в море».

Холодильная камера вырублена в вечной мерзлоте.

У очага.

Рыбацкие «хоромы».

Надежда МЕНИЦКАЯ

НА ПРОМЫСЛЕ

Таймыр... По школьным учебникам, географическим картам, по прелестной давней пьесе Александра Галича знаем его. Знаменитая 69-я параллель — дверца в страну романтики, мужества и чудес.

Что за ней?

Дымы Норильского горно-металлургического комбината. Оленьи упряжки, пурга, магнитные бури.

Большая вода и большая рыба. Ветер приключений и открытый холодит лицо.

Словом — вас вызывает Таймыр!

Ну, а каково там, на Таймыре, сегодня?

...Кажется, на таймырских часах и нынче — пятидесятые

годы. Те же балки — скудное, неприхотливое жилище, в лучшем случае — барачные постройки с неизменной «буржуйкой». Тот же дефицит товаров и продуктов питания...

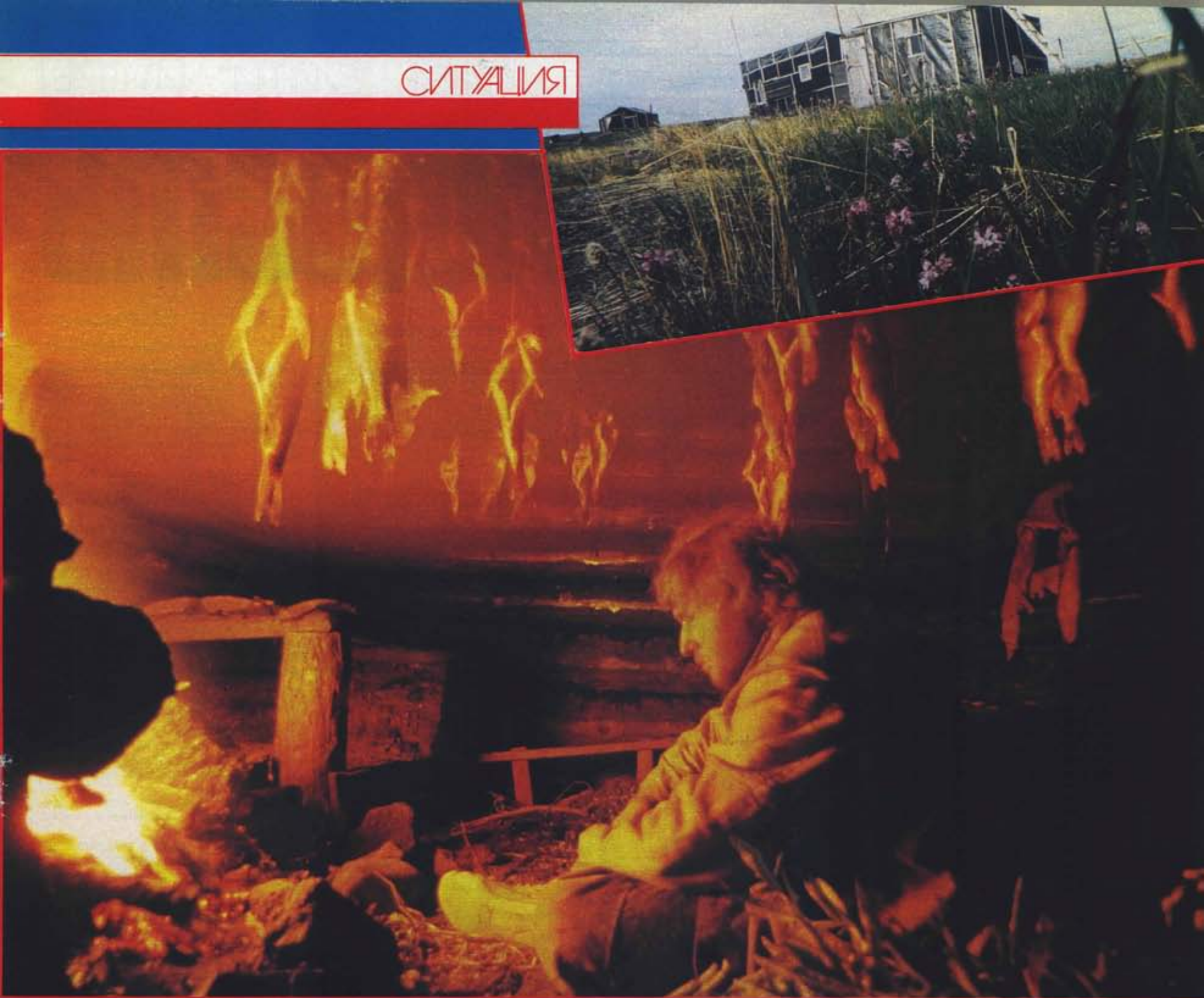
Правда, есть — увьи! — и перемены. Увеличился план рыбодобычи; сократили фельдшеров, выезжающих в промысловые бригады; сняли с производства удобные деревянные лодки, заменили на металлические. (Старые, что сохранились, латаные-перелатаные, выручают. Без них, на «железках», рыбный промысел становится опасным, особенно по большой воде.)

...На промысловой точке Юкаяма — четверо рыбаков. Бригадиром тут — Владимир Михайлович Бочкарев. В своем деле он, что называется, ас:

бригада постоянно выполняет и перевыполняет плановые задания. Но, главное, взаимоотношения в бригаде дружные, теплые... Иначе не выдержать долгие месяцы промыслового сезона, сломаться можно.

Ранним утром выходят рыбаки в озеро. Но вполне уместно сказать — в море, потому что и горизонта не видно, и шторма привычны. Бывает, промысловики сетуют: сегодня жадное озеро. И возвращаются с небогатым уловом. Значит, Арктика затаилась, и в любой момент может задуть шквальный ветер; в считанные минуты небо оборвется в темные воды Таймыра, и покажутся, громясь друг на друга, высокие валы.

Но когда погода приветлива, а в летние месяцы хоть и не поднимается столбик термометра выше 7 градусов, яркое солнце полярного дня разлива-

ет свет по тундре — озеро одаривает щедро. Сиг, муксун, чир, голец — серебристые чешуйчатые горы возвышаются на лодках, плывущих к берегу...

В рыболовном промысле уповать лишь на хорошую погоду не приходится. Чтобы уверенно промыслить, нужно, попросту говоря, вкалывать. Самим готовить сети: резать из пенопласта плавки, крепить к ним грузила — металлические кольца. А зимой устанавливать на озере балки. Сколько прорубей, столько и балков. В них во время лова горят паяльные лампы — в лютый мороз без них и сеть-то из проруби не вытащишь.

Нет, не в залог под будущую «роскошную» жизнь на материке трудятся рыбаки, не в счет завтрашнего дня. Для них и дом, и работа — здесь, под крышей затерявшейся в таймырских просторах избушки.

После озера в короткие часы отдыха у животворного тепла очага встречаются не просто четыре рыбака, а четыре судьбы. Кажется, все уже известно друг о друге, пересказаны все «случаи» и «истории», но вспоминаются все новые и новые подробности, и слушаешь, будто впервые. Отменный рассказчик Александр Набережных: вставит острое словцо, закрутит так, что не поймешь, где шутка, где правда. Без юмора в такой глуши закиснешь. Событий-то на промысле почти никаких. Ну, а уж если что-то происходит, то становится сюжетом для пересказов на многие вечера. Вот один из «занимательных». Про овцебыка, отбившегося от дикого стада. Рыбаки тогда несколько дней вынуждены были жить под его «присмотром». А кто знает, что этому монстру из «Красной книги» в голову взбредет, может

и на рога поднять. К счастью, обошлось все благополучно: пообщался овцебык с людьми да ушел в тундру — там вольготней.

Но вспоминается и другое, что куда проще и трагичней. Про то, например, как сгорел на одной из «точек» балок, и рыбаки, оставшиеся без жилья в сорокаградусный мороз, погибли, пробиваясь по снежной пустыне к людям...

Поэтому и стараются рыбаки перенять у коренных жителей опыт и знания. Как, скажем, ориентироваться, если вдруг заблудился в ледяной пустыне, где нет ни травы, ни кустика? И нет карты, а компас «магнитит» пурга. Тогда на северо-восток укажут снежные застрugi на льду. Так что навыки следопыта в тундре обязательны для каждого промысловика.

Но не меньше, чем физическая

выносливость и смекалка, нужна здесь психическая устойчивость. Оторванность от Большой земли возмещается на Крайнем Севере только лишь приемником, без которого промысловики уже не представляют своего быта. Вся информация о мире поступает через эфир. Но как-то неестественно, почти пародийно звучат на краю земли такие слова, как концепция, комплексность... Ведь эта самая комплексность существует на Таймыре испокон веку. Нельзя без нее в тундре, где каждый сам себе врач и повар, охотник и рыбак, истопник и прачка, теперь вот — дизелист и электрик.

...А что касается концепции, то у промысловиков она, увы, пока что одна — выжить.

А хотелось бы просто — жить. Знают ли об этом на «материке» в уютных ведомственных кабинетах?

ГОРЬКАЯ РАДОСТЬ

✉

Прочитала в вашем журнале статью «Дитя с нимбом». Может, где-нибудь в Прибалтике есть благополучные роддома, но у нас в Сибири все так, как в статье, и еще страшней.

Я родила троих детей, и ни разу меня не поздравили с ребенком ни акушерки, ни врачи. Только молчание или окрики. Когда я попала первый раз в роддом, меня привезли уже с сильными схватками, а надо было заполнять карту, определить группу крови, взвеситься. И вот я корчусь от боли, а на меня кричат: «Вставай на весы! Стой прямо! Ну-ка, не шевелись!» И дальше в том же духе. Потом я еле доползла до второго этажа в предродовую палату. Мне сказали, что я рожу к утру, и все ушли. Схватки были очень сильные, и я не могла не кричать. Тогда появилась врач и обругала, что не даю ей спать. Я заткнула себе рот больничной косынкой, и звук от крика стал совсем другой. Тут явилась акушерка, увидела косынку, отобрала, отругала, что порчу больничное имущество. Я стала просить, чтобы меня утащили на улицу, что я не могу не кричать, не могу терпеть. Все ушли. А когда опять пришла врач, оказывается, у меня уже показалась голова ребенка, уже шли роды. Подоткнули скорей простыню, повезли в родовую. Там выяснилось, что нет перчаток у акушерки... Она убежала за ними, вернулась и уже на лету подхватила моего ребенка, он падал на пол. Опять крик: «Ты чуть не убила ребенка! Что ты делаешь!»

Не буду писать подробно о том, какие тут халаты, рубахи, тапочки и очереди в гигиенический кабинет, и тараканы, мыши в палатах.

И все равно в книгу отзывов пишу благодарности: «Спасибо, я родила сына! Я счастлива! Спасибо всем!», потому что рождение ребенка — это всегда счастье, несмотря на все ужасы роддомовских порядков, об этом хочется забыть.

Л. И. КУЛИЖНОВА,
пос. Каа-Хем Кызылского района
Тувинской АССР

✉

Рожала я два раза. Дочь умерла, сын, слава богу, жив. Очень хотелось бы еще иметь детей, но проходить этот адский круг было выше сил. Не подумайте, что я боялась боли и тягот беременности. Нет, я боялась роддома.

Дочь погибла из-за того, что не было тонких иголок. Делали ей вливание в головку плазмы, так как вены у крошек видны только на головке. Через месяц она умерла от кровоизлияния в мозг.

Вторые роды, хоть и были легкими, оставили тот же осадок на душе. Персонал равнодушен, и нет рядом людей, которые тебе сострадали бы и ждали чуда — появления нового человека на свет. А ведь им веришь, ждешь помощи, надеешься. Вот это и больно!

А рожала я в лучших роддомах Ленинграда: Снегиревке и институте Отто.

И. ОРЛОВА,
Ленинград

ПОСЛЕ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ «ДИТЯ С НИМБОМ» («Смена», № 14)
РЕДАКЦИЯ ПОЛУЧИЛА БОЛЕЕ ВОСЬМИСОТ ОТКЛИКОВ

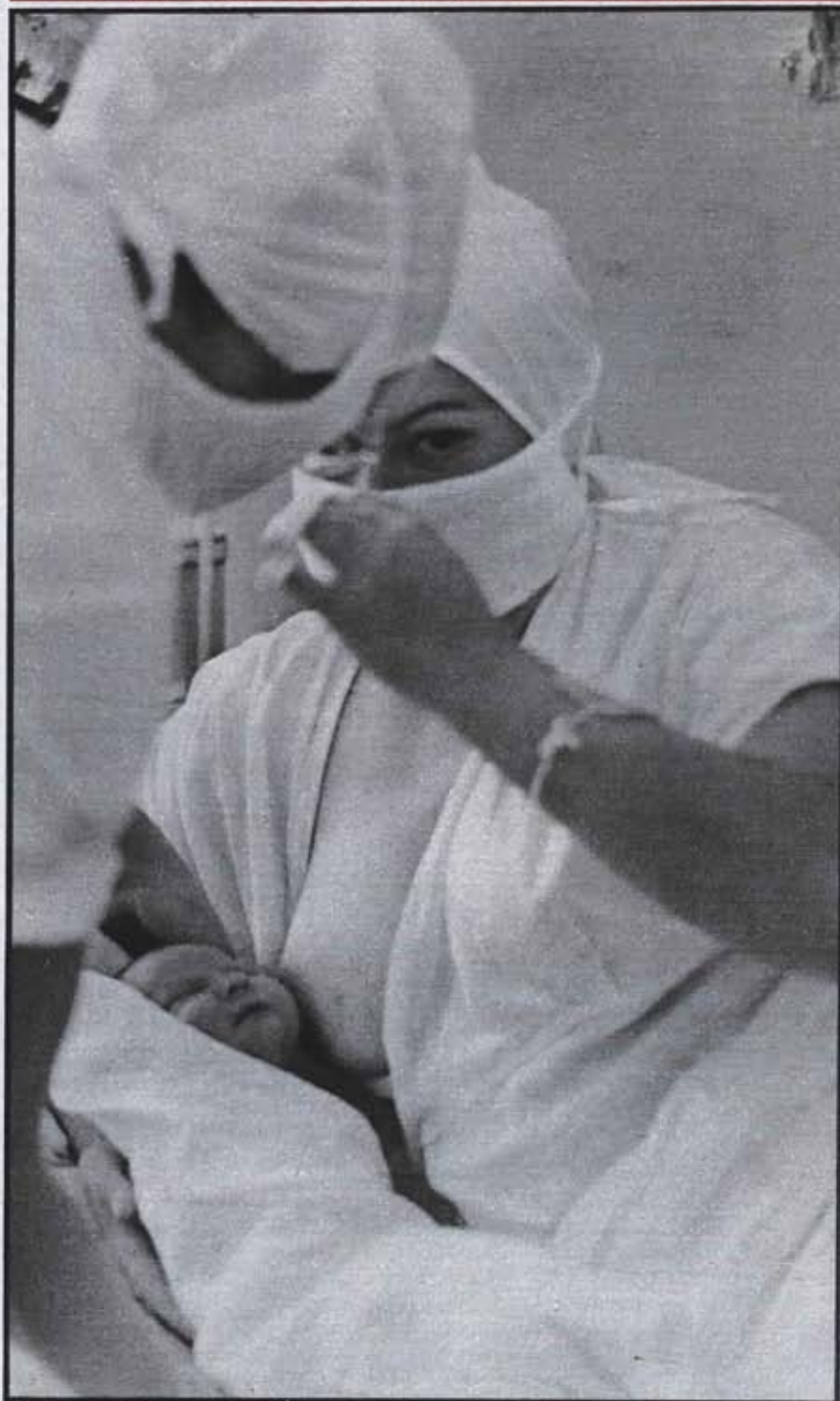

Фото Альберта ЛЕХМУСА

✉ 31 мая 1988 года я отвез жену в родильный дом. А на следующий день разыгралась трагедия. Причина ясна и имеет название — халатность. Кто-то в аптеке, когда готовили препарат, не там поставил запяную, и принимаемая доза оказалась превышенной в 10 раз. Когда Таня из-за этого впала в шоковое состояние, реаниматором оказался врач-психотерапевт, работающий в роддоме на полставки реаниматором. В результате погублено две жизни, которые не вернуть. Разрушено все: счастье, радость, жизнь.

Конечно, прокуратура занимается этим, но чувствую: дело до уголовной ответственности не дойдет. Наказание медработники уже получили: кого премии лишили, кто выговором отделался и продолжает заниматься святым делом.

А как мне теперь жить? Почувствовал себя отцом, увидев своего сынишку в гробу со своей мамой, никогда не узнавшей, кто у нее был: сын или дочь.

ПЕТРОВ Александр Олегович, 30 лет,
Феодосия

✉

Хорошо, что вы взялись за эту тему. Принцип «Все лучшее — детям!» давно не звучит у нас даже в качестве лозунга, а уж на практике не применяется тем более. Причем это относится не только к моменту рождения, а ко всему периоду детства, но это отдельный большой разговор.

Теперь конкретно о моем опыте. Моей старшей дочери повезло. Она родилась в роддоме на углу ул. Чернышевского и ул. Петра Лаврова. При страшной нищете, свойственной всем роддомам, персонал там относился и к мамашам, и к деткам настолько ответственно, что мне не в чем никого упрекнуть. Спасибо им!

Хуже пришлось второй дочери. Я была в той же ситуации, что описанная вами женщина, — ко мне никто не подходил. Кстати, это вовсе не редкость — очень многие рожают практически без присмотра и помощи. И это было бы еще ничего, но меня застали на последних потугах и заставили бежать с уже торчащей головкой по коридору к родовой, лезть на кресло (никто не подумал при этом помочь), а там уже едва подхватили ребенка. Закричала она не сразу...

Вот так, минутная недобросовестность врача — и искалеченные жизни ребенка и всей семьи.

Вообще обстановка в роддомах при общем, повторяю, нищенском содержании сильно зависит от руководства. Почему в роддоме на ул. Петра Лаврова сочли возможным держать единственный душ круглосуточно открытым? Почему в роддоме на ул. П. Лаврова было всегда молоко, чай и булочки для мам? Почему там проводили все положенные процедуры, осмотры, обработки швов, детей возили кормить строго по часам и следили за чистотой?

Когда женщины отказываются иметь второго ребенка, в этом в немалой степени повинны воспоминания о бездушной мясорубке роддома, куда не каждая решится войти снова. Пишите об этом! Может быть, моим дочерям тогда будет легче в будущем.

Е. П. ДОМАНЕВСКАЯ,
Ленинград

✉

В родильном доме г. Балхаша Джезказганской области родились оба моих сына в 1980 и 1983 годах. Первого я родила в 20 лет. Нас сразу научили, как правильно кормить малыша, как сцеживать молоко и т. д. Уход был отменный: часто менялось белье, и постельное, и нательное, в течение дня не раз проводились гигиенические процедуры. В палате лежало восемь женщин, а в 83-м году нас было в палате четверо. Очень уютно, чисто, и отношение доброжелательное. Детишки наши здоровы. Не последнюю роль сыграл в этом медперсонал роддома, и я испытываю к этим людям чувство признательности и благодарности.

Г. ГРОВОВА,
Джезказганская обл.,
г. Приозерск

...Рядом со мной мучилась немолодая уже женщина. Акушерка молоденькая как гаркнет на нее: «Заткнись! Что разоралась?» А врач ее поддерживает: «Ну что раскричалась? Нельзя потерпеть, что ли?»

А когда мне пришлось рожать, я чудом осталась жива. Врачам показалось, что у меня преждевременные роды, и они начали уколами сохранять. Я им говорю, что мне рожать надо, а они мне: «Вот, смотри, в карточке написано, когда тебе рожать!» И продолжают свое дело, несмотря на мое сопротивление. Как в концлагере, я себя там чувствовала. Я уже сознание начала терять, только тогда они поняли, что я рожаю, и стали принимать все меры к ускорению родов, что не прошло для меня бесследно и для ребенка тоже. Он вскоре умер.

В роддоме антисанитария. Врачи пользуются грязными инструментами. Так моему ребенку внесли флегмону, а моей соседке стафилококк, и мучается она до сих пор. Вот и приходится после роддома ходить по больницам, восстанавливать здоровье.

Нет, не соглашусь я больше рожать, вверять себя и будущего ребенка палачам в белых халатах. Интересно, ведь они тоже женщины и тоже рожали, почему же другим не сочувствуют?!

Спасибо вам, что затронули эту тему, а вдруг что-то да изменится к лучшему.

А. П. БОГАЕВА,
Уссурийск
Приморского края

Очень рада, что хоть кто-то осмелился затронуть тему акушерства и гинекологии в нашей стране. Журнал «Здоровье» заниматься этим вопросом не желает (туда я уже писала). Судя по телепередачам и статьям, в наших роддомах все замечательно, врачи и акушерки просто святые и чудотворцы.

Рожала я в новом роддоме № 3 г. Николаева. Потрясло меня белье в предродовом отделении: жесткие простыни коричневого цвета, грязный тюфяк, подушки не выдаются, застиранные сорочки, разорванные на груди, такие же халаты!

Отношение медперсонала к роженицам, как к убойному скоту. На каждом шагу равнодушие, грубость, унижения.

А. Н., г. Николаев

Бессчетно количество родов, которые словно специально задерживают до такой степени, что это угрожает жизни матери, ребенка. И начинают ее спасать, вынимая ребенка по частям. Вы задели больное место, поэтому хочется выговориться. Страшно, просто страшно, сердце сжимается! Ведь человеку только раз дается возможность прожить. А у нас в роддомах ситуация такая, что этими жизнями разбрасываются. Кричать хочется: «Зачем вы строите дворцы культуры, театры, магазины?! Ведь в них лет через 30—40 никому будет ходить!!!»

Спасибо за эту статью.

С. РЫЖКОВА, учитель,
Омск

Я столкнулась с затронутой вами проблемой, когда родила в грязном роддоме своего единственного сына, и теперь меня никакими миллионами не заставишь родить второго ребенка. А мы говорим, что у нас маленькая рождаемость! Да она в Советском Союзе никогда не поднимется, пока мы живем в таких условиях.

Н. Н. БИЗЮКИНА,
Петропавловск-Камчатский

Прочитала статью-диалог «Дитя с нимбом».

В конце ее сотрудники редакции пишут, что они потрясены откровениями этого диалога. Не знаю, может, их жены рожали на Марсе. Но в наших роддомах дела обстоят именно так, если не хуже. Равнодушие, грубость, хамство, взяточничество, некомпетентность не всех, но многих.

Лично я, родив одного ребенка, рожать больше не собираюсь, сколько бы благ мне ни сулили. Побывав однажды в роддоме, я поняла, что больше рисковать не стоит ни собой, ни будущим ребенком. Пусть будут платными роддома, консультации, но пусть будет толк. Все равно многие платят за эти услуги.

ИРИНА Г.,
Ташкент

Хочу обратиться к вам с огромной просьбой. Помогите нам всем, живущим в разных городах Советского Союза. Мне хотелось бы присутствовать при рождении моего ребенка. Я готов пройти самую жесткую санобработку. Своим присутствием хочу поддержать свою жену в этот радостный и тяжелый день. Принять на себя хоть частичку ее боли и страданий.

В. В. ГАВРИЛОВ,
Ленинград

Я за то, чтобы разрешали матери роженицы присутствовать при родах. Ведь так необходимо добро, ободряющее слово. А вокруг если не грубость, то откровенное равнодушие. Радость я почувствовала только в первую минуту рождения дочки. А потом — все растущее желание выбраться отсюда, отмыться, отмыть ребенка, завернуть его в беленькие пеленки.

О. П. КУЧЕРЮК,
Красноярск

То, что в роддоме не обращают внимания на крики роженицы, грубят, это еще можно пережить, но когда забывают о человеке, это хуже всего. Положили меня на клеенчатую кушетку, и до вечера я, родив ребенка утром, лежала в мокрой рубашке в коридоре. После того лежания на холодной кушетке я до сих пор лечусь, с трудом поднимаюсь к ребенку ночью.

В палате мухи, напротив — грязный туалет. Белье меняли один раз в неделю. Никаких косынок, никаких стерильных пеленок для детей. Мы все ждали, когда нас вылижут домой из этой грязи. Никто в роддоме не научил, как правильно сцеживать молоко, в результате у меня начался мастит. Недавно по местному радио я слышала выступление главврача роддома о том, как там уже два года идет перестройка, как чудесно там относятся к роженицам. Не верю!

Л. А. ФИЛАТОВА,
Пятигорск

Надоела болтовня о том, что все лучшее — детям. Приезжайте и посмотрите, какие больницы у нас в городе — жить уже не хочется, глядя на все это. Одни разговоры. Моя дочь через 4 месяца будет рожать — у меня волосы дыбом становятся, когда подумаю, каково ей придется! И выхода из этого тупика не видно. Как будто мы боремся с невидимым врагом. Выходит, здоровье людей никому не нужно. Это же дино. Мы сами себя уничтожаем!

М. А. КОМАНДИР, Донецкая обл.,
г. Макеевка, п. Ново-Калиново

Я рожала 8 марта этого года. Сначала были долгие препирания врачей «скорой» и медсестры приемного покоя. Мест не было, так как из-за инфекции в городе было закрыто два роддома. Выдали мокрые кожаные тапочки и рваную рубашку в бурых пятнах. Потом ледяная, насквозь продуваемая душевая. Очередь, так как работает только один кран. Девочки потом рассказывали, что в одну из ночей они лежали на кожаных матрацах на полу.

Медперсонал ушел пить чай с тортом — ведь был праздник. Пришла в себя от того, что кто-то треплет по щеке: «Дома спать будешь! Давай рожай, а то назад отправим!» Рядом исходила криком совсем молоденькая девочка. Врач ругает ее за испачканный халат и, не в силах сдержать раздражение, зажимает ей рот ладонью: «Не ори, я тебе сказала!»

После родов меня кладут на каталку и вывозят в конец коридора: в послеродовой нет мест. От двери сильно дует, я прошу нянечку принести одеяло. Она непонимающе смотрит на меня: «Где я на вас напасусь!» В результате я затемпературила, и меня переводят в изолятор. Первый этаж, очень холодно, а носки и белье носить не разрешают.

В послеродовом отделении было не лучше. На 48 мест 64 женщины. Один туалет на всех. Умыться — очередь, швы обработать — очередь, поесть — очередь.

Во время молниеносного врачебного обхода на вопрос «Как заживают швы?» медсестра, ни секунды не колеблясь, отвечает: «Хорошо!», хотя из положенных трех обработок не сделала ни одной.

Ухожу из больницы с твердым намерением никогда в жизни ни за что сюда не возвращаться. Впрочем, все равно придется. Только этажом выше. Там гинекологическое отделение, на аборт.

Прежде чем заниматься выяснением вопроса, есть ли жизнь на Марсе, и трагит на это многие миллионы, не разумнее ли было бы попытаться чуть-чуть, хоть на самую малость очеловечить явление новой жизни здесь, у нас?!

А. Д. ПОПОВА,
физик, 24 года,
Казань

Откровенно говоря, меня больше всего удивило «от редакции». Остальное, к сожалению, не новость. Что же вы думаете, дорогие сотрудники «Смены», только в промышленности, сельском хозяйстве, учебных заведениях сказались период застоя? Я понимаю, вас шокировало, что описанное происходило в столичном роддоме. С грустью могу вам сообщить, что это может быть везде. Чаще — в крупных городах. В районе, где рожениц меньше, к ним более внимательное отношение, и осложнений меньше. Поэтому я бы посоветовала женщинам из крупных городов рожать в районных роддомах, если есть какие-нибудь родственники, которые помогут первое время, поддержат морально.

И. И. ВОЛКОВИЧ, педиатр,
Минск

Считаю необходимым вести в роддомах круглосуточное дежурство педиатров, чтобы в отделениях патологии тоже всегда был врач, а не спящая медсестра.

Оснащенность роддомов на уровне начала века (может, и хуже), всюду грязь, питание, абсолютно не соответствующее диете кормящей матери.

Т. Г. ДАНИЛЬЦЕВА,
Волгоград

Хочу описать антисанитарное состояние нашего харьковского роддома № 1. В предродовой палате творилось что-то ужасное: тараканы, грязь, белье выдано грязное и рваное, тапки — одна 35-го размера, другая — 41-го.

Я не подписываюсь, так как мне рожать в этом же роддоме второй раз, и я просто боюсь, что это отразится на мне и моем ребенке.

Харьков

Искреннее спасибо вам за то, что первыми все-таки обратились к теме, о которой не только говорить — давно во весь голос кричать надо! О бездушии, преступном невнимании к роженицам и новорожденным в наших родильных домах.

После окончания медицинского училища я три года проработала акушеркой. Сейчас уже окончила институт и работаю в другой области медицины, но те три года навсегда останутся в памяти как самые горькие. Коллеги насмехались над тем, что, помимо оказания профессиональной помощи, я стремилась приласкать и пожалеть каждую роженицу. «На подарки набиваешься?» — говорили мне с издевкой коллеги-акушерки. Им, наверное, было непонятно, что счастливый взгляд каждой новоявленной мамы делал и меня счастливой. Вспоминаю, как в любое время суток выходила в приемное отделение и подробно рассказывала мужьям и родным о состоянии и настроении роженицы, о том, какого цвета глазки их детей.

И вот несколько лет спустя мои роды. Помню страстное желание, чтобы рядом был муж. От прикосновения его рук, от его нежного голоса боль бы притуплялась...

После инъекции меня уложили на голый клеенчатый матрац (не было чистого постельного белья, как, впрочем, подушки и одеяла). Трудно сказать, от чего я сильней страдала — от боли или от холода. Внезапно закричала моя соседка по палате, ее крики заставили меня подняться и отправиться на поиски врача и акушерки, которые ушли спать. Вернувшись, мы увидели страшное: женщину безудержно рвало, а в ее ногах лежал бездыханный малыш с двумя витками пуповины на шее...

Я рожала в пересменок, в 8 часов утра. Заспанный врач появился в тот момент, когда головка моего сына уже прорезалась. В этот момент я не смогла сдержать крик. И врач, молодой мужчина, не удержался от презрительного: «Не ори! С мужем спала, поди, не орала». Я была потрясена, от обиды появились слезы. О какой радости после подобного можно говорить?! И трудно понять, как могут называть себя медицинскими работниками столь циничные и равнодушные люди!

Уважаемые товарищи! Я обращаюсь ко всем! До каких пор мы будем терпеть и молчать? Товарищ Чазов, когда перестройка коснется акушерства? А педиатрии?

В послеродовом отделении рядом находилась палата новорожденных. Детские сестры заходили в нее лишь перед кормлением. И наши дети, находясь без присмотра, истошно кричали.

Педиатра мы, молодые матери, видели лишь два раза. Во время второго визита одна из мам попыталась задать вопрос. Врач остановилась, строго оглядела притихшую палату и отчеканила: «Мне отвечать некогда. Я на семи (!) работах работаю!»

Сейчас моему сыну три года, мы с мужем мечтаем о втором ребенке, но, вспоминая пережитое, откладываем до лучших времен. До того времени, когда мужьям разрешено будет помогать женам в родах и ограждать их от хамства. Когда уйдут в небытие отсутствие постельного белья, рваные, застиранные халаты и стоптанные тапки 41-го размера.

Марина БОЛОТНИКОВА,
Новосибирск

Они приехали в Отель де лас Флорес в жаркий день в конце октября. Муж, бледный, высокий, черно-волосый, поднялся в их маленький номер, повалился на кровать и закрыл глаза. В это время его жена, молодая женщина лет двадцати четырех, сновала между номером и машиной. Сначала она принесла два чемодана, затем пишущую машинку, огромный сверток с мексиканскими масками, купленными в городе Патскуаре, еще чемоданы, уже поменьше, и небольшие свертки. Она заперла машину, проверила окна и бегом вернулась в комнату, что-то напевая про себя.

— О господи,— сказал муж, не открывая глаз,— ну и кровать, чтоб ее черт побрал. На-ка, пощупай. Я же тебе говорил: проси с мягкими матрацами.— И устало хлопнул по кровати.— Она же как камень.

— Но я не говорю по-испански.— На лице жены появилось удивленное выражение.— Поговорил бы с хозяином сам.

— Ну, вот что,— он чуть приоткрыл свои серые глаза и повернул голову.— Мы как договаривались? Денежные дела, гостиницы, бензин, масло и все такое прочее ты берешь на себя, а нам уже во второй раз попадают жесткие кровати.

— Извини.— Она начала нервничать.

— Могу я хотя бы нормально спать по ночам?

— Я же сказала, извини.

— Ты что, даже не удосужилась пощупать кровати?

— Они мне показались вполне нормальными.

— Нет, ты все-таки пощупай.

— Нормальная кровать.

— То-то и оно, что нет.

— Ну, может, моя мягче. Хочешь, спи на этой,— предложила она и попыталась выжать из себя улыбку.

— А-а, эта такая же,— вздохнул он, закрывая глаза.

Оба молчали. Наконец она встала, схватила пишущую машинку, чемодан и направилась к двери.

— Куда это ты собралась? — спросил он.

— В машину. Поедем в другую гостиницу.

— Поставь их обратно. Я устал.

— Нет, мы поедем в другую гостиницу.

— О господи! Сядь, мы переночуем здесь, а завтра поедем дальше.

Она посмотрела на вещи, и глаза ее вспыхнули. Поставив пишущую машинку на пол, она закричала:

— К черту! Бери мой матрац. Я буду спать на пружинах.

Он промолчал.

— Бери мой матрац, и хватит об этом,— повторила она.

— А что, на двух удобнее,— серьезно сказал он, открывая глаза.

— Господи, да бери оба, я могу хоть на гвоздях спать, только перестань ныть.

— Ладно, обойдусь.— Он отвернулся.— Это было бы непорядочно с моей стороны.

— С твоей стороны было бы очень порядочно вообще не поднимать шум из-за кровати. Господи, да не такая уж она и жесткая. Почему ты не заснешь, если устал, сколько же можно, Джозеф?

— Тише, тише,— сказал Джозеф.— лучше сходила бы узнать, во что обойдется нам поездка на такси к вулкану Парикутин. И посмотри на небо: если оно голубое, значит, извержения сегодня не будет. Да смотри, чтоб тебя не надули.

— Не бойся, я все сделаю.— Она вышла, закрыв за собой дверь.

Небо над городом было голубым, только на севере (а может, на западе или востоке, она не была уверена) огромное черное облако поднималось от пылающей печи вулкана Парикутин.

Она разыскала таксиста, высокого толстяка с торчащими зубами, и началась торговля.

С шестидесяти песо цена быстро упала до тридцати семи...

Значит, так! Он должен приехать завтра в три часа дня и повезти их к грязно-серым снегам, к местам, где выпал вулканический пепел и царствовала пыльная зима. Правильно ли он ее понял?

— Si! Señora, esta es muy claro, si! *
— Bueno **.— Она дала ему номер их комнаты и распрощалась...

Сама того не замечая, женщина погружалась в город, омывавший ее со всех сторон, словно медленная и молчаливая река...

И вдруг тень тревоги пробежала по ее лицу. Она посмотрела на часы: прошло полчаса, как она вышла из гостиницы. Надо было возвращаться.

В самом конце гостиничного дворика продавали прохладительные напитки. Купив четыре бутылки кока-колы, она открыла дверь их номера:

— Мы выезжаем завтра в три часа.

— Сколько дала?

— Всего лишь тридцать семь песо.

— Хватило бы и двадцати. Нечего давать этим мексиканцам возможность обманывать себя.

— Я же богаче их, и если кто заслуживает быть обманутым, так это мы.

— Да при чем тут это? Просто они любят торговаться.

— Когда я с ними торгуюсь, то чувствую себя скотиной: к чему поднимать шум из-за доллара!

— Доллар есть доллар.

— Я заплачу доллар из своих денег,— сказала она.— Хочешь воды?

— Что у тебя там? — Он поднялся и сел на кровати.

— Кока-кола.

— Ты же знаешь, я не люблю кока-колу. Отнеси две

После ужина они вышли на площадь. Zocalo * утопала в зелени. На эстраде, украшенной бронзовыми завитками, свистел, трубил, гудел и ревел оркестр. Сколько людей, сколько красок! Площадь словно расцвела. Оркестр разразился Yanki Doodle **; это привело ее в восторг и, широко улыбаясь, она повернулась к мужу, напевая что-то вполголоса.

— Ты ведешь себя, как туристка.— сказал муж.

— Просто мне хорошо.

— Не будь по крайней мере душой.

Мимо них медленно проходил торговец серебряными безделушками. Джозеф осмотрел его товар и выбрал браслет — очень изящную, изысканную вещь.

— Сколько? — спросил он продавца.

— Veinte pesos, señor.***

— Ничего себе,— с улыбкой сказал муж по-испански. — Я дам тебе за него пять песо.

— Пять песо?! Я умру с голоду.

— Не торгуйся с ним,— сказала жена.

— Не вмешивайся,— все так же улыбаясь, ответил муж.— Пять песо, сеньор.— повторил он продавцу.

— Нет, нет, десять!

— Ну, хорошо, я даю вам шесть, и ни песо больше.

— Берите за шесть, сеньор, согласен.

Мужчина засмеялся.

— Дай ему шесть песо, дорогая.

Негнуцимися руками она вынула бумажник и протянула торговцу несколько банкнот.

— Надеюсь, ты доволен?

МГНОВЕНИЕ В МУХАХ СОЛНЦА

Рэй БРЭДБЕРИ

бутылки назад и возьми апельсиновый сок. Как вулкан, действует?

— Да.

— Ты спрашивала?

— Нет, посмотрела на небо. Оно все в дыму, того и гляди, лопнет от дыма.

— А как мы можем быть уверены, что извержение будет завтра?

— Никак. Если не будет, отложим поездку.

— Я тоже так думаю.— Он опять лег.

Она принесла две бутылки апельсинового напитка.

— Что-то он не холодный,— глотнув, сказал муж...
Ужин подали им во дворе: мясо прямо со сковородки, зеленый горошек, блюдо риса по-испански, немного вина и персики со специями на десерт.

— Еще бы, за доллар и двадцать пять центов я купил браслет, стоящий в Америке тридцать долларов!

— Должна признаться, я дала этому человеку десять песо.

— Что ты сказала? — муж перестал улыбаться.

— Я дала ему десять песо,— повторила жена,— но ты не волнуйся, в счет, который я представлю тебе в конце недели, они не войдут, это пойдет из моих денег.

Он ничего не ответил, только опустил браслет в карман.

Теперь настал ее черед отодвинуться от него и замолчать.

— Я устал, пойду в номер.— сказал муж.

— Мы же проехали от Патскуаре всего сто миль.

* площадь (исп.).
** «Янки Дудл» (муз.).
*** Двадцать песо, сеньор (исп.).

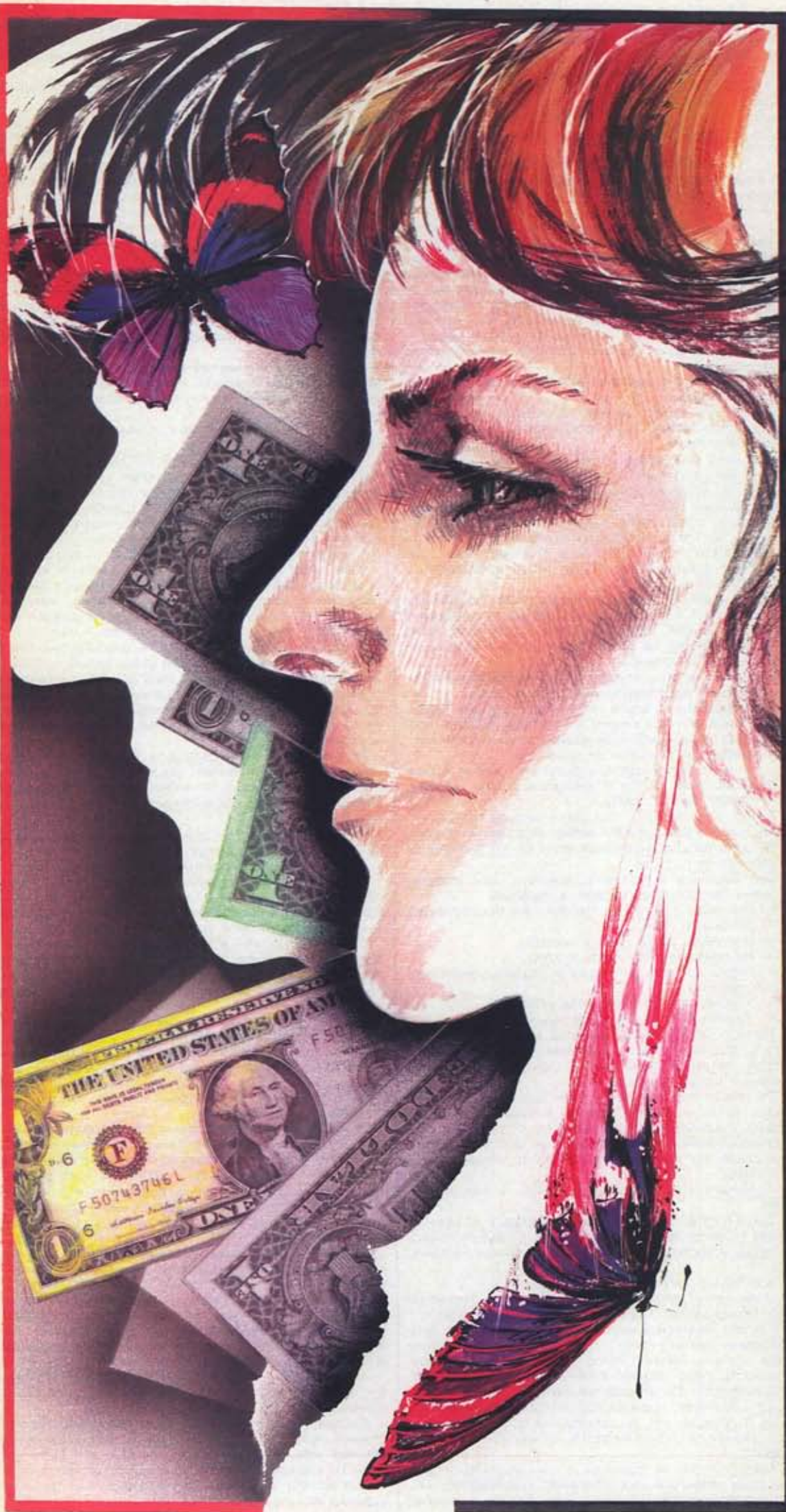

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

— Что-то у меня опять першит в горле. Пойдем. Они вернулись в гостиницу, вошли в номер и разделись.

— Прости меня,— сказал он,— я так устал. Ужасно дергаюсь, когда веду машину, потом мы плохо говорим по-испански. К вечеру я превращаюсь в комок нервов.

— Да,— сказала она.

Внезапно он пододвинулся к ней, крепко прижал к себе, положил голову ей на плечо и, закрыв глаза, горячо, страстно зашептал:

— Ты же знаешь, мы всегда должны быть вместе, что бы ни случилось. Я тебя очень люблю. Если тебе трудно со мной, прости меня. Все наладится, должно наладиться.

Она пристально смотрела через его плечо на пустую стену, как бы олицетворявшую этот момент ее жизни: огромное пустое пространство, где не за что ухватиться. Она не знала, что делать, как отвечать ему. То, что было у нее на душе, выражали глаза, все глубже уходившие в пустоту стены...

Он прижал ее к кровати.

— Знаешь ли ты, как одиноко мне становится, когда мы спорим и ссоримся?

Он ждал ответа, но она молчала. В его голосе послышалось ей такое, от чего почудилось, будто сидит она в поезде, а он стоит на платформе и говорит: «Не уезжай». Она в смятении кричит в ответ: «Это же ты сидишь в вагоне! Ты! А я никуда не уезжаю!..»

В три часа утра она проснулась и уже не могла заснуть. В комнату вливалась прохлада глубокой ночи. Она прислушалась к дыханию мужа и почувствовала, как весь мир уходит куда-то далеко...

Они прожили вместе пять лет, и за все это время ни на день не разлучались; она никуда не ходила одна, он был рядом с ней всегда, наблюдал, критиковал и ни разу не разрешил отлучиться больше чем на час, не потребовав от нее полного отчета. Иногда, чувствуя себя при этом воплощением зла, она украдкой, никому не сказав, уходила в кино на ночной сеанс и, глубоко вдыхая воздух свободы, наблюдала, как люди, куда реальнее ее, двигались по экрану.

«1825 дней с тобой, муж мой,— подумалось ей.— Я, как тот человек из «Бочонка Амантильядо»*, которого замуровали в подземелье, кричу, но никто меня не слышит».

За дверью послышались шаги и чей-то стук.

— Señora,— позвал кто-то тихонько по-испански,— уже три часа.

— Боже, тш-тш...— зашипела жена, вскочила, кинулась к двери и, чуть-чуть приоткрыв ее, сказала в темноту:

— Вы ошиблись.

— Señora, время — три часа.

— Нет, нет,— прошептала она с перекошенным от отчаяния лицом.— Я имела в виду завтра в три часа дня...

— В чем дело? — осведомился проснувшийся муж и зажег свет.— О боже, только три часа ночи. Что этому болвану нужно?

Жена повернулась к нему и, закрывая глаза, сказала:

— Он повезет нас к Парикутину.

— Господи, ты, похоже, по-испански вообще ни в зуб ногой!

— Уходите,— сказала она таксисту.

— Но я же специально встал.

Муж выругался и поднялся.

— А-а, теперь я все равно не усну. Скажи этому идиоту, мы будем готовы через десять минут и поедем с ним, о господи!

Проводник нырнул в темноту и выскользнул на улицу, где холодная луна полировала бамперы его машины.

— Ну, ты и бестолковая,— бросил муж, натягивая две пары брюк, две рубашки и на все это шерстяную рубашу.— Дьявол, это уж точно добьет мое горло. Ну, если я опять свалюсь с фарингитом...

— Ложись спать, черт с тобой.

— Нет уж, теперь я все равно не засну,— ответил он, натягивая еще два свитера и две пары носков.— Там в горах холодно, одевайся теплее, да пошевеливайся.

— Ложись спать,— сказала она.— Заболеешь, опять будешь ныть, на что мне это нужно.

— По крайней мере могла бы хоть время ему четко сказать.

— Заткнись.

— У тебя ветер в голове, поэтому ты вечно что-нибудь напортачишь.

— Оставь меня в покое, черт бы тебя побрал, оставь меня, я не нарочно это сделала!

Она подняла руки, сжав их в кулаки. Пылающее лицо ее было искажено и безобразно.

— Опустите руки! — закричал он.

* рассказ Э. Пь.

— Я тебя убью, клянусь, убью,— кричала она.— Оставь меня в покое! Я из кожи вон лезла — кровати, язык, время, о господи! Думаешь, я не понимаю, что виновата?

Через минуту, успокоившись, она протянула ему куртку и сказала:

— Пойдем, он ждет нас.

— Иди ты к чертям, я никуда не поеду.— Он опять сел.— Ты должна мне 50 долларов.

— С какой стати?

— А ты вспомни, что обещала?

И она вспомнила. Это было в Калифорнии, в самый первый день их путешествия. Они поругались из-за какого-то пустяка, и вперьвые в жизни она подняла на него руку, но, испугавшись, опустила и устала в на предательскую ладонь.

— Ты хотела ударить меня! — закричал он.

— Да.

— Ну, что ж, если ты еще раз сделаешь что-либо подобное, то заплатишь мне 50 долларов из своего кармана.

Такова была их жизнь, полная дани, выкупа и мелкого шантажа. Она платила за все свои ошибки, случайные и неслучайные: доллар за то, доллар за это. Если по ее вине был испорчен вечер, она платила из денег, отложенных на одежду. Если они ходили в театр и она начинала критиковать понравившуюся ему пьесу, он устраивал сцену, и ей приходилось платить за билеты... Так продолжалось год за годом, чем дальше, тем хуже...

— 50 долларов. Ты обещала, если дело снова дойдет до таких истерик с рукоприкладством.

— Но я же не ударила тебя. Ладно. Заткнись. Я заплачу тебе эти 50 долларов, я сколько угодно заплачу, только оставь меня в покое.

Она отвернулась и подумала, что он превратил деньги в орудие, постоянно нацеленное на нее. Когда она срывалась, то вынуждена была отдавать ему часть заработка, достававшегося ей нелегким трудом.

— А знаешь, у меня такое впечатление, что с тех пор, как мои рассказы взяли в журнал, ты затеваешь больше ссор, а я плачу тебе больше денег.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он и, неожиданно успокоившись, добавил:

— Так ты заплатишь?

— Да.

Она быстро надевала брюки и куртку.

— Кстате, я давно собиралась поговорить с тобой о деньгах. Нет смысла держать их отдельно, все деньги я буду отдавать тебе.

— Я об этом не просил, — быстро сказал он.

— А я настаиваю.

«Я сейчас обезоруживаю тебя, — думала она. — Теперь уж ты не будешь выкачивать из меня деньги, цент за центом, капля за каплей. Придется тебе придумать другой способ, чтоб досаждал тебе».

— Но... — начал он.

— Не будем больше говорить об этом. Они все твои.

— Я просто хотел, чтобы это послужило тебе уроком. Ведь ты такая несдержанная.

— Ну да, и живу я только ради денег.

— Все деньги мне не нужны.

— Ладно, хватит.

Перебранка утомила ее. Она открыла дверь и прислушалась. Соседи ничего не слышали, а если и слышали, то не обратили внимания. Фары ожидавшего их такси освещали небольшую площадку перед гостиницей...

Они выехали из Уруапана и долго тряслись по застывшим в ленивой дреме снежно-пепельным холмам под холодными ясными звездами, потом взобрались на гору, где стояли торжественно-серьезные мужчины и смуглые мальчишки; рядом под безмятежным небом переговаривалась группа американцев в бриджах. Подвели лошадей, и все отправились вверх по реке лавы. Жена заговорила с американцами, посыпавшись шуточками; муж через некоторое время поскакал вперед...

В эту ночь Парикутин был рекой золота, далекой рекой расплавленной руды, текущей к мертвому морю лавы, к далекому вулканическому берегу. Если заткнуть дыхание и успокоить колотящееся сердце, можно услышать, как лава сталкивает вниз камни; они катятся, переворачиваются и едва слышно грохочут. Над кратером стояло красное сияние, а изнутри беззвучно поднимались светло-коричневые и серые облака, залитые розовым светом...

Они стояли вдвоем и смотрели, как лава слизывает темный конус вершины.

Он упрямо молчал.

— Чем ты теперь недоволен? — спросила она.

— Разве ты не могла побыть со мной? Я думал, что в Мексике мы всегда будем вместе. А ты сразу начинаешь прятаться с этими проклятыми текасцами.

— Мне было так одиноко. За два месяца мы не встретили ни одного американца. Днем здесь хорошо, а по ночам тоскливо. Просто захотелось с кем-нибудь поговорить.

— Тебе захотелось сказать им, что ты писательница.

— Неправда.

— Всегда всем рассказываешь, какая ты хорошая писательница и как путешествуешь по Мексике на деньги, заработанные в большом журнале, напечатанном твоей расказ.

— Один из них спросил, чем я занимаюсь, вот я и сказала. Но ты прав, черт возьми, я действительно горжусь своей работой. Мне пришлось ждать целых десять лет, пока напечатали мой первый рассказ.

Он долго рассматривал жену, освещенную пламенем вулкана.

— А знаешь, перед тем, как ехать сюда, я вспомнил об этой проклятой пишущей машинке и чуть было не швырнул ее в реку.

— Что?!

— Нет, не выбросил, пока просто запер в машине.

Я уже съел по горло и ею, и тем, как ты портишь нашу поездку. Ведь ты здесь не со мной, а сама по себе, для тебя существует только одно — ты, ты и эта чертова машинка, ты и твои нервы, ты и твои впечатления, ты и твоё одиночество. Я знал, что так будет и сегодня. Куда бы мы ни пошли, ты вечно спешишь в номер и барабанишь на своей машинке. И днем, и ночью — одно и то же, да сколько же можно?! Зачем мы сюда приехали?!

— Я неделю не садилась за машинку, зная, как она тебя раздражает.

— Вот и не садись за нее еще неделю, месяц, пока не вернемся домой. Твое проклятое вдохновение может и подождать.

«Не надо было обещать ему все деньги, — подумала она. — Не надо было отнимать у него это оружие. Теперь он добрался до самого главного, до настоящего — до моей работы, до машинки! О господи!»

И вдруг поток гнева охватил ее, захотелось его ударить, быть может, сбросить со скалы, но она просто толкнула его в спину, вложив в этот жест весь свой гнев, всю накопившуюся обиду, и это означало, что разговор кончен...

Через час муж с женой тронулись сквозь рассеивающую мглу в обратный путь. Спускаясь к мертвому городу, к церкви, погребенной под слоем лавы, жена думала: «Почему не упадет его лошадь? Почему не сбросит его на камни?»

Но ничего не происходило. Они скакали дальше. Из-за горизонта поднималось багровое солнце...

Они проспали в своем номере до часу дня. Одевшись, жена полчаса сидела на кровати, ожидая пробуждения мужа; наконец он зашевелился, перевернулся — небритый, бледный от усталости.

— У меня болит горло, — были его первые слова. Она промолчала, потом поднялась и пошла к двери.

— Пойду куплю газету.

Выйдя из гостиницы, она долго шла по только что вымытым улицам, вдыхала невероятно чистый воздух, и ей было бы совсем хорошо, если бы не постоянная дрожь где-то в груди.

Она подошла к таксисту, чувствуя, как замерло и снова заколотилось сердце, и спросила:

— Мне надо в Морелию. Сколько это будет стоить?

— Девяносто песо.

— А я смогу сесть там на поезд?

— На поезд можете сесть и здесь.

— Верно, но здесь я не стану его ждать, у меня есть на то причины.

— Хорошо, я отвезу вас в Морелию.

— Идемте, мне еще кое-что нужно сделать.

Такси осталось ждать напротив гостиницы. Она вошла во дворик, вдохнула пьянящий, кристально чистый воздух, затем, прижав руки к телу и закрыв глаза, тихо отворила дверь.

Он лежал спиной к ней и спал. Быстро и бесшумно надел жакет и проверив деньги в кошельке, она подошла к кровати и посмотрела на спящего мужа — знакомые черные волосы на затылке, профиль, закрытые глаза. Он зашевелился и спросил сквозь сон:

— Что?

— Ничего, — ответила она, — ничего и еще раз ничего.

Такси с грохотом пронеслось по городу и на невероятной скорости вырвалось на шоссе. Позади остались и город, и гостиница, и спящий в гостинице человек, и...

Все. Мотор заглох.

«Нет, нет, — думала Мэри, — о боже, нет, только не это. Мотор сейчас заведется, должен завестись».

Таксист высочил из машины, ожог господа бога взглядом, рванул капот, казалось, его скрюченные руки вот-вот схватят мотор, вырвут железные внутренности; лицо застыло в нежной улыбке невыразимой ненависти. Он повернулся к Мэри и заставил себя пожать плечами, подавив ярость: на все воля божья.

— Я провожу вас до автобусной остановки, себога, — сказал он, помог ей выйти из машины и показал дорогу.

Автобус стоял на площади. В него садилась индейцы: одни входили молча, медленно, уверенно, величаво, другие тараторили как птицы, пихали в автобус детей, корзины с цыплятами и поросят.

Мэри вошла в салон, и со всех сторон на нее обрушились запахи: горячей смазки, бензина и масла, мок-

рых кур, мокрых детей, обливающихся потом мужчин и женщин, старых истертых чехлов и маслянистой кожи...

Она пробралась назад, чувствуя любопытные взгляды индейцев.

— Я уезжаю, наконец-то я уезжаю, ухожу, я больше никогда его не увижу, я свободна, свободна.

Она чуть не засмеялась.

Автобус тронулся, пассажиры тряслись и качались, что-то крича и улыбаясь, а позади остались город, Отель де лас Флорес, внутренний дворик и Джозеф...

Она повернулась, скрестила руки на груди и стала размышлять, чего же добились своим отъездом. На мгновение ей показалось: как же это хорошо — сидеть, откинувшись на спинку кресла, и созерцать тишину. Ничего не знать, ничего не чувствовать, ни о чем не думать.

Автобус мчался вперед сквозь свежий сладкий полуденный воздух, между иссохшими львиными шкурами гор, под старинными акведуками, по которым, словно свежий ветер, бежала вода, мимо церкви. Вдруг, совершенно неожиданно для себя, Мэри подумала:

«Я никогда больше не увижу Джозефа; никогда, никогда, до самой смерти, и после смерти я не увижу его, ни часа, ни минуты, ни секунды, совсем, совсем не увижу...»

Она вся оцепенела, стала оглушительным пустым ничто.

«Не смей кричать! Не смей! Не смей! Как ужасно кружится голова; автобус, руки, юбки — они все синие, черные; кровь отлила от головы, сейчас она упадет в обморок, какая неожиданность... Джозеф, Джозеф, Джозеф. Я не могу жить без него, — подумала она, — все это время я лгала себе. Я не могу без него, о господи, я, я... Остановите автобус! Остановите!»

Крик. Автобус затормозил. Всех бросило вперед.

Она выкарабкалась из кресла и пробралась к выходу. Водитель в ужасе усталился на женщину, которая, налетев на него, вывалилась в открытую дверь и так и осталась лежать. Кто-то наклонился к ней, кто-то вынул из автобуса ее вещи, а она, захлебываясь и рыдая, объясняла, что ей надо назад, в город. Водитель покачал головой, дверь автобуса сложилась гармошкой и закрылась, медные лица-маски индейцев понесли дальше, прочь, удаляясь и вскоре исчезнув из ее сознания. Она еще несколько минут лежала на чемодане и плакала.

Поднявшись, она перетащила чемодан на шоссе: шесть машин с урчанием пронесли мимо, и лишь седьмая остановилась — роскошный автомобиль из Мехико, в котором сидел представительный мексиканец.

— Вам в Уруапан? — вежливо спросил он, стараясь не смотреть на ее одежду.

— Да, — наконец произнесла она, — в Уруапан...

Пожилой мексиканец довез ее прямо до гостиницы, помог выйти из машины, снял шляпу и распроцался. Взяв чемодан, она побрела в отель и вновь очутилась в комнате, из которой ушла тысячу лет назад...

Муж лежал спиной к ней; тусклый сумеречный свет падал на его фигуру, и, казалось, он так ни разу и не пошевелился все то время, что ее не было. Он даже не знал, что она уходила, была на краю земли и снова вернулась к нему.

Жена стояла и смотрела на его шею, на темные выходящие волосы, похожие на пепел, упавший с неба...

Потом она очутилась в мощном внутреннем дворике под жаркими солнечными лучами. Она видела, как загорались возле нее две бабочки, заматались из стороны в сторону и наконец сели на куст, плотно прижавшись друг к другу.

Глаза ее следовали за этими двумя золотисто-желтыми существами, этими яркими пятнышками на зеленом листе, слившимися воедино. Крылья их билась все медленнее... Вдруг рот ее задергался, рука закачалась, словно маятник, пальцы взлетели вверх и обрушились на бабочек, сжимая их все крепче и крепче... Откуда-то из горла рвался крик, но ей удалось подавить его...

Рука разжалась сама по себе, и два маленьких комочка яркого порошка упали на блестящую плитку, которой был вымощен двор. Она взглянула вниз на то, что осталось от золотистых созданий, потом резко вскинула голову, стерла пылью с онемевших пальцев и, глядя на поднимающийся в небо столб дыма, сказала через плечо — слышал ли ее мужчина, лежавший в номере, или не слышал — кто знает?

— ...Пожалуй, сегодня можно съездить к вулкану. Он, видно, заработал вовсю. Огонь будет, дай бог, вот увидишь...

Да, подумалась ей, огонь упадет вокруг нас, крепко сожмет, потом отпустит; мы станем пеплом, и ветер понесет нас, огненный пепел, на юг...

— Ты слышишь меня?

Она встала у кровати, замаялась, но так и не ударила его по лицу...

Перевод с английского
Елены ТЕМИРБАЕВОЙ.

Владимир СОКОЛОВ,
кандидат технических наук

ТРЕБУЕТСЯ

МЕНЕДЖЕР!

Все чаще руководители предприятий, организаций и подразделений не назначаются сверху, а выбираются демократическим путем, расширяются их права. Но это еще далеко не все условия для настоящей творческой работы. Нужны четкие рекомендации социолога, экономиста, психолога, юриста и других специалистов. Словом, необходимо овладеть искусством научного управления — трудными коллективным менеджером.

Не по мановению волшебной палочки Япония за короткий срок поднялась к вершинам научно-технического прогресса, создала огромное национальное богатство и мощный экспортный потенциал. Успехи и достижения Страны восходящего солнца во многом объясняются тем, что она эффективно использовала западную науку управления, творчески переработав ее и «пропустив» через свою национальную культуру и традиции. И что интересно, наиболее систематизированный подход к принятию решений разработан уже в самой Японии! Специалисты по японскому менеджменту ценятся в деловом мире США. Многие книги по организации управления в Японии становятся бестселлерами. Теперь американские бизнесмены стремятся творчески освоить опыт своего главного конкурента, изучить его, так сказать, «организационное оружие». Многие из них, чтобы получить ценную информацию из первоисточников, даже засели за изучение японского языка!

США ежегодно готовят в высших учебных заведениях около 70 тысяч специалистов по управлению. Ежегодно затраты на повышение квалификации деловых людей — менеджеров — составляют более 13 миллиардов долларов. А ведь мы хорошо знаем — лидеры американского бизнеса не станут бросать деньги на ветер.

Анализируя принципы управления в Японии, американские эксперты все чаще объясняют высокую эффективность японских фирм в выполнении производственных задач и конкурентной борьбе хорошим морально-психологическим климатом, серьезной работой над вопросами межличностных и межгрупповых отношений. Критика же, по мнению западных экспертов, ведет к улучшению результатов лишь при следующих условиях: если ее высказывает человек, пользующийся доверием и уважением критикуемого; если она применяется в особых случаях, а не является повседневной и привычной; если она высказывается в товарище-

ском тоне, а не облечена в грубую и враждебную форму. Принято больше критиковать сами идеи, чем их авторов. Словом, критика, наказания — обоюдоострое оружие, способное не только созидать, но и разрушать человеческую личность.

В правительственной программе японцы заложили скрытый механизм, который в будущем может резко усилить их позиции на мировом рынке. В чем же секрет? Разработан план коренной перестройки японской экономики на базе научно-технического прогресса, концентрации производства на самых перспективных направлениях — биотехнологии, биоэлектронике, создании новых материалов и средств связи, роботов, имитирующих человеческий интеллект, компьютеров. Японцы поставили перед собой задачу: к 2000 году перевести свою экономику на информационную базу. Цель сформулирована так: превратить Японию в главного поставщика самого эффективного товара в мировой экономике — знаний, воплощенных в наукоемких изделиях, в патентах, лицензиях, а также в технологии организации и управления производством, то есть в менеджменте.

Поэтому если за рубежом заходит речь об организациях, то имеют в виду не штаты, отделы, не оргструктуру, а прежде всего процедуру выработки и реализации организационных решений — технологию управления производственными процессами и людьми. Особое внимание, естественно, уделяется управляющей части, административному аппарату, чтобы он точно соответствовал своему управляемому объекту.

Западные менеджеры вооружены не только современной оргтехникой типа автоматического карандаша или карточки на персональном компьютере. Речь даже не о высокой степени автоматизации управленческих функций. Главное в содержании управленческих процедур, отражающих передовую технологию управления.

Со старым багажом знаний сегодня уже не проживешь. Где получить новые знания и обновить старые? Ведь наши вузы пока не выпускают организаторов производства. Значит, необходимы школы деловых людей — школы менеджеров, где могли бы обучаться вновь или периодически повышать свою квалификацию специалисты.

Недельные, месячные или полугодовые школы могли бы работать по двум основным направлениям: совершенствование организации производства на отечественных предприятиях в условиях перестройки и анализ особенностей организации производства на зарубежных предприятиях (применительно к особенностям основных регионов) — для специалистов предприятий, работающих на экспорт, и для специалистов смешанных предприятий и фирм. Сейчас складывается весьма благоприятная ситуация для создания и развития небольших смешанных предприятий по производству потребительских товаров, пользующихся устойчивым спросом

на внутреннем и, конечно, на мировом рынке. Многие зарубежные фирмы откликаются на предложения вложить средства в создание небольшого предприятия и сами обращаются с подобными проектами. В Минвнешторге СССР недавно создан специальный отдел по работе с совместными предприятиями, который помогает будущим деловым партнерам находить друг друга. Огромными резервами, по мнению специалистов Минвнешторга, располагают предприятия местной промышленности, бытового обслуживания и даже кооперативы по переработке вторичного сырья, колхозы.

Зарубежные организации не сидят сложа руки — пытаются опередить нас в этой организационной инициативе. Когда в ноябре 1987 года в Москве открылось постоянное представительство ведущего австрийского банка «Кредитанштальт», его генеральный директор предложил создать в Вене совместную школу «Восток—Запад. Школа менеджеров» как совместное коммерческое предприятие — своеобразную аспирантуру для повышения квалификации наших и австрийских специалистов.

В Болгарии при Высшем машиноэлектротехническом институте имени В. И. Ленина открыта своеобразная школа менеджеров, где специалисты разных отраслей народного хозяйства проходят трехмесячный курс занятий. Их тематика в основном посвящена экономическим, организационным, правовым вопросам, связанным с внедрением в производство новых технологий, достижений науки и техники. Вторая школа, но уже с более широким охватом тем, действует в Болгарии на базе «ЭКО-интеллекта» — консультационной фирмы с правами малого предприятия.

Программа для «ЭКО-интеллекта» выработана с участием совета при Болгарской индустриально-хозяйственной ассоциации — БИХА, в который входят ведущие ученые страны в области организации управления, авторитетные хозяйственные руководители. Особое внимание уделяется финансовым аспектам, кредиту, ускорению оборачиваемости средств, влиянию внешних и субъективных факторов на развитие производства, работе с кадрами, созданию демократической, творческой обстановки в коллективах.

Слушатели съезжаются со всей страны с отрывом от работы на три — пять — бывает, до пятнадцати дней. Обычно после короткого вводного доклада начинаются лекции с анализом как вымышленных, так и конкретных управленческих ситуаций, возникающих на том или ином предприятии. Используются графики, схемы, персональные компьютеры — с их экранов выдаются оценки слушателям: кто из них в ходе игры принял правильное или ошибочное решение. Моделируются и переговоры с иностранными партнерами, изучаются функции маркетинга, включая изучение спроса на продукцию, ценообразование, рекламу, стимулирование сбыта, планирование товарного ассортимента...

Конечно, нам надо учиться управлению, заимствовать передовой зарубежный опыт. Но ведь и наши ведущие специалисты — управленцы — глубоко разбираются в собственных проблемах. Поэтому выдвинутое предложение об организации сети отечественных школ деловых людей — школ менеджеров — с организацией при них консультационных центров (фирм), позволяющих освоить современные управленческие премудрости, где капитаны индустрии, руководители предприятий, организации и их специалисты постигали бы новейшую науку управления, заслуживает особого внимания нашей научно-технической общественности.

Не освоив культуры управления, как осилить с меньшими потерями переход от административных к экономическим методам управления? Нам нужны руководители новой выучки.

Какими видятся отечественные школы деловых людей — школы менеджеров? Думается, необходима Высшая центральная школа с научно-методическим и консультационным центром и соответственно — отраслевые школы в республиках, краях, областях.

Программа работы этих школ должна быть рассчитана на несколько основных должностных уровней обучающихся в них специалистов, уже имеющих образование по своей специальности и опыт работы по ней, — от мастеров, начальников отделов, цехов до директоров совхозов, заводов, фабрик, генеральных директоров объединений, министров, их заместителей.

Обучение в школах должно проводиться по направлению соответствующих организаций, предприятий, колхозов, кооперативов, в которых работает обучающийся. Школы могли бы отбирать лучшие достижения отечественной и зарубежной науки, практики управления и деловой жизни для массового внедрения их положительных элементов на хозяйственных началах, проводить систематическое ознакомление со спецификой сложившейся практики зарубежных деловых контактов, внимательно следить за всеми ее изменениями и новыми тенденциями, прогнозировать эти тенденции.

Обучение и все другие услуги этих школ (консультации, справки и прочее) должны быть платными, за счет направившей на учебу организации, предприятия, фирмы, кооператива, что позволит школе менеджеров работать на основе хозрасчета и самоокупаемости, быть высокорентабельным предприятием, способным зарабатывать валюту.

Почему бы не организовать рабочие группы по созданию сети школ деловых людей, а также поездок группы в страны, где имеются наиболее крупные, успешно функционирующие такого рода школы для ознакомления с положительными элементами опыта их работы, действующими в них программами обучения и спецификой иностранной деловой практики.

Кто возьмется за все это? Время не ждет.

Александр КЛИМЧУК

ЧЕТ

Город за двадцать лет измениться не мог — тот же камень и то же небо, те же улицы и закоулки, тот же дух, парящий выше ратуши с колокольней и минарета...

Я здесь учился, и мне, студенту, казалось: знаю каждый утес каньона, тончайший изгиб реки; найду любой дом, переулок, неопиcуемый тупичок, а что уж говорить о седых воинственных стенах — они хранились памятью, сердцем каждого, кто хоть раз побывал у их основания или читал «Старую крепость» Владимира Беляева.

Из-под руки богородицы, что венчает минарет, хорошо видны Старый город и Новый с перспективой невыразительного архитектурного пейзажа. Отсюда — зримее тревоги жемчужины Подолии, ее обнаженная боль.

Издrevле три дороги, «три битих шляхи», как поется в украинских народных песнях, вели в славный град Каменец: Черный, Кучманский, Волосский.

А вот и четвертый, наисовременнейший: Путь, На Котором Старый Город Себя Потерял...

...И камень расскажет: бежала речка-невеличка, спешила к большой воде, самому Днестру, приуcтав, покорно вошла в берега из камня и тишины, извернулась петлей, образовав полуостров, что соединил тоненькой дорожкой Турецкий мост с Подзамчем, Польскими фольварками. Жили здесь уличи, тиверцы,

волыняне — племена Киевской Руси, гнездились селения охотников и хлебопашцев, научившихся торговать не только в своем Понизовье, но и далеко за горами и морями — отыскались ведь на окраинах Каменца серебряный денарий Марка Аврелия, медная византийская монета XII столетия, серебряные монеты византийских дожей Джено и Дандоло. На Птолемеевых картах — местность, где раскинулся ныне красивейший город Подолии, обозначена Клепи-

Фото Евгения СТЕЦКО

Старая крепость — душа и гордость Каменец-Подольска.

Вот она — «застывшая музыка».

Закатные краски...

Молодость древнего города.

Забот и проблем у реставраторов много, — непросто возродить облик, стертый десятилетиями.

Щедр и ярк базар Подолии.

Здесь, на центральной аллее, ощущается дыхание веков.

ВОРТЫЙ ШЛЯХ

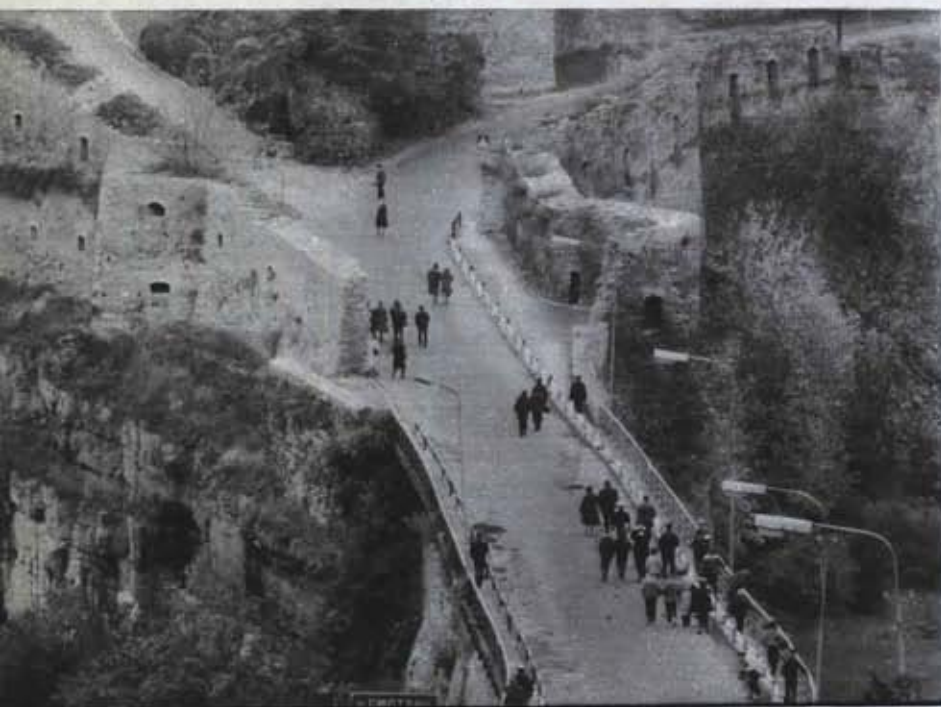
давой (иногда — Петридавой), что в переводе с латыни: скала и камень. Но Каменец-Подольский ли это? На приднестровской гряде были и другие известные города: Бакота, Ушица, Калюс. Верить ли Птолемию?

В своей исторической судьбе Каменец триедин — несколько столетий мирно и бурно уживались в нем общины, сохранившие по сей день каждая свой очаг: украинцы, армяне, поляки. Русская брама, Польские фольварки, Армянский бастион, Турец-

кий мост, Татарское урочище... В каждом из названий — время, люди, история...

В 1362 году великий князь литовский Ольгерд возле реки Синёхи наголову разбил ханов татарских — братьев Хачибей, Котлугуба и Димитрия, отдал Подолию в лан племянникам Кориатовичам. Будто один человек создавал легенды о Вильнюсе, Тракае и Каменце: увлекшись охотой, не заметил князь, как очутился на незнакомой горе, в непроходимом лесу, посреди вод

Мост через Смотрич — из прошлого в настоящее.

обильных, и, красотой очарованный, приказал строить замок. Гедиминас — в Вильнюсе, Кястутис — в Тракае, Кориатовичи — в Каменце.

Возродилась, воспрянула духом Старая крепость! На древнерусских руинах выросли новые стены со сторожевыми башнями и бойницами — на случай круговой обороны. О здешний камень разбивались волны ордынских набегов. Цитадель поражала величием, отпугивала неприступностью, с каждым мигмом победы становясь больше легендой, нежели крепостью. Рассказывают: в 1621 году турецкий султан, подступившись под Каменец, спросил: «Кто строил эту крепость?» «Бог, чудной природой», — ответствовали ему. «Так один Бог и может одолеть ее» — и велел трубить отступление.

И все же именно турки полвека спустя обосновались здесь. Возвели новые башни, опоясали их тюрбанями из красного кирпича, укрепили стены и старый деревянный на каменном основании мост (с тех пор — Турецкий).

Восемнадцать лет во главе Подольского пашалыка стоял Галиль-паша, военная косточка и хороший фортификатор, Каменец-Подольский при нем приобрел черты крепости, сохранившейся до сих пор. (Право же, не заслужил Галиль-паша того, чтобы на стенах его дворца выросла — уже в наше время, лет двадцать назад — удивительнейшая художественная безвкусица «короб Медведовского».)

А в 1699 году киевский воевода Мартин Контский в Подзамче принял от Кахримана-паша два громадных ключа — от крепости и города, где треть подворий имела жалкий вид запустения. Люди возвращались сюда с опаской, городу никогда уже не вернуть громкой купеческой славы на пути от Киева до Балкан. Зато прибавится славы, проклятой в народе: на площади перед ратушей казнили гайдамаков времен Колиивщины 1768 года, дважды клеймили каленным железом и «крестили» ударами плетью народного мстителя Устима Кармалюка... Величественнейшая из башен крепости зовется ныне Кармалюковой — здесь трижды за Устимом смыкалась тяжелая кованая дверь, отсюда он — святой дух, не иначе! — вылетал в окрестные леса. Как это ему удавалось — уму непостижимо: из бойниц крепости к реке ведет единственно возможный путь — по многометровой отвесной стене. Загадка! Разгадать ее, может быть, мешает и то, что вот уже добрый десяток лет по воле администрации музея-заповедника «Старая крепость» неистовый Устим «содержится» на цепи, вмурованной в скальную твердь. Зрелище не из приятных: восковой муляж, то бишь Кармалюк на цепи...

Последующее столетие ниспослало Каменцу мир: все войны, от Отечественной 1812-го до русско-турецких конца XIX столетия, касались его лишь крылом. Крепость потеряла военное значение. Гарнизон здесь, правда, оставался долго, служили в нем и поэт Константин Батюшков, и будущий декабрист, а в Каменце — организатор тайного политического кружка «Железные перстни» — Владимир Раевский; служили, очаровывались красотой фортификации, прелестной игрой природы, тяготились провинциальным однообразием.

«Вот шесть недель, что я здесь, — писал Батюшков, — а ни одного слова ни с одной женщиной не говорил. Вы можете судить, какое общество в Каменце: кроме советников с женами и детьми, кроме должностных лиц и стряпчих, двух или трех гарнизонных полковников, безмолвных офицеров... ни души. Есть театр: посудите, каков он должен быть: когда идет дождь, то зрители вынимают зонтики: ветер свищет во всех углах и с прекрасными пьяными офицерами и скрипкою оркестра производит гармонию особого рода...»

В начале XIX столетия город имел типографию и книжную лавку.

В первый день 1833 года в Каменце открыли гимназию, ровно через тридцать три года, день в день, — публичную библиотеку.

...С резной чаши минарета, из-под сени мадонны, средневековый город угадывается с трудом — прошлись войны по нем, «почудодействовали» люди. И все же: ансамбли домов, осмысленная графика площадей и улиц, золотые соборы, стройная ратуша, криница армянского купца Нарзеса с соленой водой в каменном монолите; товар со всего мира на рыночной площади в столпотворении знаменитой каменецкой тандиты — толкучки.

Нет-нет и улыбнется, выглянет из-за плеча уже известных нам «коробов Медведовского» старинный дом, излучит совершенство тончайших архитектурных линий, кажется, лютней откликнется, заговорит... Но нет, безмолвствует, ему, дому, нужно пространство — площадь и люди. А сегодняшний его удел — затеряться в кустах угасающей рыночной площади, в неживых «шедеврах» Укоопторга, на сквозняках, гуляющих между кварталами, лишенными древних примет.

С минарета видно, как тесно на ста двадцати гектарах заповедного города обитом его хозяевам — ГИАЗу и ИМУЗу, то бишь Государственному историко-архитектурному заповеднику и Историческому музею-заповеднику. Казалось бы, само предназначение должно их роднить. Но не до родства тут...

«Проект зон охраны не отвечает современным требованиям: не увязан с генпланом города, не учитывает точек его восприятия» — вот просвещенное мнение Министерства культуры СССР, его градостроительной комиссии при методическом совете по охране памятников истории.

А вот документ изначальный — постановление Совета Министров УССР о создании Государственного историко-архитектурного заповедника в г. Каменец-Подольском.

В постановлении предписывалось: к 1985 году из заповедной зоны Старого города выселить все промышленные предприятия, к 1990-му — закончить реставрационные работы.

Республика во всеуслышание взялась за сотворение украинского Суздаля».

Почему бы и нет?

После Великой Отечественной в Старом городе осталась лишь десятая часть жилищного фонда. Руины сровняли с землей. Землю утоптали и укатали. На месте рыночной площади разбили сквер...

Итак, площадь заросла кустами. Центр лишился своеобразия — своего лица; чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на гравюру — схему города, составленную в 1672 году каменчаннином Киприаном Томашевичем.

Но и это еще не все: отцы и зодчие Каменец-Подольского, преступая закон и мораль (Старый город с 1928 года — Государственный историко-культурный заповедник), на древних фундаментах благоусловили новое строительство. И выросли архитектурные «застойники», строения-близнецы: универмаг, школа, административное здание, целый ряд «коробов» Изяслава Медведовского. Но не это удивляет, другое: хранителем уникальной природной красоты Каменец-Подольского, реставратором и создателем его архитектурной среды на протяжении тридцати двух лет является человек, по сути, губящий уникальный исторический памятник.

Старый город «приручили» — и я это хорошо помню — к выгодам сиюминутным: архив — под костел, монастырь — под типографию, армянский торговый дом — под пожарное депо. Бетонный узел построили к... церкви. Город запрудили архитекторы-косметологи: кирпичные сараи прчют за стенку, облицованную под бутую кладку; вход с улицы к Николаевской церкви XIV века «запечатали» таким образом, чтобы он был легко угадываем, но к церкви не пропущал: там частные гаражи. А вот и впрямь новинка — агитплощадка перед ратушей, стилизация под шатер из... бетона: подумаетесь, средневековый город?! Зато как быстро, оперативно откликнулись на призывы: соцкультбыт — в каждый микрорайон!

Спустя полстолетия средневековый Каменец-Подольский снова стал... заповедником. Государственным историко-архитектурным. Постановление Совмина республики обязывает ко многому, но... До сих пор в пределах города работают швейная, табачная фабрики, цех алюминиевой утвари.

И еще: уже можно сказать со всей определенностью, что к 1990 году, как планировалось ранее, реставрационные работы закончены не будут. Они только-только начаты. И хотя в городе номинально есть солидный подрядчик — реставрационно-производственная мастерская, обслуживает она четыре области, а нынешние темпы освоения капложений, сдачи готовых объектов предполагают завершение всех ремонтно-реставрационных работ через... пятьдесят — шестьдесят лет.

ГИАЗ, осознав свое незавидное положение, готов отказаться от проведения научно-археологических изысканий. Пусть этим, дескать, занимаются историки из ИМУЗа. А мы будем строить! Но как? А вот как: новое на старых фундаментах. Туристический комплекс с админцентром и высотной гостиницей, торговым центром и универмагом. Это ли не произвол над исторической памятью?!

Заповедный город задыхается в ведомственной неразберихе. Отсюда разобщенность и безответственность, ограниченность средств и бюджеты без лимитов, обещания вроде «мы все готовы исправить!» и неумение с толком и тактом задействовать отреставрированное здание. Отсюда же и возникновение неразрешимых задач, вроде приобретения трехсот кубометров древесины для реставрации гибнущего шедевра подольской архитектуры — деревянной Крестовоздвиженской церкви.

За черепашими темпами работ — разбазаривание государственных средств, нерасторопность служб горкомхоза, антисанитария в Старом городе.

Куда уже дальше?

А кем укомплектован ГИАЗ? Школьные учителя, инженеры, техники-строители, механики, специалисты сельского хозяйства! Но нет здесь научных работников с должной исторической эрудицией, ничтожно мало специалистов. И как же не хватает стотысячному подольскому городу своего Семена Гейченко! Или Михаила Сикорского, подвижника из Переяслава-Хмельницкого на Киевщине, сумевшего создать в небольшом районном центре, помимо знаменитого ныне музея под открытым небом, еще четырнадцать музеев.

Горисполком Каменец-Подольского за последние шесть лет лишь однажды (!) обсудил проблемы Старого города и ГИАЗа. И что это было за «обсуждение» — разговор со взаимными упреками и обещаниями «не хвастать руинами», «работать предметно, а не вдогонку», «знать, что будем делать не только сегодня, но и завтра», «знать, как будем использовать памятники».

Слова, слова...

Старый город должен иметь одного хозяина, и этим хозяином быть обязан ГИАЗ (кстати, и созданный с этой целью). А уже на правах структурных подразделений, своеобразных субподрядчиков (а не конкурентов!) в него могут войти Исторический музей-заповедник, реставрационно-производственная мастерская...

К оружию звал трубач, завидев с крепостных стен столбовую пыль под босыми ногами Северина Наливайки и его побратимов-крестьян. Пробовали камень на лезвие сабли казацкие предводители, защитники Украины Максим Кривонос, Иван Богун и Богдан Хмельницкий — отсюда, из-под Жванца, гетман выехал на историческую Переяславскую Раду, воссоединившую Украину с Россией...

Тут слушал кобзарей и записывал народные песни в окрестных селах Тарас Шевченко. Обучались, пребывали на службе, частичку сердца здесь оставляя, Владимир Даль и Василий Тропинин, Константин Батюшков и Григорий Мачтет (автор любимой Лениным песни «Замучен тяжелой неволей»), Анатолий Свидницкий и Степан Руданский...

А вспомним еще: «Железные перстни» — провозвестник декабристских союзов и обществ, народнические «Каменец-Подольская коммуна» и «Подольская дружина». Марков «Капитал» и ленинская «Искра» шли в Россию через здешнюю транспортную контору «Надежда».

Каменец-Подольский — штаб Юго-Западного фронта, боевая квартира Алексея Брусилова... История, близкая нашему дню: подолянин Владимир Затонский — член первого Советского правительства Украины; его подпись стоит рядом с подписью Ленина под декретом о создании Красной Армии.

В Великую Отечественную войну двенадцать воинских частей удостоились почетного имени: Каменец-Подольская...

Жемчужина, ключ Подолии, — город, шагнувший в наши дни из дымки веков.

Далекую и близкую историю его я и напомнил, чтобы могли мы все увидеть, сердцем осознать, какой чудотворитель терлем, оставляя его наедине с непростыми проблемами, не торопясь на помощь ему.

Поймут ли, простят нам это внуки наши?

"ПРЕДУЧУВСТВЫЕ"

Виктор ВИШНЯК

■
Ни гнев,
ни осуждение,
ни милость,—
нас ничего уже не удивит,
когда идет борьба за справедливость,
где выживет лишь тот, кто победит.

■
Неужто мы умами обнищали,
и чтобы мир представить без оков,
понадобится новый Верещагин
с горами почерневших черепов?

СЦЕНА

А. Гончарову

■
По заказу дешевого штампа —
там, где надо молчать, мы орем.
А когда зажигается рампа,
обнажается черный проем.

■
И несется в слепом ускорении
в искривленном безмолвии страх.
Я хватаюсь за выступления времени
и не чувствую силы в руках.

■
И от крика чужого немею,
лишь хриплю: Помогите!.. Погодите!..
Оглянуться назад не умею,
и не знаю, что там — впереди.

■
Не каждый грозный Эверест
сумеет покорить.
Не ставь на человеке крест,
который на небо не лез.
Зачем его корить
за то, что он крутых дорог
к вершинам не искал?
Он сделал в жизни все, что мог,
и понял этой жизни толк,
не покоряя скал.

■
Нас мало избранным, счастливым
презрительной пользой,
единицей прекрасного жреца...
А. С. Пушкин

■
Учили шнурочки завязывать туго,
и двери надежным замкам
покорялись,
и было неизбежно все — до испуга,
когда сквозняками они отворялись.

■
Ревут кантилены в покоях Гертруды.
Там свет. Но от скуки куда же
податься?
И вечность поспешно считает
минуты —
в последней надежде еще
оправдаться.

■
Обычно приходит к покойникам
слава,
и реже, чем нужно, живых посещает.
Но знает художник: искусство —
забава,
и все остальное искусству прощает.

■
Пусть кружится время
в причудливом танце,
оправдывать глупо заклянем и
бойней,
что призрак сегодняшний может
казаться
того — Эльсинорского — много
достойней.

■
Деревья немеют от скуки
морозной российской зимой.
Томятся чуть слышные звуки
в суровой природе земной.

■
Темнеет. Но тают не сразу
вечерние полутона.
Вступая в ущербную фазу,
в пространстве всплывает луна.

■
И облик вселенной неласков,
повсюду искрящийся лед.
И мир отчужденных контрастов
на исповедь совесть зовет.

■
— Я бы мог от работы совсем
озвереть,
но теперь я свободой богаче.—
Кто-то в баре червонцы швыряет,
как медь,
а напившись, вздыхает и плачет.

■
— Да, я выбился в знать, и меня
не достать,—
Хлопнул рюмку. Сказал,— извините,
я хлебнул своего,— и, наполнив
опять,
угощает: — Вы тоже хлебните.

■
Тех, кто жаждет и рвется вперед,
не суди,
дух мятежный азартен и пылок.
Не суди и того, кто привык впереди
вечно видеть упругий затылок.

■
Ради хлеба куска — о добре и
о зле,
и о жалости нет и помину.
Если хлебом единым живут
на Земле,
пусть возьмут и мою половину.

ДЕМОН

■
Встретив взгляд осторожный,
внимательный, но и пустой,
не зовите людей, не страшитесь
природы обмана,
не пугайтесь меня —
если дух я, то вовсе не злой,
но скорее всего
это движутся струи тумана.

■
Страх рождает предчувствие —
или предчувствие страх.
Только Роль о себе неожиданно
снова напомнит.
И, подкравшись, Любовь,
как и прежде, на наших глазах
взором землю окинет
и смыслом тревожным наполнит.

■
Я опять о Любви —
ничего не поделаешь тут —
об извечной луне,
под которой влюбленные бродят,
о деревьях и травах —
пускай они тайно растут,
и еще о судьбе,
и о чем-нибудь в этом же роде.

■
Ради этого смысла с тобой я
проститься готов,
чтобы с нашей любовью уже никогда
не расстаться.
Нет, не все еще мертво,
что сброшено с наших счетов,
но и с умершим чувством,
наверно, нельзя не считаться.

■
Ты говоришь, что смысла нет
искать мораль, как в басне,
что солнце через много лет
померкнет и погаснет.
Что будет жутко, пусто тут —
ветров завоет месса,
что роботы не пропадут,
а мы — не из железа.
Я слушаю и не боюсь —
нет зла в твоей натуре.
Лишь улыбаюсь и дивлюсь
твоей «литературе».
Во власти утренней зари
угрозы — только шутка.
И все же, что ни говори,
душа умней рассудка.

■
Пророку впору удивиться
и не высовываться впредь.
Несвоевременно родиться —
куда страшней, чем умереть.
Его срывает прямой наводкой,
толпой рванув за рок-певцом.
И будет он стоять за водкой
с алгебраическим лицом.

■
Шар земной и атом вертятся,
люди крутятся в делах.
Мы могли бы и не встретиться,
разминуться в двух шагах.
Цвел рассвет, и звезды канули
в синеву последний раз.
Мы в глаза друг другу глянули,
и почти не стало нас.

■
Под ветром соленым
по палубе люди спуют.
У каждого — дело,
и навек его не обманет.
Что есть — то и будет,
ничто не изменится тут.

■
Легко не заметить,
как скроется берег в тумане.
Но высыпят звезды,
и детство вернется опять.
Пусть море сомнений
корабль свободы швыряет.
Обычное дело —
во тьме у штурвала стоять.
Где штурман, согнувшись,
по картам пространства сверяет.
Отбрось свои карты, мой верный,
испытанный друг.

■
Тебе я сегодня
без страха свободу дарю —
забыть ожиданья
и помыслов замкнутый круг.
А время настанет,
и вырвемся мы напрямую.
Куда мы придем — я не знаю,
но должно нам знать,
что смысл нашей жизни
таит не пучина, а берег.
И встанет корабль,
и к пирсу приблизится знать,
и взглядом суровым
тяжелые трюмы измерит.
Не бойся принять
всю их горькую правду легко.
Как мелочны люди —
зато океаны велики.
Вернись на корабль —
до цели еще далеко, —
пусть волны качают под солнцем
веселые блики.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ

■
Я начинаю монолог о счастье —
и знаю, что конец мой предreshен.
Уснули паланкины царских жен,
и Зиккурат смотрел на Вавилон
так буднично, так безучастно.

■
Через ворота грозные — Иштар —
я прохожу, не пробуждая стражи.
Иду на смерть, а мне совсем
не страшно —
смерть — избавление, а жизнь —
кошмар.

■
Потом погасло небо навсегда,
мне стало грустно, жалко лунной
дали,
непоправимая стряслась беда.
Лишь синим бархатом кулисы
опадали.

■
И ты стояла в глубине кулисы,
загримированная под смятенье,
и все шуршали по колосникам —
актрис
загримированные тени.

■
Вот храм Мардука, среди стен,
как скал,
дорогой смерти стал мне Путь
Процессий,
а я и рад, мне даже интересней,
не страшен мне Крылатых Львов
оскал.

■
Им не взлететь, не утратить меня,
судьбы глотаю с неба падуг пыль я.
Мне показалось, что и у тебя
вдруг вырастают каменные крылья.

■
Мне показалось, что и у тебя —
или, быть может, это наваженье? —
смеющиеся глаза всегда
печальное имеют выраженье.

■
Спит Вавилон, как в миллион карат
судьбы потерянная драгоценность,
ну а пока бесшумно и бесцельно
вздыхает о былом седой Евфрат.

■
Гостиница. Погашен свет.
Тоска, хоть лезь на стенку.
Во мне смешался черный цвет
бесчисленных оттенков.
Врагами кажутся друзья,
нет сил со злом сражаться.
Я знаю сам, что так нельзя
в цвет черный погружаться.
И всей душой понять хочу
причину бед позорных,
и все быстрее на дно лечу
воспоминаний черных.
И вроде в жизнь возврата нет,
все в трауре великом.
Но в ночь врывается рассвет
с веселым птичьим криком.

■
Я космонавтов чту богами
на околоземном витке
за то, что ходят вверх ногами,
за то, что спят на потолке.
Бледнеет на глазах пюпитр,
и звуки оживут светло,
когда к роялю сядет Рихтер
под лебединое крыло.
Равны искусство, и наука,
и птичий щебет у крыльца.
Жизнь — удивительная штука,
и удивленью нет конца.

Помните, как пустели улицы вашего города в последние дни сентября, и до поздней ночи окна домов мерцали голубоватым телесветом?

В те дни даже вам, не склонному к эмоциям, хотелось быть там, в Сеуле, чтобы вместе с Бышовцом обнимать наших донельзя счастливых ребят-футболистов и кричать, кричать только одну фразу: «Мы чемпионы!»

Вы наверняка помните саднящее чувство, когда в чаше над олимпийским стадионом в Сеуле медленно умирал огонь...

Почему, ну почему все это только раз в четыре года? Ну что стоило древним грекам проводить свои Игры каждый год, каждый месяц? Чтобы никогда не гас огонь в чашах стадионов, чтобы был мир — ведь во время Олимпиад пушки молчат.

Нет, все же мудры были древние, и хорошо, что Олимпиады бывают толь-

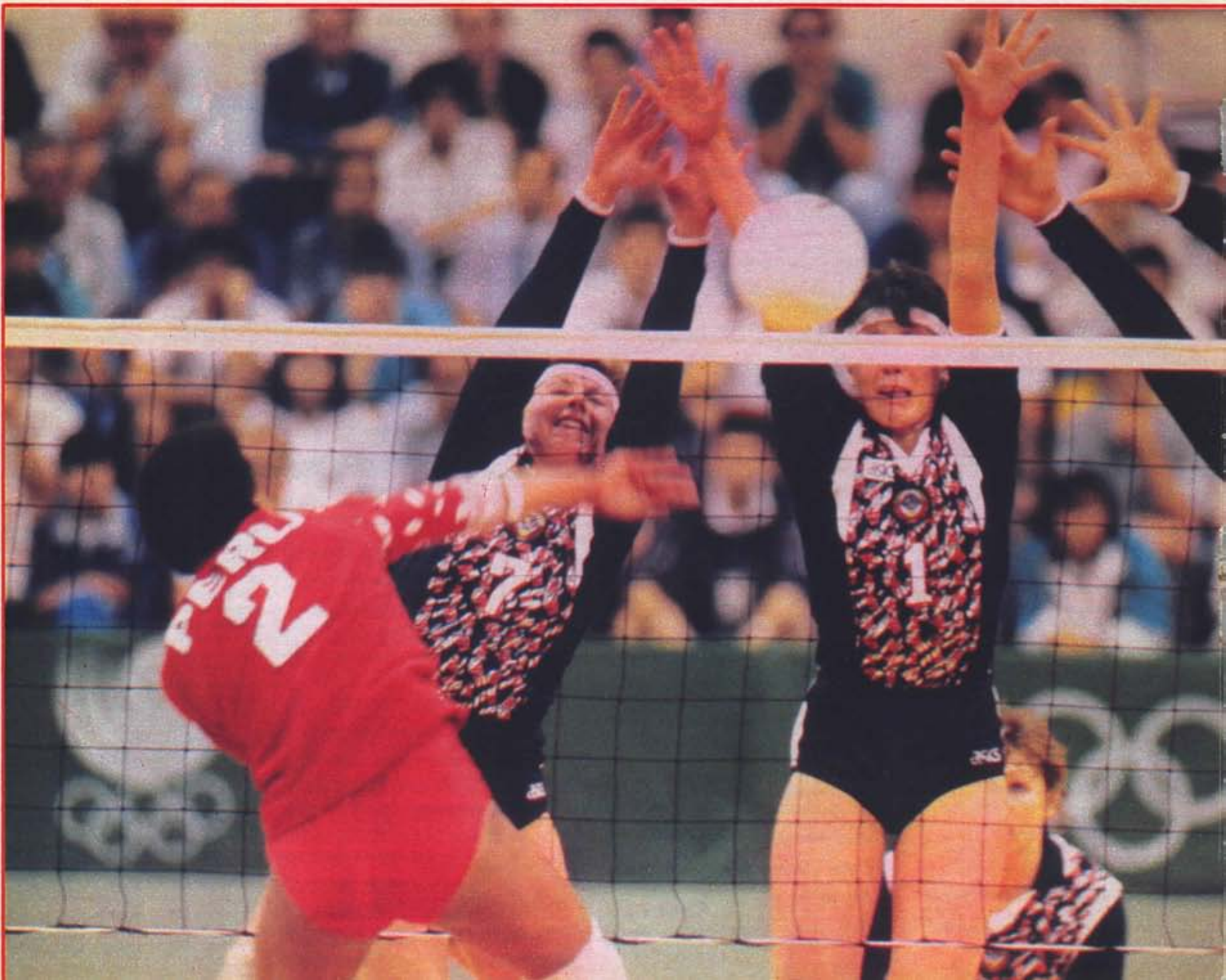
ко раз в четыре года. Потому что количество ежедневно вырабатываемых и потребляемых эмоций ограничено, потому что праздника нужно ждать, только тогда он настоящий праздник.

Откуда у спорта такая громадная притягательная сила, почему он заставляет нас сочувствовать, сопереживать, наконец, соучаствовать? Может быть, потому что спорт — это жизнь, спрессованная в 10 секунд стометровки, 10 гимнастических супербаллов, 90 футбольных минут? И тем, кто привык получать от жизни все готовое, кто не страдал от сомнений, кто не знал горечи поражений, чтобы потом изведать радость победы, никогда не понять великого Боба Бимона, признавшегося после своего легендарного прыжка «в XXI век», что он хочет умереть, потому что это никогда уже не повторится.

Говорят: «В спорте не бывает проигравших». Это не так, потому что, сле-

ПУСТЬ ЭТО ПОВТОР

▼ Как за каменной стеной.

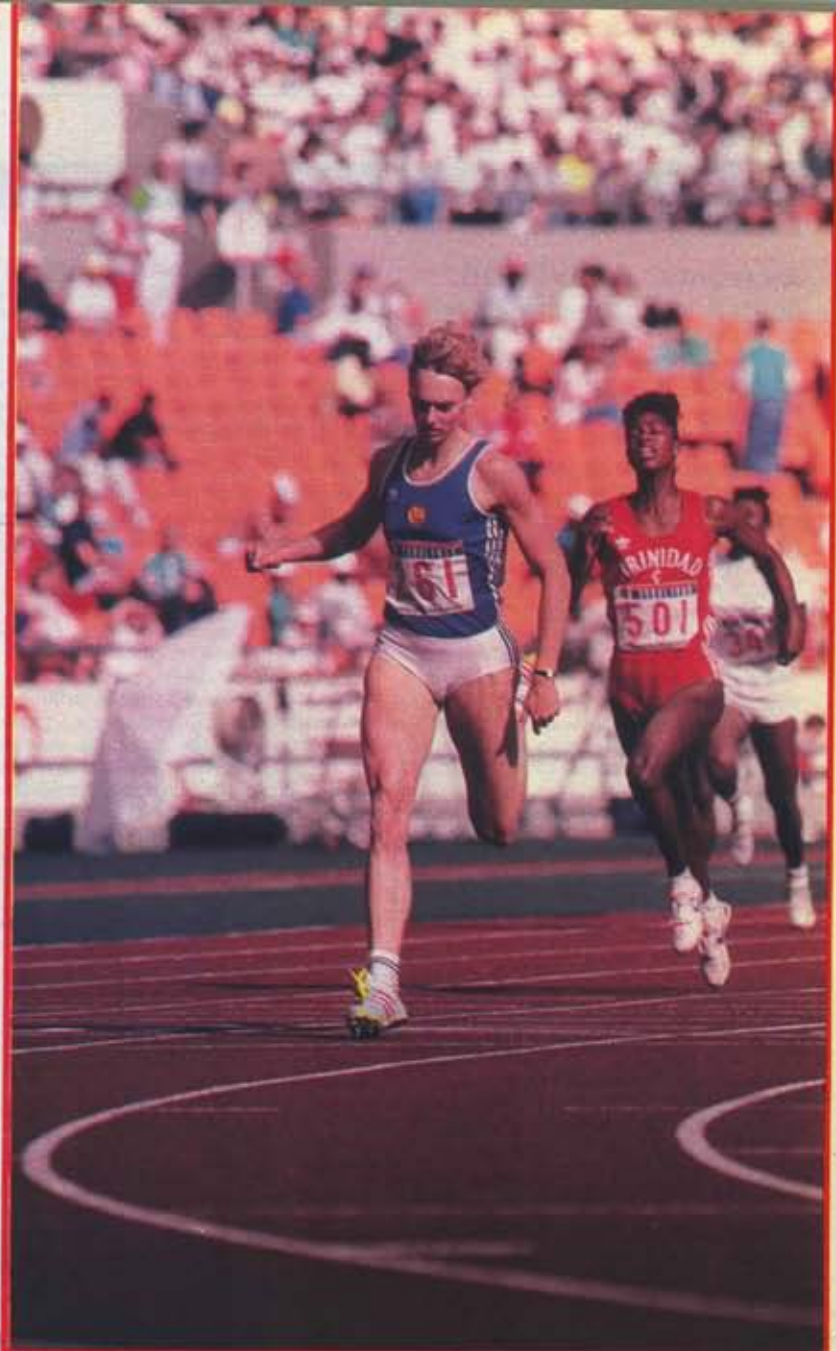
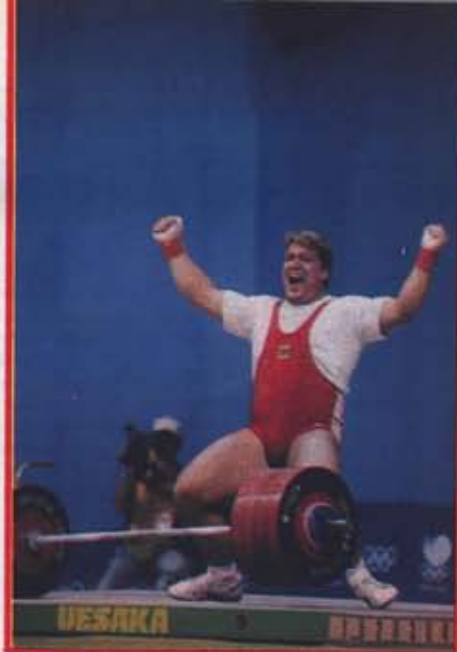

дую этой логике, надо добавить: «Нет и победителей». А зачем тогда вообще спорт? Если бы наши девушки-волейболистки вышли на финальную игру не побеждать, а просто провести время — увидели бы мы фантастический по драматургии финал, после которого у спортсменов не было сил даже радоваться победе? Увидели бы мы слезы на глазах тренера Карполя?

Две недели олимпийский хит-парад возглавляла песня «Мы — это мир», и это был своеобразный девиз и символ Игр. Наверняка популярность эта не случайна, потому что по реакции трибун нельзя было догадаться, представитель какой страны выступает в данный момент: «болели» за всех, желали победы каждому. Да и как можно было желать неудачи Лене Шушуновой в те короткие мгновения перед решающим выходом на помост, когда замер огромный гимнастический стадион и весь мир у телеэкранов, когда остановилось даже вре-

Победа...

...и поражение.

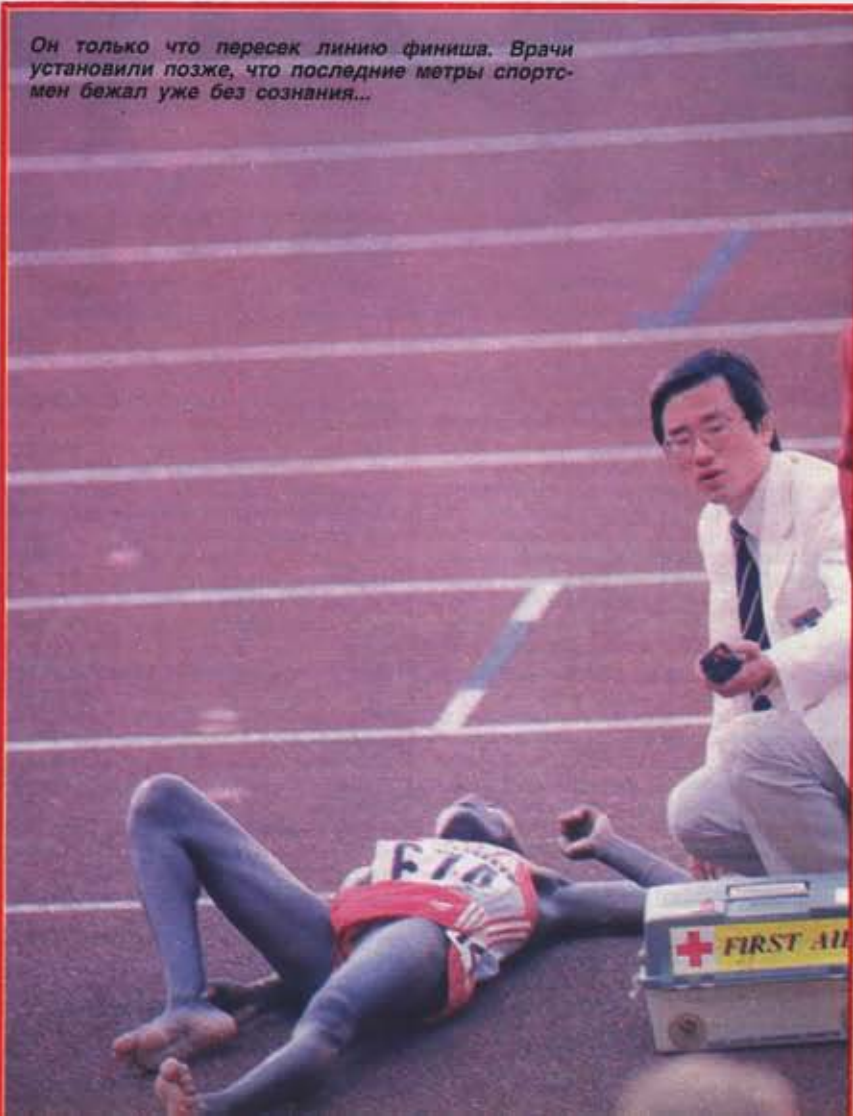
Последний рывок.

Когда мужчины плачут.

ИТОЖА

Он только что пересек линию финиша. Врачи установили позже, что последние метры спортсмен бежал уже без сознания...

мя, чтобы не помешать ей собраться перед главным в ее жизни прыжком? Как можно было желать неудачи американцу Грегу Луганису, который получил тяжелую травму и все-таки взшел еще раз на прыжковую вышку, и подарил миру веру в совершенство человека? Владимир Сальников, Джеки Джойнер, Дмитрий Волков, Карин Отто, Штеффи Граф... Каждое из этих имен — гордость не одной страны, а всего человечества.

Прощай, Сеул! Мы хотели запомнить тебя гостеприимным и приветливым — и ты стал таким; мы хотели, чтобы ты назвал имена землян, раздвинувших наши представления о границах человеческих возможностей, — и ты их назвал; мы ждали восхитительных часов единения людей в одну семью — и ты подарил их нам. Спасибо, Сеул, до встречи в Барселоне!

Александр ЖУРОВ
Фото Юрия СОКОЛОВА

Анатолий БЕЗУГЛОВ,
доктор юридических наук

Шесть лет я наблюдал за работой коллегий Верховного суда СССР и его пленума. И не просто наблюдал, а, как прокурор, непосредственно участвовал в их работе. И каждый раз, покидая Верховный суд СССР, думал: не приведи господь, чтобы когда-нибудь и моя судьба решалась таким же образом, как она решается там... Почему так пессимистически? Ведь принимает решение не один, а три члена Верховного суда СССР, когда речь идет о судебной коллегии, и все 38, когда дело рассматривает пленум Верховного суда СССР. Люди эти не случайные, а опытные, квалифицированные юристы. Что же тогда заставляет меня протестовать и добиваться коренного, радикального изменения процедуры рассмотрения Верховным судом СССР дел в порядке надзора?

рительного следствия, а судебного. Вот и получается, если судьи первой инстанции (те, которые непосредственно рассматривали дело) при вынесении своего приговора исходят из того, что они сами в течение нескольких часов, дней, а иногда и месяцев слышали, видели **непосредственно**, то все остальные, как бы они ни были высоки и авторитетны, в том числе и пленум Верховного суда СССР, воспринимают дело, опираясь только на протокол судебного заседания, смотря на процесс только через призму зеркала тусклого, а то и вовсе кривого. Кому мы должны верить?

Предвижу возражения. Во-первых, в суде первой инстанции лишь один профессиональный судья, а другие два — народные заседатели; во-вторых, когда дело в порядке надзора рассматривается не судебной коллегией, а президиумом областного или республиканского суда, то профессиональных судей еще больше — 10—15, а в составе пленума Верховного суда — 38 судей! Уж они-то смогут лучше разобраться что к чему!.. Не уверен. И вот почему.

Да, конечно, когда речь идет о юри-

о том, верить или не верить показаниям осужденного, или потерпевшего, или свидетелей...

Повторяю: в первой инстанции при решении вопроса, кому верить, а кому нет, судьи исходили из того, что сами непосредственно видели и слышали. А это очень важно! Судья, народные заседатели решают, кому верить, а кому нет, опираясь не только на услышанное, но и на то, как это было сказано, каким тоном, смотрел человек в глаза судьи или стыдливо отводил их в сторону. С психологией нельзя не считаться. Но в протоколе судебного заседания, даже если он идеально застенографирован, куда и как смотрел говорящий, как, прежде чем ответить, переминался с ноги на ногу, сколько молчал, как пожимал плечами, увы, не отразишь... А уж о кривом зеркале и вспоминать не хочется. Но надо.

Ибо от того, каково это зеркало, во многом зависит решение судеб людей в вышестоящих судебных органах. И не только судьба тех, кто спорит по делу гражданскому, но и тех, кого обвиняют в совершении уголовного преступления.

Если пленум Верховного суда отмечает обвинительный приговор, прекра-

белым, а белое черным. И только потому, что судебная коллегия по уголовным делам или пленум Верховного суда СССР признали факт совершения преступления конкретным лицом или лицами недоказанным — и это вопреки внутреннему убеждению всех тех следователей, прокуроров, судей, кто верил свидетелям, экспертам, потерпевшим.

Пленум Верховного суда СССР — высшая судебная инстанция. Дальше жаловаться некому. Все! Всегда ли это справедливо? Всегда ли это соответствует духу и букве закона?

Вот статья 71 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом о социалистическом правосознании». Аналогичные статьи есть и в УПК других союзных республик.

Могут ли люди (судьи, прокуроры, следователи) разойтись в оценке доказательств вины или невиновности того или иного лица? Могут. А раз так, то где

СЛУДА ВЕРХОВНЫЙ

Начну с элементарного. В суде нет стенографисток, нет магнитофонов и тем более видеоманитрофонов, поэтому запись ведет секретарь судебного заседания; обычно это вчерашняя десятиклассница без специальной подготовки. Обвиняемые, свидетели и другие участники процесса отнюдь не диктуют, а говорят, и некоторые весьма быстро, порой сбивчиво. В результате в протокол из сказанного попадает «с пятого на десятое» и часто неадекватное тому, что говорили. К примеру, на вопрос суда, в какой рубашке в день происшествия был обвиняемый, потерпевшая отвечает: «Кажется, в белой». В протоколе в лучшем случае будет без всякого «кажется», а категорически «в белой»! Мелочь? Для дилетанта — да. А для тех, кому предстоит оценивать доказательства потом, это очень важно! Короче, в силу субъективных и объективных причин зеркало судебного процесса, каким считается протокол судебного заседания, весьма часто оказывается **кривым**.

Между тем и в кассационной, и в надзорных инстанциях главное, что берет-ся в расчет, это материалы не предва-

дической квалификации содеянного и надо лишь правильно, юридически грамотно определить, есть ли в доказанных (!) действиях подсудимых состав преступления или нет, а если есть, то какой (например, хищение или просто злоупотребление служебным положением, а может быть, всего-навсего халатность), то здесь, конечно, можно и должно полагаться на авторитет, компетентность, правовой опыт профессиональных судей. Более того, если исходить из гипотезы — чем выше суд, тем выше профессиональный уровень судей, то можно согласиться и с тем, что, чем выше уровень суда, тем выше его правовая культура, тем точнее, правильнее принятое им решение. Можно согласиться и с тем, что, чем больше профессиональных судей голосуют «за», тем авторитетнее их решение, тем оно ближе к абсолютной истине.

Но при рассмотрении дел в кассационном и надзорном порядке, в том числе в коллегиях и на пленуме Верховного суда СССР, очень часто речь идет о **доказанности** или, наоборот, о **недоказанности** тех фактов, которые вменены в вину осужденным. Спор идет

о том, в том числе и за недоказанностью, то человек, значившийся преступником, становится чистым, честным, а те, кто возбуждал дело, вел следствие, выносил обвинительный приговор, становятся виновными. В одних случаях их наказывают в партийном или дисциплинарном порядке, в других — печать подвергает их остракизму, а в третьих — вчерашний следователь становится подсудимым.

Какую же огромную тяжесть берут на свои плечи члены Верховного суда СССР, принимая окончательное решение, когда следователь, выслушавшая неоднократные показания, оценивая доказательства, собранные по делу, твердо убежден, что подозреваемый виновен? Если так считал и прокурор, и участвовавший в суде государственный обвинитель, а иногда и адвокат. Когда судьи — люди выборные, уважаемые — тоже признали подсудимого виновным.

Ведь после постановления пленума Верховного суда СССР (или судебной коллегии) убежденность этих многих людей, случается, перечеркивается в одно мгновение. И черное становится

белым, а белое черным. И только потому, что судебная коллегия по уголовным делам или пленум Верховного суда СССР признали факт совершения преступления конкретным лицом или лицами недоказанным — и это вопреки внутреннему убеждению всех тех следователей, прокурора, суда первой инстанции, кассационного суда, а иногда и верховных судов союзных республик и даже членов судебной коллегии Верховного суда СССР? Где, в чем суть этих гарантий? Быть может, в том самом вульгарном принципе, который выражается словами: ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак?

Передо мной комментарий к ст. 70 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Читаю: «Лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд не связаны предварительной оценкой доказательств, данной ими, а равно оценкой доказательств, данной другим органом на любой стадии процесса».

Если руководствоваться этими комментариями, то получается: оценки доказательств каждой инстанции автономны и не влекут каких-либо последствий для других. Но ведь в жизни это не так! Если пленум Верховного суда СССР решил, что вина не доказана, то действия, решения следователей, про-

куроров и всех нижестоящих судов, так или иначе причастных ранее к делу и убежденных в наличии вины, признаются в лучшем случае ошибочными, а в худшем — противоправными, со всеми вытекающими последствиями, вплоть до увольнения следователей, отзыва судей, исключения из партии и даже привлечения их к уголовной ответственности.

«Только в 1987 году вышестоящие суды отменили приговоры в отношении почти 30 тысяч осужденных — это значит, что некоторые суды все еще допускают серьезные ошибки» (из доклада на сессии Верховного Совета СССР Председателя Верховного суда СССР В. И. Теребилова в мае 1988 года). В. И. Теребилов не уточняет, почему были отменены приговоры, но я убежден, что их значительная часть отменена как раз в результате расхождения в оценке доказательств между вышестоящими судами, с одной стороны, и судами новой инстанции, следователями, прокурорами — с другой.

Игнорируя требования ст. 70 УПК РСФСР, В. И. Теребилов все случаи отмены приговоров считает серьезными ошибками, за которыми, «как правило, кроется грубое нарушение самых насущных прав граждан. Это заставляет расценивать каждый такой случай как чрезвычайное происшествие, требующее соответствующего реагирования. По данным Минюста СССР, в прошлом году за различные отступления от закона наказано почти 700 судей». Вот она, метаморфоза: вначале просто **расхождение** в оценке доказательств, что допускает закон, затем, после того как вышестоящая судебная инстанция, особенно такая авторитетная, как Верховный суд СССР, произвела переоценку доказательств и на основании этого признала осужденного невиновным, внутреннее убеждение судей первой инстанции становится **ошибкой**, а за признанием этой ошибки следует вывод о **произволе**, о нарушении закона, а за этим выводом часто следует **наказание** тех, кто посмел иметь свое внутреннее убеждение, отличное от того, что имеют судьи верховные.

Правда, закон предоставляет суду, рассматривающему дело в порядке судебного надзора, право в необходимых случаях вызывать в судебное заседание осужденного, или оправданного, или их защитников. Но, увы, такое случается очень редко. Ну, а если бы даже этим стали пользоваться, то может ли такое восприятие устных фрагментарных объяснений **только осужденных** заменить полный судебный процесс?

Кроме того, если для правильного решения **сугубо правовых** вопросов необходимы высокая юридическая квалификация, солидный юридический опыт, то для решения **вопросов вины** необходим большой жизненный опыт, знание производства и быта, местных, национальных, возрастных и других особенностей жителей данного региона. И, видимо, поэтому в рассмотрении уголовных и гражданских дел по первой инстанции в любом судебном органе — от народного до Верховного суда СССР — обязательно участвуют и два народных заседателя. И не случайно в процессе обсуждения проблем судебной реформы одни предлагают ввести у нас суды присяжных, а это значит, что они — рабочие, инженеры, доярки, ученые — будут решать, виновен или не виновен подсудимый; другие, в том числе и В. И. Теребилов, считают, что «при рассмотрении особо трудных дел можно было бы привлекать, скажем, не двух, а четырех народных заседателей»; то есть чем больше будет «задействовано» жизненного опыта, тем лучше.

В резолюции XIX партконференции «О правовой реформе» тоже записано, что в целях повышения объективности правосудия, роли и ответственности народных заседателей целесообразно пойти на увеличение их числа при рассмотрении в суде наиболее сложных дел.

Таким образом, жизненный опыт народных заседателей — одна из гаран-

тий правильной, объективной оценки доказательств, исследуемых в судебном процессе. Но почему жизненный опыт трех членов судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР при вынесении ею определения об отмене приговора за недоказанностью признается более авторитетным, чем жизненный опыт тоже трех судей — народного судьи и двух народных заседателей? На чем основана такая дискриминация народных заседателей? Кстати, она проявляется и в том, что народные заседатели не привлекаются к работе пленума Верховного суда СССР и в тех случаях, когда на его рассмотрение выносятся протесты об отмене приговора за недоказанностью предъявленного обвинения.

И еще один довод. Если при рассмотрении дел по первой инстанции судебное следствие длится иногда месяцами и весь состав суда в равной степени непосредственно в суде воспринимает показания подсудимых, потерпевших, свидетелей, экспертов, то **при рассмотрении дел в порядке судебного надзора** (и в кассационном также) **коллективность и равенство судей — лишь видимость**. Материалы дела, рассматриваемого в порядке надзора как в коллежиях, так и в пленуме Верховного суда СССР, предварительно изучает (то бишь знает хотя бы по протоколу), как правило, лишь один член суда — докладчик. Один! Остальные два члена судебной коллегии или 37 членов пленума Верховного суда СССР воспринимают эти материалы дела на слух — со слов судьи-докладчика и устного заключения прокурора.

Бывает так: следствие велось несколько лет. Судебный процесс длился несколько месяцев. Допрошены сотни свидетелей, оглашены сотни документов, заслушаны заключения многих экспертов. Само дело — десять, двадцать, а то и сто — триста томов, а доклад в судебной коллегии или на пленуме длится 10—20 минут, а иногда и того меньше. О какой полноте восприятия докладчика может идти речь?!

Многое зависит не от глубины и всесторонности предварительного и судебного следствия, не от материалов самого дела, а от добросовестности изучения материалов дела, от способностей критически мыслить, излагать материал объективно, логично, от ораторских, если хотите, способностей докладчика — члена Верховного суда СССР или его оппонента в лице прокурора. А если еще учесть, что первое, второе дело члены пленума Верховного суда СССР еще стараются слушать, выникать, понять, что к чему, то когда очередь доходит до десятого, а тем более двадцатого или тридцатого дела, рассматриваемого в тот же день, то о каком правосудии может идти речь? Ведь судьи — тоже люди. Они тоже устают...

И еще. При рассмотрении дела судом первой инстанции действует принцип непрерывности. А это значит, что суд, пока не закончит начатое разбирательство, не имеет права делать короткие или долгие перерывы и во время этих перерывов рассматривать какие-то другие дела. Никто и ничто не должно отвлекать судей от начатого процесса. Достигается цельность восприятия. Иная картина в Верховном суде СССР. Судья может изучить дело, допустим, в сентябре, а докладывать его пленуму в декабре. За эти три месяца он будет еще изучать не один десяток совершенно разных дел. Сотни, тысячи новых показаний, заключений экспертов пройдут через его сознание. И естественно, когда судье в декабре надо докладывать изученное в сентябре многотомное дело, многое уже забыто, стерто, вытеснено новыми впечатлениями. То же самое можно сказать и о прокуроре. Вот откуда и возникает сомнение: почему при оценке доказательств членам Верховного суда СССР доверяется больше, чем тем, кто рассматривал это дело по первой инстанции?

Нельзя не учитывать и того, что члены пленума Верховного суда СССР голосуют открыто — поднятием руки. Подсчет голосов идет арифметический,

но не персональный. И нигде, ни в каком протоколе не фиксируется, кто и за что проголосовал(?!). Таким образом, о персональной ответственности члена пленума Верховного суда СССР не может быть и речи.

Иногда решение об отмене приговора принимается пленумом Верховного суда СССР большинством в один-два голоса. Но это не имеет никакого значения для ответственности следователей, прокуроров и судей первой инстанции, о чем я уже говорил. Как же быть с членами пленума, оставшимися в меньшинстве и считавшими виновность доказанной, а приговор обоснованным? Их привлекут? Конечно, нет. И правильно: не за что! Ведь они просто разошлись в оценках доказательств с теми, кто оказался в большинстве. И это меньшинство никто не критикует, не привлекает к дисциплинарной или иной ответственности, хотя они и солидарны с теми, кто после постановления пленума Верховного суда СССР об отмене приговора и прекращении дела почти автоматически становится виновниками «судебных ошибок» и злостными нарушителями прав советских граждан. Где логика? Где справедливость? И, наконец, где равенство?

Хочу спросить Председателя Верховного суда СССР: должен ли и впредь Верховный суд СССР в порядке надзора решать окончательно вопросы о виновности или невиновности, вправе ли он отменять приговоры судов за недоказанность? И по этим основаниям прекращать дела? Не лучше ли оставить Верховному суду СССР (как и другим судебным инстанциям, рассматривающим дела в порядке судебного надзора) право ревизовать приговоры лишь с точки зрения законности, с позиций соблюдения процессуальных норм, наличия или отсутствия состава преступления, правильности его квалификации?

Ну, а в тех случаях, когда у Верховного суда СССР возникло сомнение в доказанности предъявленного обвинения, то в этих случаях Верховный суд может отменить приговор, но он не вправе выносить окончательно решение о доказанности или недоказанности обвинения. В этих случаях он вправе после отмены приговора или направить дело на доследование, или в другой суд для нового рассмотрения по существу, или принять это дело к своему производству, а это означает, что будет новое судебное следствие: новые допросы подсудимых, потерпевших, свидетелей, экспертов, будут новые прения сторон, будет и новый приговор.

Судьи и народные заседатели независимы и подчиняются только закону. Этот принцип закреплен Конституцией СССР. Но если мы обратимся к Закону о Верховном суде СССР, то легко убедимся, что это положение Конституции уязвимо. В статье 6 этого Закона говорится, что Верховный суд СССР избирается Верховным Советом СССР. Правда, в этом Законе (как и в других) не сказано, кто представляет депутатам кандидатуры судей для избрания и для досрочного освобождения. Но зато говорится, что «избрание отдельных судей Верховного суда СССР производится по представлению Председателя Верховного суда СССР».

По представлению Председателя Верховного суда СССР Президиум Верховного Совета СССР из числа заместителей Председателя Верховного суда СССР утверждает первого заместителя Председателя Верховного суда СССР, а из числа членов Верховного суда СССР — председателей судебных коллегий Верховного суда СССР.

Можно ли в таких случаях говорить, что члены Верховного суда в своей деятельности независимы от Председателя Верховного суда СССР? Да, того самого председателя, который подписывает протесты в судебные коллегии и пленум Верховного суда СССР? Может ли рядовой член Верховного суда СССР быть абсолютно объективным, свободным, открыто выступать против и открыто голосовать против протеста? Разве, прежде чем поднять руку, член

суда не подумает о своей судьбе, о возможных последствиях для своей карьеры? Есть ли тут гарантия, что он, судья, всегда руководствуется своим внутренним убеждением?

В связи с осуществляемой сейчас судебно-правовой реформой не подумает ли нам еще вот о чем. Чтобы суды всегда оставались лишь судами, чтобы они только решали, а правом внесения протестов, кроме прокуроров, которые этим правом обладают и сейчас, наделять и других, например, министра юстиции? И тогда авторитет председателя не будет довлеть над умами и чувствами верховных судей...

Нужно подумать, мне кажется, и о том, как реализовать применительно к надзорной деятельности Верховного суда СССР такие принципы, как равенство сторон и состязательность. Сегодня у прокуроров явный перевес: они всегда присутствуют, выступают в Верховном суде СССР. А адвокаты? Лишь в «необходимых случаях» их могут пригласить. На практике — почти никогда!

А что можно сказать о гласности в работе Верховного суда СССР? Отчитываясь на сессии Верховного Совета СССР, В. И. Теребилов отметил, что «Верховный суд СССР стал в последние годы значительно чаще рассматривать дела в качестве суда первой инстанции, то есть реально выполнять свою важную судебную функцию». Это хорошо. Но плохо, что эта функция чаще всего выполняется за закрытыми дверями. В лучшем случае на процессах могут присутствовать корреспонденты газет, да и то не все желающие, а те, кто получает специальный пропуск. Почему к гласности судебных процессов преграждают путь бдительные милиционеры, стоящие у входа в помещении Верховного суда СССР? Почему эти процессы не проводятся в больших, доступных для широких масс залах?

Что же касается надзорной деятельности Верховного суда СССР, то она закрыта еще плотнее. Судебные коллегии рассматривают протесты даже не в судебных залах, а в служебных кабинетах, за плотно закрытыми дверями.

«В заседаниях пленума, не связанных с рассмотрением судебных дел, по приглашению Председателя Верховного суда СССР могут участвовать судьи, члены научно-консультативного совета при Верховном суде СССР, представители министерств, государственных комитетов, ведомств, научных учреждений и других государственных и общественных организаций». Так гласит ст. 15 Закона о Верховном суде СССР. Неужели перестройка не коснется и этого порядка? Почему представители разных государственных и общественных организаций могут приглашаться **только** на заседания пленума, не связанные с рассмотрением дел? Почему их участие обуславливается приглашением? Почему в тех случаях, когда рассматриваются, например, трудовые дела или дела о несовершеннолетних, о молодежи, не могут присутствовать по своей инициативе представители профсоюзных и комсомольских органов? Почему в Законе о Верховном суде СССР ничего не говорится о правах прессы — газет, радио, телевидения? Почему сегодня они могут нам рассказать лишь о той деятельности Верховного суда СССР, о которой он сам разрешит рассказать?

А какие права у народа? Как он может осуществлять контроль за Верховным судом СССР? Как он может повлиять на формирование этого высшего судебного органа? На отзыв членов Верховного суда СССР? На сколько сроков можно избирать членов Верховного суда СССР? Какой для них предельный возраст? Перечень вопросов, волнующих меня и, думаю, не только меня, в связи с перестройкой и правовой реформой достаточно велик. Очень хочется верить, что сессия Верховного Совета СССР, собирающаяся в конце ноября для обсуждения вопросов совершенствования структуры и деятельности органов государственной власти и правосудия, даст ответы на все эти вопросы.

ВЫХОД ИЗ

ЛАБИРИНТА

ИЩУТ МОЛОДЫЕ ХУДОЖНИКИ

1. Н. Крацин. Законник.
2. Г. Эптина. Автопортрет под лампой.
3. В. Ершов. Указатели.

ЛАБИРИНТ — это не авторская находка, подчеркивающая какую-то фатальную запутанность, а официальное название художественной выставки. В залах Московского Дворца молодежи были собраны произведения трех десятков формальных и неформальных групп и союзов. Спектр их направлений и интересов необычайно, непривычно широк — от суперавангарда до идейного реализма.

Да, было иное время. Выставки авангардистов устраивались разве что на Малой Грузинской. О них говорили с придыханием, как о некоем запретно-сладком плоде. Действовало все: таинственная сеть подвалов вместо стандартных интерьеров, странная музыка, откровенная самореклама творцов нового искусства и их дерзкие манифесты; мимоходом оброненные фразы, разогревающие интерес: «этой работой интересовались лондонские аукционеры», «его картины на корню закупили японцы»... А публика? Знатки, непризнанные гении, любители, просто ажиотажные дамы, которым все равно — диспут о буддизме, театр мод, собачьи бега или живопись. Лишь бы сверхново, труднодоступно, а потому престижно.

Но вот свежие ветры прошлись по малогрузинским подвалам, выдули, взвинтили картины. Приземлились они не в глухих аллеях Измайлова, а в роскошном молодежном дворце.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Борис ЗОТОВ

Золушка искусства нынче правит там бал, и каждый может проверить, волшебные на ней туфли или нет. Покров тайны упал, иди и смотри.

И народ идет. В первом срезе впечатлений: пестрота, разнообразие, броскость на грани крикливости. Спрашиваю у двух симпатичных девушек:

— Ну как, понравилось?

Почти в один голос:

— Отличная выставка, просто отличная!

— А конкретно, что больше запало в душу? Что запомнилось?

Переглядываются, пожимают плечами.

— Мы в этом не разбираемся. Мы так...

— Ну, хоть одно-два имени, — пробую настаивать я, — название картины или группы, направления?

В разговор вступают два парня и мужчина лет тридцати пяти. Названы С. Присекин, И. Новоженев, С. Поляков, А. Сундуков, еще несколько фамилий. Все близки к вековым реалистическим и сюрреалистическим традициям, тоже уходящим корнями в толщу столетий — к Брейгелю, Мужичкому и Босху. Так, так — это правое крыло представленного здесь. В центре внимания молодых реалистов — человек и его место в жизни, в истории, в мире вообще. Например, Сундуков изобразил удручающе однообразные, безликие

4. М. Хан. Святой.

5. Г. Пузенков. Бег по красной траве.

6. Н. Крацин. Развлечение.

7. И. Новоженев. Окраина лабиринта.

ряды голосующих на собрании. Работа живо напоминает о явлении, которое еще совсем недавно было в «зоне молчания». Поляков, напротив, увлечен далеким прошлым страны, былинными ее, воспетыми народом героями. Тихой вечерней грустью веет от картины О. Штышко «Звонарь». Куда позвонит колокол: на вече или на бунт, на пожар или на войну?..

Люди останавливаются перед «капитальным» триптихом «Царство Павла Первого». Работа А. Воронкова привлекает свежим взглядом на личность и дела одиозного правителя. Выполнена она в духе добротного реализма, как и пейзаж «Старая Калуга», будящий воспоминания о романтических поисках юного Федора Васильева.

Но большинство участников вы-

ставки видит мир и человека в нем по-другому. Объединение «Спектр» провозглашает «творческий поиск без ограничений и программных клише» и, стало быть, заранее согласно с любыми взглядами и художественными устремлениями. «Чем больше глаз смотрит на мир, тем больше мы знаем о нем». Что ж, верно. Но уж слишком общо. Всеядно. Художники объединения дерзают, пытаются объять необъятное: «тайны рождения и гибели миров, тайны борьбы огня и льда, тайны гармонии».

А вот у «Арбата» (лидер — С. Арто) кредо по звучанию научное — акцентуальный стробизм. Суть его в том, что «образ существует между двумя изображениями, он то появляется, то исчезает, и его изображение неустойчиво и трудноуловимо, как момент истины».

По возрасту и образованию состав участников выставки в ее духе. Есть тридцатилетние, есть и постарше. Много молодых и совсем юных. Учащиеся, архитекторы, профессиональные художники-оформители, выпускники университета, питомцы плехановского института. Немало членов Союза художников. «Товарищество», созданное совсем недавно и руководимое Еленой Луниной, объединило живописцев «одного галстука» — выпускников института имени Сурикова. Ленинградцы делегировали на выставку группу «Новая волна». Короче, все флаги.

Станислав КУНЯЕВ

Однако залы-отсеки Дворца молодежи манят, обещают смену ощущений и новые встречи. Неназойливо звучит музыка. Узнаю знаменитую «Сороковую» Моцарта. Дальнейшее заслоняется разнообразием красок и манер, вживленных в залы, коленчатые переходы и тупики лабиринта. Там — «имманентный авангард», здесь — просто «клуб авангардистов». Группы «Конец века», «№ 1», «Двери», «Без четвертого»... Перечислять все нет смысла, надо вникать в главное. Бросается в глаза манифест объединения «Спонтан». Пункты его категоричны, лапидарны, рассчитаны на оглушение необычностью: «вчера — переработанное сырье», «любовь возможна только в данное мгновение».

А вот художники группы «Двери» ставят своей задачей выразить удивление и восхищение «метафизической красотой природы, созданной богом». Своими маяками считают очень разных, во многом даже чуждых друг другу Кандинского, Малевича, Древица, Филонова и Шагала.

Но все это декларации, идеалы и идолы. Что имеем практически, так сказать, на выходе? Э. Шерман и Е. Дыбский представляют работы без названий — просто «Картина № 2» или «Однообразный сюжет № 19». Краски переливаются, контрастируют, дополняют друг друга. Чувствуется понимание цвета, видна культура наложения красочного слоя. Предмета изображения нет, это абстрактные цветовые гаммы, сочные и декоративные у одного художника и напряженно-глухие у другого. Но их работы выглядят классическими по сравнению с однотонно окрашенными щитами клуба авангардистов. На щитах строчки выпуклых заклепок, как на старых пивных котлах. Этим будто бы открывается эра изобразительного искусства для незрячих? Наверное...

Рядом — «Паркет СА» С. Мироненко. Штук тысячи стандартных паркетин, красных и черных. На каждой букве СА. Паркет из солдатских погон? Уж что хотел выразить автор — любовь к армии или неприязнь к ней, — зритель решает сам. И он волен что угодно думать о стенде (картине это не называй) с повязкой дружинника, сиденьем унитаза, окурками, костяшкой домино, какими-то лекарствами и другой бытовой мелочью. Яснее замысел создателя металло-текстильной композиции, стоящей напротив. В основе это обмотанное вервием колесо. Сбоку привязан обшарпанный фибровый чехол-мешок. Венчает сооружение ржавый велосипедный багажник и раскрытый зонт. С. Воронков назвал свое детище «Русские идут». Помилуйте, за что же так? Ну, есть у русского человека неприглядные черты; есть они и у представителей других наций. Но критические стрелы автор должен метать силой таланта, вложенного в само произведение, а навешивать ярлыки проще всего. Увы, некоторые молодые художники не чувствуют грани между искусством и тривиальной издевкой. Вариации этой мысли о такте и чувстве меры я обнаружил потом в книге отзывов. Вот один из них:

«Неужели в жизни ничего нет, кроме уродства?.. Это издевательство над искусством и оскорбление зрителя».

К левому крайнему крылу можно причислить еще одно направление, в техническом смысле очень любопытное. Опт-артом сейчас увлечены многие западные художники. И наш В. Ткаченко выставил «Энергию цвета». Оптический эффект движения цветовой массы создает ритмически расположенные элементарные геометрические фигурки. Сюжета, предмета изображения нет. Вибрируют на холсте красочные волны, и все.

Но крайности и есть крайности. Большинство все же не порывает контактов с предметным миром, стремится рассказать о нем. Каждая группа, проповедуя свой «изм», видит и интерпретирует натуру по-своему. Деформирует ее, иногда нарочито уродует. Много прими-

тива. Порой он улыбочив, искренен, как у группы «Периферия», ироничен, но добр. Порой зол или пренебрежителен. Взять хотя бы «Афганский цикл» Н. Труновой. Мысленно пытаюсь представить эти картины перед глазами ребят, уже познавших цену слову и делу, крови и самой жизни человеческой. Нет, не вписываются эти мишени-манекены в среду своих героев. Типаж явно не тот. Примитивизм здесь, кажется, дает осечку.

А вот работы А. Слепышева талантливы, свежи по краскам и привлекают, хотя художник трактует природу и весь предметный мир своеобразно — размыто, стробически, если можно так выразиться. Интересен «Бег по красной траве» Ж. Пузена. Это лабораторная работа в области графического начала, цвета и фактуры живописи сразу. Заметно, многие подражают фовистам: Вланинку и другим «диким» начала века. Недаром посетитель из Семипалатинска Б. Сорокин подметил:

«Выставка полезна (хотя бы как лужа с козьями в безводной пустыне). Но, к сожалению, единичные талантливые работы растворились в серой массе подражательства. Наш авангард не должен быть реставрацией авангарда начала века в мировом искусстве. В целом — ощущение пеленочного периода».

Жестковато сказано, но ведь действительно передовой отряд, вооруженный берданками, в наши дни нелеп. Армии-то оснащены уже получше. Да, тени Матисса, Кандинского, Брака бродят по выставке. Едва ли не из-за каждой третьей картины выглядывают усы Сальвадора Дали. Да и «самые-самые» крайности — цветные плоскости, унитазы, окурки, этикетки — уже, наверное, мушифицировались за три четверти столетия. Было, проходили.

Мой поводьяр по ходам лабиринта искусствовед Валерий Сергеев предельно корректен и терпелив. Он защитил дипломную работу на отделении теории и истории искусств истфака МГУ и теперь чуть ли не единственный специалист по авангарду. Мы ведем диалог в духе времени: стараемся не отбить с порога, а понять аргументы исылки, добросовестно оценить позиции и взгляды.

Сергеев не согласен с выводом, что многим участникам выставки просто не хватает мастерства, художественного вкуса, знаний, общей культуры. С его уст слетают фразы о сбрасывании всяческих оков и нарушении традиций, об отрицании установившихся эстетических категорий. Нет норм и правил, нет критериев. Поэтому, мол, вопросы о мастерстве и мере прекрасного даже не стоят. Что ж, и это не ново: буквально то же самое утверждал отец супрематизма Казимир Малевич. Утверждал, а потом увлекся живописью голландцев семнадцатого века, других старых мастеров и порвал с модернистским прошлым, стал правдоподобным реалистом. И не он один. Прочитую отрывок из примечательнейшего программного письма:

«Мы, как я устанавливаю, умертвили душу в своем искусстве. В этом была наша ошибка. Мы слишком, очертя голову, пошли по пути методов и экспериментов, а методы заставили нас смотреть на природу не с точки зрения чувства, любования, эмоций, а с точки зрения применения ее к нашим живописным методам и формулам, с сохранением подчас ничтожного количества индивидуальности в цветоощущении или в остроте формы, и только, а между тем мы забыли, что искусство слагается из массы элементов, из гораздо большего количества факторов (если можно так выразиться), сюда входит все: и личность, и поэт, и романтик, и все. Под давлением времени, течений и т. п., под влиянием отдельных личностей мы пришли к тупику, к академии методов, принципов и т. п. бездушным мертвым формулам (супрематизм, отчасти кубизм), формулам, которым я теперь объявил войну».

Это написал новатор из новаторов, один из самых задиристых, эпатажных художников начала века, Аристарх Ленчулов. Написал задолго — я хочу это подчеркнуть двумя красными линиями — за десяток лет до введения жестко-административного управления искусством. О модернистах этого периода сейчас можно писать свободно. И пишут много и охотно. Но похоже, что центр тяжести искусствоведческого корабля качнулся влево от линии равновесия, и тон пишущих, несмотря на смену декораций, все тот же — умилительно-восторженный. Раздувают кадило и кропят святой водой опять же куски правды, полуправду. А зачем же замалчивать, скрывать от молодежи другую часть правды? Ее тоже нужно знать.

Нужно знать, что в манифестах футуристов была проповедь войны «как лучшей гигиены мира», что основатель кубофутуризма Маринетти был в то же время ярким строителем фашизма. Что тот же Малевич выдвигал пещерные лозунги — например, «Сожжем Рафаэля, к расстрелу Растрелли»; что такие идеи преподносились тогда со страниц журналов, провозглашались с высоких трибун как истины в последней инстанции, вбивались в головы целого поколения художников и становились руководством к разрушительному действию. Да, что было, то было: хулиганы от футуризма разбивали классические статуи, поджигали выставки, срывали со стен картины, изгоняли отсюда педагогов-реалистов с большими именами. А нужно ли замалчивать отрицательное отношение к модернизму Лениным, его поиски «надежных антифутуристов»? Может быть, пора научиться видеть искусство многослойным и противоречивым, а не лавировать его то с одного, то с другого боку, настраивая на волну очередной моды? Ведь печальный опыт сбрасывания Пушкина, Толстого и Достоевского «с парохода современности» должен был чему-то научить нас.

Шлагбаумов и рогаток не нужно. Поиск новых путей — может быть, самое важное сейчас. Разумеется, на базе социалистических духовных ценностей, без уничтожения связи времен и без уродства, как правых, так и левых. Но при любой свободе творческого эксперимента нельзя, по моему, снимать вопрос о мастерстве и школе. Пикассо и Матисс да и наш Филонов были великодушными рисовальщиками и знатоками реалистической живописи. Это и дало им базу для смелых новаций в области формы. Сказать новое слово страшно трудно. Нельзя же претендовать на открытия в высшей математике, не освоив арифметики.

Если снять вопросы о критериях художественного мастерства, получится ерунда: целые направления окажутся вне гласного разбора, вне критики. Ленин говорил, что он и его поколение, поколение революционеров, воспитывалось на картинах передвижников. Это понятно: передвижники рассказали правду о России, ее людях, природе, истории, взорвав официальный фасад культуры. Это было подлинным новаторством.

Сейчас, в нашу рубежную пору, нужны подобные прорывы в искусстве. Уверен, от нынешней выставки кое-что останется «на миру», ибо это частица нашей новой жизни. Большое дело сделал московский комсомол, впервые организовав экспозицию такого масштаба на смелых началах. Без жюри, все предельно демократично. Сами художники определяли, кому и что выставлять. Еще одна созвучная времени идея — соревновательность: зритель активно участвует в отборе перспективного и отбрасывает тупиковое или чуждое.

Подвести черту хочется словами «мамы Коли Данилова»:

«Выставка прекрасная! Много смело и неожиданно. Такой выставки не было и не могло быть до настоящего времени».

Восстанавливается справедливость, реабилитируются имена, поднимаются архивы... Новое поколение читателей открывает для себя Николая Гумилева, Владимира Набокова, Владислава Ходасевича, знакомится с неизвестными доселе страницами творчества Андрея Платонова, Осипа Мандельштама, Сергея Клычкова, Бориса Пастернака, Николая Клюева. Судьбу последнего я считаю самой трагической изо всех судеб деятелей русской культуры XX века.

Владимир Набоков, Иван Бунин и Владислав Ходасевич, к примеру, хотя и не издавались у себя на родине, но относительно благополучно прожили жизнь в эмиграции, в кругу друзей. Их книги, пусть и небольшими тиражами, но выходили на Западе. Умерли они мирной смертью, в своих постелях.

Андрей Платонов и Михаил Булгаков, несмотря на то, что в 30-е годы были вытеснены из литературной жизни, все же оставались в своей среде известными писателями и не узнали, к счастью, вкуса лагерной похлебки.

Всеволод Мейерхольд пережил полосу феерического успеха, был полновластным диктатором театральной жизни 30-х годов, ставил свои пьесы в театре имени Мейерхольда и погиб после того, как вкусил всю сладость власти и славы.

Гибель Осипа Мандельштама была ужасна. Но его не преследовали и не травлили в 20-е годы, как Николая Клюева, и почти все его творческое наследие — стихи и проза — изданы у нас в шестидесятые годы...

Николаю Клюеву «досталось» от эпохи больше, чем кому бы то ни было, за исключением разве что Николая Гумилева.

Но прежде всего несколько слов о самом поэте, ибо молодое поколение читателей почти ничего не знает о нем. А ведь когда-то он был славен и лучшие умы России высоко чтили его талант.

«НЕЗР»

«Какое письмо было на днях от Клюева... Это документ огромной важности (о современной России — народной, конечно), который еще и еще утверждает меня в моих заветных думах и надеждах».

«Клюев — большое событие в моей осенней жизни».

(А. Блок. Из дневника 1911 года.)
«Люблю Клюева. Клюев — мой учитель...» (С. Есенин)

«Клюев пришел от величавого Олонца, где русский быт и русская мужицкая речь покоятся в эллинской важности и простоте. Клюев народен потому, что в нем сживается ямбический дух Баратынского с веющим напевом неграмотного олонецкого сказителя» (О. Мандельштам, 1916).

Очень высоко ставили талант и творчество Клюева Максим Горький и Анна Ахматова, Валерий Брюсов и Андрей Белый.

Николай Клюев (1884—1937) родился в деревне Коштуги Вытегорского уезда Олонечской области (ныне Вологодской).

Первые стихи появились в печати в 1904 году. До этого он учился в Петрозаводской фельдшерской школе, жил на Соловках. За участие в революционных волнениях 1905 года был заключен в Вытегорскую, а позже в Петрозаводскую тюрьму.

ИМЫЙ КОЛОДЕЦ

В 1912 году вышли первые книги Клюева «Братские песни» и «Сосен перезвон», поставившие его в ряд лучших поэтов России. В 1915 году Николай Клюев познакомился с Сергеем Есениным, их дружба продолжалась до последнего дня жизни Есенина.

Октябрьскую революцию Клюев встретил восторженно. Ей посвятил книги стихотворений «Медный Кит» (1918 г.), «Песнослов» (1919 г.) «Львиный хлеб», «Четвертый Рим» (1922 г.). Весной 1918 года поэт вступает в партию большевиков, и сборник стихов «Львиный хлеб» посылает с дарственной надписью В. И. Ленину. Книга эта сохранилась в личной библиотеке вождя революции.

В 1926 году поэт пишет поэмы «Заозерье» и «Деревня». Через два года выходит его последняя прижизненная книга «Изба и поле».

В последующие десять лет поэт был вытеснен из литературной жизни критиками и идеологами троцкистского, рапповского, вульгарно-социологического толка. Его практически не публикуют,

лишь 4 (!) стихотворения были напечатаны в 1932 году. Он, как никакой другой русский литератор, начиная с 1927 года (с начала коллективизации) подвергается клевете, травле, политической дискредитации: «Клюев — один из виднейших представителей кулацкого стиля в русской литературе». («Лит. энциклопедия», 1930 г.) «В стихах типа Клычкова и Клюева мы видим воспевание косности и рутины... словом, апологию «идиотизма» деревенской жизни» (А. Безыменский, из речи на I съезде СП СССР) и т. д. и т. п.

Клюева перестали издавать, он бедствовал, читал стихи на квартирах за небольшие гонорары, продавал старые книги из своей библиотеки и тем жил.

Идеологические обвинения в его адрес нарастали с каждым годом. И в начале 1934 года за чтение на квартирах поэмы «Погорельщина» — «то, для чего я родился», как говорил сам поэт, — Клюев был арестован и без суда по приговору «тройки» сослан в холодные нарымские края. О смягчении его участи хлопотали Горький, ар-

тистка Надежда Обухова, режиссер Голованов. Клюева перевели в Томск, где, по одним сведениям, он умер в тюрьме, по другим — на станции Тайга, возвращаясь из ссылки. Словом, его можно считать пропавшим без вести, и это в XX веке! Могила его неизвестна. Чеходан с рукописями, который был с ним в ссылке, потерян. Главная его поэма, написанная в те времена, — «Песнь о Великой матери», утрачена. Литературное наследие его разбросано и не изучено. Рукописи в архивах, написанные карандашом на тетрадных листочках, буквально истлевают...

Первая его книга после смерти была издана в 1977 году — через двадцать с лишним лет после XX съезда партии. Проза его не издавалась. Воспоминания о нем — которых много в различных архивах — почти не опубликованы. Словом, его литературное наследие пока находится в плачевнейшем состоянии по сравнению с наследием других репрессированных деятелей русской культуры... Но будем утешать себя мыслью, что у Клюева — все впереди.

Михаил Пришвин когда-то пронзительно заметил: «Наша поэзия происходит из недр природы, когда мы десятки тысячелетий в борьбе за кусок хлеба тесно сближались с ней. Поэзия эта вышла как победа, когда стальной узел необходимости был развязан...» Эта мысль, по-моему, как нельзя лучше

применима к поэзии Николая Клюева, демонстрирующей порой связь «недр природы», «куска хлеба» и, наконец, «слова».

*Сготовить деду круп, помочь
развесить сети,
лучину засветить и, слушая пургу,
как в сказке, задремать
на тридевять столетий,
в Садко оборотаясь, иль в вещего
Волгу.*

«Седых веков наследство, поклон Вам, труд и пот!» — вот этой страсти Клюева не понимали идейные враги, объявляя его «кулацким поэтом» и забывая слова Ленина о том, что крестьянин «не только у нас, а во всем мире является практиком и реалистом».

*О Родина моя земная,
Русь буреприимная!
Вижу тебя не женой, одетой
в солнце,
Не схимницей, возлюбившей гроб
и шорохи часов безмолвия.
Но бабой-хозяйкой, домовитой
и яснозубой,
С бедрами, как суслон овсяный,
С льняным ароматом от одежды...*

Свободный, осознанный как необходимость труд — не проклятье, а награда самому себе, естественное условие человеческого существования, гарантирующее человеку независимость и достоинство, — вот мысль, которой поэт оставался верен всю жизнь, даже в самые худшие времена, когда троцкистская критика 20—30-х годов писала о нем как об одном «из виднейших представителей кулацкого стиля в русской литературе». Впрочем, оно и неудивительно, потому что подобная критика руководствовалась во многом положениями политического течения, которое всегда видело в крестьянстве классового врага: «Поскольку мы перешли теперь к широкой мобилизации крестьянских масс, во имя задач, требующих массового применения, постольку милитаризация крестьянства является безусловно необходимой. Мы мобилизуем крестьянскую силу и формируем из этой мобилизованной рабочей силы трудовые части, которые приближаются по типу к воинским частям... Эта мобилизация немыслима без... установления такого режима, при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если не выполнит — он будет дезертиром, которого — карают!» (Л. Троцкий. Из речи на IX съезде ВКП(б) 1920 г.)

Кулацким поэтом Клюева называли те, кто бессознательно, в угаре вульгарного социологизма, либо сознательно подменяли эстетику идеологией, а иногда и просто сиюминутной политической. Но то, что фельетонисты и борзописцы выдавали за кулацко-религиозную платформу, у Клюева было всегонавсего лишь несогласие с перспективой бездуховно-казарменной шигалещины (теория «казарменного социализма» из романа Ф. Достоевского «Бесы»), страшная программа которой развернута в вышеприведенном высказывании основоположника троцкизма.

Сергей Есенин в своей автобиографии писал: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном». То же самое мог, видимо, сказать о себе и Клюев, с одной лишь поправкой, что его «уклон» был гораздо круче и «догматичнее» есенинского. Клюев вообще по натуре был художником аввакумовского склада. То, что у другого поэта могло быть сомнением, предположением, вопросом, у Клюева почти всегда становилось ответом и вырастал до морального и эстетического императива.

Середины он не признавал. Ни с чьим авторитетом не считался, и потому, может быть, на Клюева-поэта не влиял почти никто (чуть-чуть Блок в нескольких ранних стихах). Он был застрахован от заимствований защитной оболочкой — плотным «космосом» крестьянских понятий о культуре и искусстве. На него влиял только этот «космос», сквозь слои которого не в силах были пробиться лучи даже самых ярких звезд русской поэзии. Клюев же влиял и до сих пор влияет на многих. Но об этом чуть дальше.

«Крестьянский уклон» у Клюева заключался прежде всего в том, что он принял Революцию как осуществление народной мечты о справедливости, сошедшей для него со справедливостью социальной.

С простодушной наивностью крестьянина он восклицает в 1917 году: *Хлеб да соль, Костромич и Волынец, Олончанин, Москвич, Сибиряк! Наша волюшка — Божий гостинец, человечеству светлый маяк.*

Революция для Клюева — праздник причастия, торжество причащения кровью («дело прочно, когда под ним струится кровь!»); «Поле Марсово — красный Курган» — жертвы революции осмысливаются поэтом, как голгофские — «Мы помазаны кровью орлиной». Надо сказать, что торжественный церковно-литургический словарь был в те годы всеобщим. Вспомним хотя бы Маяковского: «сильнее и чище нельзя причаститься великому чувству по имени «класс». И пролетарский поэт отдал щедрую дань всечеловеческим гуманитарным идеям — оглянемся на утопию из поэмы «Война и мир», столь явно перекликающуюся с картинами всемирного братания из стихов Клюева:

*Как священники,
чтоб помнили об искупительной
драме,
выходят с причастием,—
каждая страна
пришла к человеку со своими
дарами.*

Революция — братство народов: такое ее толкование у Клюева имеет глубокие корни, уходящие в середину XIX века. Поэт по-своему развивал (может быть, иногда упрощенно и демонстративно) мысль Достоевского о всемирной отзывчивости русского человека — своеобразный вариант культурно-бытового интернационализма, мысль о единстве древа человеческого. Этот завет Клюев принял по-крестьянски прямолинейно, грубо, но страстно:

*Все племена в едином слиты:
Алжир, оранжевый Бомбей
В кисете дедовском защиты
До золотых воскресных дней.
Есть в Сивке доброе, слоновье
И в елях финиковый шум,—
Как гость в зырянское зимовье
Приходит пестрый Эрзерум,
Китай за чайником мурлычет,
Чикаго смотрит чугуном.*

Наивно? — наивно! Искренне? — искренне! Человечно? — человечно! А разве не наивно в те же годы есенинское: *Древняя степь Маврикий родственна нашим холмам, дождиком в нивы златые нас посетил Авраам.*

А разве не наивно, если подумать о конкретно развивающейся истории, хрестоматийная мысль Достоевского: «Мы первые объявим миру, что не чрез подавление личности и иноплеменных нам национальностей мы хотим достигнуть собственного преуспевания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделая им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, участь у них и уча их, и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великоплетное древо, осенит собою счастливую землю».

Случилось так, что прекрасодушное, восторженное чувство в эпоху разгара классовой борьбы и разрыва вре-

мен, эта цельность, это умиление перед будущим вдруг оказались столь далеки от реальной жизни, что рано или поздно должны были найти для себя единственный исход — разрешение через трагедию. Он виноват, что не понял своего времени, но и время не поняло его, исказило и по-своему истолковало суть его поэзии, вытеснило самого из литературной и гражданской жизни, предьявив поэту обвинения, за которые он не мог нести ответственность.

Лихорадочно стараясь спасти последние духовные ценности, необходимые, на его взгляд, народу, он заходит в тупик в своих поисках:

*Низвергайте царства и престолы,
вес неправый, меру и чеканку,
не голите лишь у Иверской подолы,
просфору не чтите за баранку.*

Но не знаменательно ли, что через полвека земляк Клюева Николай Рубцов так же вздохнет по разрушенной красоте, буквально повторяя исторически понятную клюевскую мысль: *Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны, но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей...*

Этот вздох сожаления о временах, когда вера и культура, возросшая на ней, были частью народного сознания, к счастью, вполне объясним в наши дни.

В своем споре с литературными гангстерами Николай Клюев судорожно ищет союзников, но где их найдешь?

Одна из опор творчества и мировоззрения поэта — изысканная космос — рухнула, и ему остается опереться на единственное, что прочно, — на русскую классику:

*Моя душа, как мох на кочке,
Пригрета пушкинской весной.*

(1916)
Но и в современной жизни Николай Клюев рядом с собой видел поэтов, продолжающих пушкинскую традицию, в первую очередь Сергея Есенина, и они были ему союзниками в борьбе со всяческими вульгаризаторами.

Недаром, осмысливая литературные пути первого послереволюционного десятилетия, Клюев без колебаний отвел от Сергея Есенина все обвинения борзотисцев:

*А стая поджарых газет
скулила: кукалицкий поэт!*

К Сергею Есенину, несмотря на все распри, происшедшие между поэтами после двадцатого года, он обратился со словом, обращенным в будущее: *Супруги мои... В живых веках заколосится наше семя, И вспомнит нас младое племя На песнотворческих пирах.*

Характерно, что в этом завещании блеснула пушкинская строчка о «племени младом, неизвестном».

Пророческий и проповеднический пафос Клюева к концу жизни иссякает, аввакумовская нетерпимость гаснет, и ей на замену постепенно приходит убеждение, что не поучение и проповедь, не «перст указующий», а «красота спасет мир», что «красотой купится русская радость». Конечно, такая смена мировоззрения для проповедника — поражение и полный крах, но для поэта может стать своеобразной победой. Не потому ли стихи Клюева последних лет зазвучали по-новому? Читая их, я невольно вспомнил размышления Блока о поздней поэзии Пушкина:

*«И Пушкина тоже убила отсуствие
пуля Дантеса. Его убило отсутствие
воздуха. С ним умирала его культура».*

Продолжая эту мысль, можно сказать, что Николай Клюев умер, потому что вместе с ним и на его глазах исчезла великая древняя крестьянская культура, словно громадный и сказочный Китеж-град, катастрофически быстро погружаясь в океан истории...

«Игуменский окрик», злота дня, расколническая гордыня в предсмертных стихах Клюева заметно уступили место гармоничности чувств, лирическому приятию жизни, ощущению ее самоценности. Плетью обуха не перешибешь! Но коли так, то «по жизни радуйтесь со мной...», глядите во все глаза на «зеленую пастбище жизни...».

Не потому ли столь явственно в последних стихах Клюева есенинское благословение миру:

*Падает снег на дорогу —
Белый ромашковый цвет.
Может, дойду понемногу
К окнам, где ласковый свет?
Топчут усталые ноги
Белый ромашковый цвет.*

*Жизнь — океан многозвонный —
Путнику плещет вослед.
Волгу ли, берег Роны —
Все принимает поэт.
Тихо ложится на склоны
Белый ромашковый цвет.*

Вера в красоту, вечную на родной земле, остается последней и непоколебимой надеждой Клюева:

*Только будут, будут стократы
На Дону вишневые хаты,
По Сибири лодки из кедра,
Олончане песнями щедры,
Только б месяц, рядясь в дымь,
На реке бродил, по налимы,
Да черемуху в белой шали
Вечера, как девуку, ласкали!*

К концу жизни, как это ни странно, лирический дар поэта проявляется гораздо резче, чем в молодости, некий прихотливый наплыв сознания и чувства, смесь сна, воспоминаний, яви и фантазии, «жемчуга бормотаний», в которых голос его сливается с инстинктивной верой в красоту. Эта вера и становится стержнем его зрелого творчества.

Клюева хоронили не раз и друзья, и враги... В иные времена, казалось, что жестокий приговор Василия Князева: «Клюев умер. И никогда не воскреснет: не может воскреснуть — нечем жить» — из книги «Ржаные апостолы» (1924) — окончателен, утвержден временем и обжалованию не подлежит.

Огрызаясь, как загнанный зверь, от беспощадно ранящих нападок, поэт в конце двадцатых годов обронил сквозь зубы:

*Он жив, онеоцкий ведун,
Весь от снегов и вьюжных струн
Скуластой тундровой луной
Глядится в яхонт заревой.*

Однако в тридцатые, сороковые и даже пятидесятые годы трудно было поверить, что поэзия Клюева еще заставит кого-то задуматься, еще будет издаваться, еще найдет себе в будущем читателя и исследователя. Но «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Почти через сорок лет после его безвестной кончины Николай Тряпкин вдруг осознает, что, опровергнув все пророчества, поэзия Николая Клюева, как озимь, простояв положенный срок под снегом, выжила, зазеленела и вновь заставила вспомнить и заговорить о себе:

*Хотим иль нет, а где-то вьется нить:
Звенит струя незримого колодца!
Мы так его стараемся забыть —
И все-таки забыть не удается.*

Я думаю, что легкий ветерок, раздувающий пламя над тлеющими углями клюевского костра, возник после того, как «деревенская проза» — Абрамова и Распутина, Белова и Шукшина, Можая и Личутина вкупе с поэзией Тряпкина, Рубцова — вновь «взрыхла» необозримое поле искусства, неизбежно возрождающегося на крестьянских устоях, это легкое дуновение усилилось, поддержанное сегодня ветром гласности, и тут-то выяснилось, что есть у них у всех предшественник, который уже по-своему «процался с Матерью», но мысли и чувства которого, связанные с вечной красотой крестьянского труда, с «ладом» крестьянской жизни, с болью за живую природу, не истлели, а вновь проросли на благой почве.

Последняя при жизни книга Клюева «Изда и поле» вышла в 1928 году, а следующая — лишь через 50 лет. Полвека забвения — настоящее, а не условное испытание временем, которое лучшая часть клюевского духовного мира, наделенного крестьянской выносливостью и терпением, чудом, но держала...

Николай КЛЮЕВ

РОЖДЕСТВО ИЗБЫ

*От кудрявых стружек тянет смолю,
Духовит, как улей, белый сруб.
Крепкогрудый плотник тешет колья,
На слова медлителен и скуп.*

*Тепел паз, захватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шоломок.
Будут рябью писаны подзоры
И лудянской выпестрен конек.*

*По стене, как зернь, пройдут зарубки:
Сукрест, лапки, крапица, рядки,
Чтоб избе-молодке в красной
шубке
Явь и сонь мерещились — легки.*

*Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед ним щепя как письмена:
Заповет резная пава с крылец,
Брызнет ярь с налличника окна.*

*И когда оческами кудели
Над избой вздохматится дымок —
Сказ пойдет о красном древодеде
По лесам, на запад и восток.*

*Миновал житейские версты
Умереть, как золе в печурке,
Без малинового погоста,
Без сказки о котике Мурке.*

*Без бабушки за добрым самоваром,
Когда трепыхает ангелок-лампадка...
Подружиться с яростным паром
Человечеству не загадка.*

*Пржевальский в желтом Памире
Видел рельсы — прах тысячелетий...
Грянет час, и к мужицкой лире
Припадут пролетарские дети.*

*Упьются озимью, солодагой,
Подлавочной ласковой сонатой,
Уж загрезил пасмурный Чикаго
О коньке над пудожскою хатой.*

*О сладостном соловейком яине
С подблюдными славами, хвалами...
Над Багдадом по моей кончине
Заширяют ангелы, крылами.*

*И помянут пляскою дервиши
Сердце — розу смятую в Нарыме,
А старуха-критика запишет
В поминанье горестное имя.*

ИЗ ЦИКЛА

«ИЗБЯНЫЕ ПЕСНИ»

*Четыре вдовицы к усопшей пришли...
(Крича, бороздили лазурь журавли,
Сентябрь-скопидом в котловин
сундуки
С сынком-листовером ссыпал
медяки).*

*Четыре вдовы в поминальных
платках:
Та с гребнем, та с пеплом, с рядиной
в руках;
Пришли, положили поклон до земли,
Опосле с ковригою печь обошли,
Чтоб печка-лебедка, бела и тепла,
Как допрежь, сытовые хлебы пекла.*

*Посыпали пеплом на куричий хвост,
Чтоб немочь ушла, как мертвец, на
погост,
Хрущатой рядиной покрыли скамью,
На одр положили родитель мою.*

*Как ель под пилою, вздохнула изба,
В углу зашептала тенью гурьба,
В хлевушке замукал сохатый телок,
И вздулся, как парус, на грядке
платок...*

*Дохнуло молчанье... Одни журавли,
Как витязь победу, трубили вдали:*

*«Мы матери душу несем за моря,
Где солнцеву зыбку качает заря,
Где в красном покое дубовы столы*

От мис с киселем, словно кипень,
белы,—
Там Митрий Солунский, с Миколою
Влас
Святых обряжают в камлот и атлас,
Креститель Иван с ендывы расписной
Их поит живой иорданской водой!..»

Зарделось оконце... Закат-золотарь
Шасть в избу незваный: принес-де
стихарь —
Умершей обнову, за песни в бору,
За думы в рассветки, за сказ
вечеру,
А вынос блюсти я с собой приведу
Сутёмки, зарянку и внучку-звезду,
Скупцу ж листодеру чрез мокреть
и гать
Велю золотые ширинки постлать.

ПОЭТУ СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Оттого в глазах моих просинь,
Что я сын Великих Озер.
Точит синюю киноварь осень
На родной беломорский простор.

На закате плещут тюлени,
Загляделся в озеро чум...
Златороги мои олени —
Табуны напевов и дум.

Потянуло душу, как гуся,
В голубой полуденный край;
Там Микола и светлый Иисусе
Уготовят пшеничный рай!

Прихожу. Вижу избы-горы,
На водах — стальные киты...
Я запел про синие боры,
Про Сосновый Звон и скиты.

Мне ученые люди сказали:
«К чему святые слова?
Укоротьте поддевку до талии
И обузьте у ней рукава!»

Я заплакал Братскими Песнями¹,
Порешили: «В рифме не смел!»
Зажурчал я ручьями полесными
И Лесные Были² пропел.

В поучение дали мне Игоря
Северянина пудреный том.
Сердце поняло: заживо выгорят
Те, кто смерти задет крылом.

Лихолетья часы железные
Возвестили войны пожар,
И Мирские Думы³ болезные
Я принес отцизне, как дар.

Рассказал, как еловые куколки
Осеняют солдатскую мать,
И бумажные дятлы загукали:
«Не поэт он, а буквенный тать!»

Русь Христа променяла на Платовых,
Рай мужицкий — ребяческий бред...
Но с Рязанских полей Коловратовых
Вдруг забрезжил конопляный свет.

Ждали хама, глупца непотребного,
В спинжаке, с кулаками в арбуз,—
Даль повыслала отрока вербного
С голоском слаще девичьих бус.

Он поведал про сумерки карие,
Про стога, про отжиточный сноп;
Зашипели газеты: «Татария!
И Есенин — поэт-юдофоб!»

О, бездушное книжное мелево,
Ворон ты, я же тундровый гусь!
Осеняет Словесное дерево
Избяную, дремучую Русь!

Левчим цветом алмазно заиндевел
Надо мной древословный навес,
И страна моя, Белая Индия,
Преисполнена тайн и чудес!

Жизнь-Праматерь заутрени росные
Служит птицам и правды сынам;
Книги-трупы, сердца папирсные —
Ненавистный творцу фимиами!

Солнце Осьмнадцатого года,
Не забудь наши песни, дерзновенные
кудри!
Славяно-персидская природа
Взрастила злаки и розы в тундре.

Солнце Пламенеющего лета,
Не забудь наши раны и
угли-кровинки,
Как старого мира скрипучая карета
Увязла по дышло в могильном
суглинке!

Солнце Слепительного века,
Не забудь Праздника великой
коммуны!..
В чертоге и в хижине дровосека
Поют огнеперые Гамаюны.

О шапке Мономаха, о царьградских
бармах
Их песня? О солнце,— скажи!..
В багряном заводе и в красных
казармах
Роятся созвучья-стрижи.

Словить бы звенящих
в построчные сети,
Бураны из крыльев запречь
в корабли...
Мы кормчие мира, мы боги и дети,
В пурпурный октябрь повернули
рули.

Плывем в огнецвет, где багрец
и рябина,
Чтоб ран глубину с океаном слить;
Суровая пряха — бессмертных
судьбина —
Вручает лишь Солнцу горящую нить.

Я — посвященный от народа,
На мне великая печать,
И на чело свое природа
Мою прияла благодать.

Вот почему на речке-Ряби,
В ракигах ветер-Алконост
Поет о Мекке и арабе,
Прозревших лик карельских звезд.

Все племена в едином слиты:
Алжир, оранжевый Бомбей
В кисете дедовском зашиты
До золотых воскресных дней.

Есть в Сивке доброе, слоновье:
И в елях финиковый шум,—
Как гость в зырянское зимовье
Приходит пестрый Эрзерум.

Китай за чайником мурлычет,
Чикаго смотрит чугоном;
Не Ярославна рано кычет
На Забороле городском,—

То богоносный дух поэта
Над бурной родиной парит,—
Она в громовый плащ одета,
Перековав луну на щит.

Левифан, Молох с Ваалом —
Ее враги. Смертелен бой.
Но кроток луч над Валаамом,
Целуясь с ладожской волной.

А там, где снежную Печору
Полою застит небосклон,
В окно к тресковому помору
Стучится дед — пурговый сон.

Пусть кладенечные изломы
Врагов, как молния, разят,—
Есть на Руси живые дремы,
Невозмутимый, светлый сад.

Он в вербной слезке, думе
бабьей,

В богоявленье наяву.
И в дудке ветра об арабе,
Прозревшем звездную Москву.

Прощайте, не помните лихом,
Дубы осыпаются тихо
Под низкою ржавой луной.
Лишь вереск да терн узловатый,
Репейник как леший косматый
Буянит под рог ветровой.

Лопух не помянет и лошадь,
Дубового хвоста ношу
Оплачет золой камелек.
И в старой сторожке объездчик,
Когда темень ставней скрежещет,
Затянет по мне тютюнок.

Промолвит: минуло за тридцать,
Как я разохотился бриться
И ластить стрельчатую бровь;
Мой друг под луною дубовой,
Где брезжат огарками совы,
Хоронит лесную любовь!

И глаз не сведет до полночи,
Как пламя валежину точит,
Целует сухую кору...
А я синеватою тенью
Присяду рядком на поленья,
Забывший в ненастном бору.

«В глаза погляди, Анатолий,
Там свадьбою жадные моли
И в сердце пирует кротиха!..»
Дубы осыпаются тихо
Под медно-зеленой луной.

Лишь терний да вереск шальной
Буянят вдоль пьяной дороги,
Мои же напевы, как ноги,
Любили проселок старинный,
Где ландыш под рог соловьиный
Подснежнику выткал онучки.

Прощайте, не помните лихом!
Дубы осыпаются тихо
Рудою в шальные колючки.

Сергею Есенину

В степи чумацкая зола,
Твой стих гордынею остужен.
Из мыловарного котла
Тебе не выловить жемчужин.

И груз Кобыльих кораблей⁴ —
Обломки рифм, хромые стопы,—
Не с Коловратовских полей
В твоём венке гелиотропы.

Их поливал Мариенгоф
Кофейной гущей с никотином...
От оклеветанных Голгоф
Тропа к Иудиным осинам.

Скорбит Рязанская земля,
Седея просом и гречихой,
Что, соловьиный сад трепля,
Парит Есенинское лихо.

Оно как стая воронят,
С нечистым граем, с жадным зобом,
И опадает песни сад
Над материнским строгим гробом.

В гробу пречистые персты,
Лапотцы с посохом железным...
Имажинистские цветы
Претят очам многоболезным.

Словесный брат, внемли, внемли
Стихам — берестяным оленям:
Олонецкие журавли
Христосуются с Голубенем.

Трерядница и Песнослов —
Садко с зеленой водяницей.
Не счесть певучих жемчугов
На нашем детище-странице.

Супруги мы... В живых веках
Заколосится наше семя,
И вспомнит нас младое племя
На песнотворческих пирах.

Стариком, в лохмотья одетым,
Притащусь к домовой ограде...
Я был когда-то поэтом,
Подайте на хлеб христа ради!

Я скоротал все проселки,
Придорожные пни и камни...
У горничной в плоской наколке
Боязливо спрошу: «Куда мне?»

В углу шарахнутся трости
От моей обветренной палки,
И хихикнут на деда-гостя
С дорогой картины русалки.

За стеною Кто и Не знаю
Закинут невод в Чужое...
И вернусь я к нищему раю,
Где бог и древо печное.

Под смоковницей солодовой
Умолкну, как Русь, навеки...
В мое бездонное слово
Канут моря и реки.

Домовину оплачет баба,
Назовет кормильцем и ладой...
В листопад рябины и граба
Уныла дверь за оградой.

За дверью пустые сени,
Где бродит призрак костлявый,
Хозяин Сергей Есенин
Грустит под шарманку славы.

Есть две страны: одна —
Больница,
Другая — Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!

Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку
И заунывно кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику:

«Ку-ку! Откройте двери, люди!»
«Будь проклят, полуночный пес!
Кому ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских роз?!

Весна погибла, в космы сосен
Вплетает выго седину...
Но, слыша скрежет ткацких
кросен,
Тянусь к зловещему окну.

И вижу: тетушка Могила
Ткет желтый саван, и челнок,
Мелькая птицей чернокрылой,
Рождает ткань, как мерность
строк.

В вершинах пляска ветродуев,
Под хрип волчиценой трубы.
Читаю нити: «Н. А. Клюев —
Певец олонецкой избы!»

Я умер! Господи, ужели?!
Но где же койка, добрый врач?
И слышу: «В розовом апреле
Оборван твой предсмертный плач!

Вот почему в кувшине розы,
И сам ты — мальчик в синем
льне!..

Скрипят житейские обозы
В далекой брэнной стороне.

К ним нет возвратного проселка,
Там мрак, изгнание, Нарым.
Не бойся савана и волка —
За ними с лютней серафим!»

«Приди, дитя мое, приди!»
Запела лютня неземная,
И сердце птичкой из груди
Перепорхнуло в кущи рая.

И первой песенкой моей,
Где брачной чашею лилея,
Была: «Люблю тебя, Расея,
Страна грациных озимей!»

И ангел вторил: «Буди, буди!
Благословен родной Овсен!
Его, как розаны в сосуде,
Блюдет Христос на Оный День!»

^{1, 2, 3} Сборники стихов Н. Клюева.
(Здесь и далее прим. Ст. Куняева.)

⁴ Из стихов С. Есенина.

АВТОГРАФ СМЕРТИ

19 октября 1955 года в 01 час 30 минут 46 секунд самописцы Крымской сейсмостанции прочертили на ленте неровные всплески — зафиксировали сотрясение почвы в районе Севастополя. Дежурный по станции решил, что это обычный подземный толчок. Откуда ему было знать, что на ленте остался автограф смерти; что эта нервная зубчатка — последняя кардиограмма двухсот остановившихся сердец; что на внутреннем рейде Севастополя под килем флагманского корабля Черноморского флота линкора «Новороссийск» рванул неимоверной силы взрыв, насквозь пробивший восемь палуб?

Огненный смерч прорвался через многотажные кубрики — в каждом в три яруса спали в подвесных койках матросы, — выхлестнул из стального кратера, разворотил верхнюю палубу от борта до борта и взлетел на высоту фок-мачты. Часовой у пойсштока (он стоял на самом кончике линкоровского носа) был подхвачен вихрем взрыва и выброшен далеко в море. По счастью, он остался жив.

Сквозь гигантскую пробоину в носу (потом подсчитают ее площадь и ахнут — 150 квадратных метров) в корпус линкора, бурля и клокоча, ринулась холодная осенняя вода, густая от ила и матросской крови.

На «Новороссийске» сыграли боевую тревогу...

Матрос М. Полковников, электрик электротехнического дивизиона. Я разыскал его в Москве в Министерстве связи РСФСР, где он занимает ответственный пост. В его кабинете на стене под сувенирным штурвалом висел великолепный фотоснимок «Новороссийска».

— ...Я лег поздно. Моя койка висела во втором ярусе в своеобразном закутке. Наверное, этот закуток и спас меня от удара взрывной волны. Швырнуло меня за левый борт, и очнулся я лишь от холода подступившей к голове воды. Уши забиты илом, темень, ничего не вижу и не слышу... Спасибо нашему комдиву Матусевичу, учил нас ориентироваться внутри корабля в полной тьме. Нащупал я дверцы рундука, а одна из них была с приметинной — выпуклая. И сразу понял, где я. Пополз к трапу, ноги побиты, но не переломаны. Когда бросило меня на швеллер коевочной стойки, то, видно, размозжило бедренные мышцы. У трапа глянул вверх и увидел звездное небо. Как же так — ложился спать на третьей палубе, а оказался на первой? Потом дошло: это пробоина.

Подняться по трапу не смог. Но, зная расположение смежных помещений, вспомнил, что один из люков шахты электростанции открывался в наш кубрик. Через него и выбрался по скоб-трапу наверх. Вот тут нервное напряжение чуток спало и ноги начисто отказали. Подбежали ко мне наши электрики. Они в фок-

Николай ЧЕРКАШИН

РЕКВИЕМ

мачте ночевали, там была выгородка для зарядки аккумуляторов, ну, они, чтобы утром на физзарядку из кубрика не бегать, там и спали. Поэтому сразу же нашлась простыня, надрали ее на ленты и забинтовали ноги. Помогли добраться до 17-го кубрика, где была медсанчасть. Матрос-санитар сделал нормальную перевязку, вколлот протившоковый укол, дал глотнуть спирту. Тут от всех этих процедур вернулся ко мне слух; я почувствовал, что могу стоять, а раз объявлена боевая тревога, то место мне на родном боевом посту в турбогенераторной 3-й электростанции в корме.

Трансляция не работала. Мы все так и сидели, пока перед самым опрокидыванием в наш отсек не заглянул старшина I статьи Миша Батяев. Он закричал нашему мичману:

— Эх, дед, войну провоевал, а понять не можешь, что в такой крен кувыркнемся к едрене-фене! Команда была «покинуть корабль».

Только мы выбрались наверх, как все и посыпалось. Прыгнул я на правый борт, что из моря выходил. По

счастью, на винты не попал, угодил прямо в воду. А она холодная, ноги вконец отказали. Я до флота штангой занимался, руки сильные были, поплыл на одних руках. Ну и еще раз мне повезло: какой-то матрос (кто — не знаю) стал меня поддерживать на плаву. Устанут руки, он меня за труссы держит. Потом я плыву, он на спине отдыхает. Так до берега и добрались.

В госпитале отмыли от ила и мазута (ил даже внутри часов «Победа» попал), выдали халат и кальсоны. Лег в палате. Тут нервы отошли, заныли побитые ноги, да так, что света белого не взвижу.

А раненых все привозили и привозили. Пришел врач и попросил:

— Товарищи, кто может самостоятельно передвигаться, просьба перейти на плавучий госпиталь.

Взял я костыли и побрел вслед за командой ходячих.

Никогда не забуду, как отнеслись к нам севастопольцы: женщины, дети, рабочие приходили к нам

в палаты, несли яблоки, дыни, виноград. Пионеры притащили из магазина целый короб «Беломора».

Потом служил я на крейсере «Куйбышев», но недолго. Комиссовали по ревматизму...

«КАРАБАХ» СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

Первым к гибнущему линкору подошло спасательное судно «Карабах»... Давно уже нет старого спасателя на море, но жив его славный командир — капитан 3-го ранга в отставке Константин Семенович Ковалюков. В числе первых прокладывал он огненные рейсы в сражающуюся Испанию, оборонял Севастополь, после войны поднимал корабли, спасал суда... И когда Ковалюков говорит: «Я тут по всему Черному морю знаю, кто, где и на какой глубине лежит», — ему можно верить.

Родословная у Ковалюкова такая: дед — парусный марсофлотец, отец — судовой механик, сам — пароси-

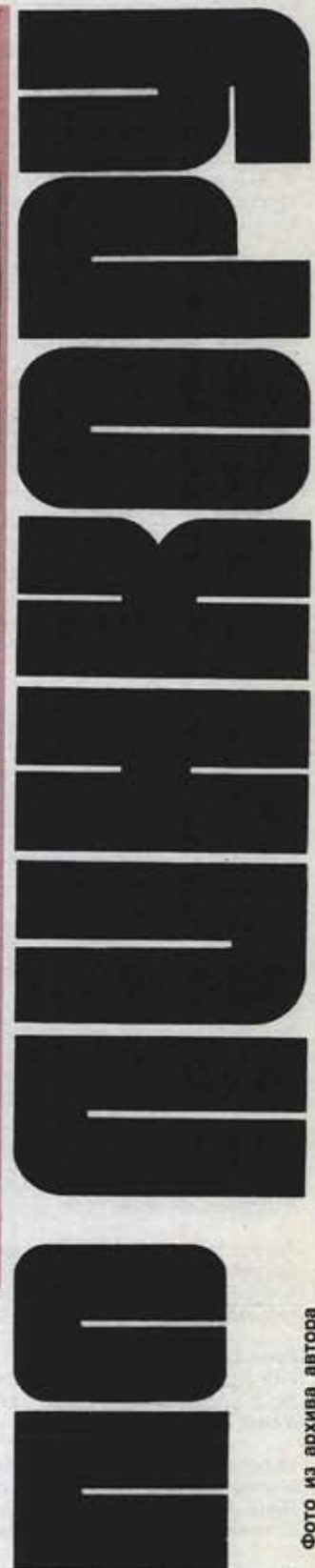
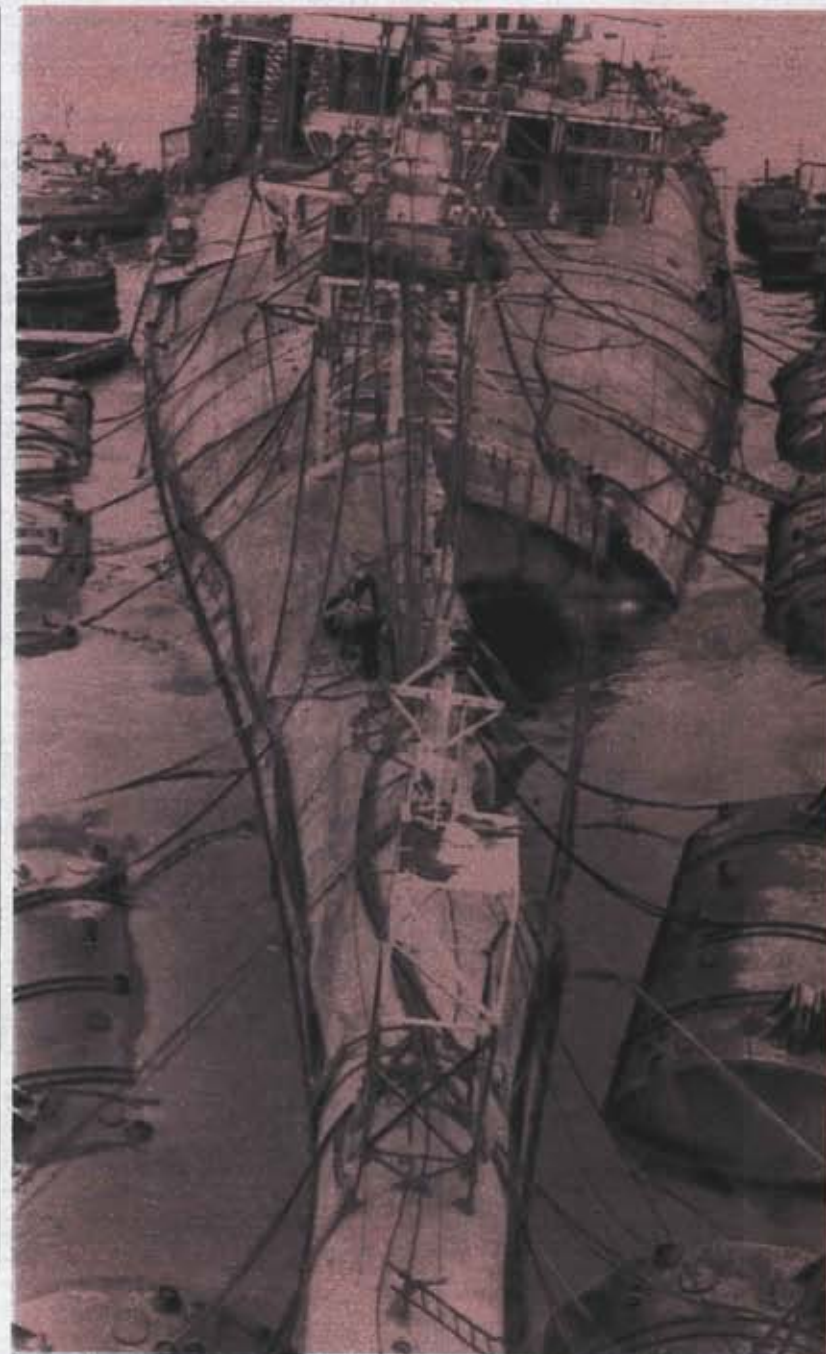

Фото из архива автора

Картина Андрея ЛУБЯНОВА «Линкор «Новороссийск» в походе».

ловик, сын — дизелист, капитан 2-го ранга, внук — пока еще курсант...

И вот я в Севастополе, в гостях у Константина Семеновича. На маленькой кухоньке за огромными чашками с кофе мы сидим втроем. Сын — Александр Константинович, офицер Главного технического управления ВМФ, — тоже участник нашей беседы, «Новороссийск» остался и в его мальчишеской тогда памяти.

— Надо ж такому случиться, — горестно вздыхает Ковалюков-старший, — аварийную ситуацию на «Новороссийске» мы проиграли на учениях за сутки до взрыва. Днем на траверзе Стрелецкой бухты «Карабах» подошел к линкору, на котором затопили одну из шахт и устроили имитацию пожара. Мы отработывали спасение большого корабля.

Вечером 29 октября «Карабах» стоял у Телефонной стенки, принимал воду, а я отправился домой, сюда вот, на Керченскую. Ночью прибегает мой мичман и кричит, задыхаясь:

- Взорвался!.. — И за сердце рукой хватается.
- Кто взорвался?
- «Новороссийск»!

Оделся я в минуту, а тут Кулагин, начальник аварийно-спасательной службы, на «виллисе» подкатывает, и мы прямо на Телефонку. «Карабах» стоял в повышенной готовности, снялись и подошли к линкору.

Мы встали под левой скулой у пробоины. Командую:

- Водолаза в воду!
- Пошел водолаз. Дали ему свет.
- Дошел?
- Дошел.

Я взял микрофон.

- Что ты, Вася, видишь?
- Товарищ командир, пробоина!
- Какая?

— Если без мачт и без труб, то «Карабах» наш войдет.

- Куда загнуты края?
- Вон внутрь.

Доложил об этом Кулагину, тот — командующему флотом вице-адмиралу Пархоменко. Пархоменко стоял на юте, хотя его место было, как требует того Корабельный устав и здравый смысл, на ГКП*. Ведь именно туда стекаются все телефонные доклады и именно оттуда опять же по телефону и трансляции отдаются все приказы.

Почему Пархоменко выбрал ют, могу объяснить себе только тем, что с юта до трапа, ведущего на адмиральский катер, рукой подать, да и вообще к берегу поближе. Иначе зачем надо было держать связь с ПЭЖем** через посыльных. Ведь это ж все-таки линкор: сто

метров — туда, сто — обратно, да сколько трапов вверх-вниз. А ведь каждая минута на вес золота. А тут еще начальники прибывают всех мастей и рангов — начальник топливного отдела, начальник минно-торпедного управления, несть им числа, и каждый под козырек, каждый с докладом, ну, прямо светский прием, черт бы их всех побрал! Одного майора-хозяйственника, который прибыл на линкор миски-ложки пересчитывать, правда, туруули. Ну, а в целом-то?! Вы меня можете попрекнуть: все мы задним умом сильны. Но мы же спасатели, профессионалы, прекрасно знаем, что и как нужно делать.

Адмирала Пархоменко всю жизнь учили воевать, корабли в бой водить, а вот как их спасать да на плаву удерживать — это наше инженерное дело. Он же этого понять не захотел: гордыня адмиральская заела.

Мы высадили аварийную группу вместе с мотопомпой производительностью 100 тонн в час. Но корабль тонул. Тонул все время, ни на минуту не замедляясь! Мостик «Карабах» был вровень с верхней палубой линкора, и я хорошо видел все, что на ней происходило. Трос с якорной бочки крепился на баке линкора за глаголь-гак. У глаголь-гака стоял главстаршина с молотком, чтобы сбить по команде стопорное кольцо, отдать трос и освободить нос для маневра. Он так и не дождался команды, отступил, уходя от заливавшей бак воды.

Потом прибежал ко мне старпом Хуршудов, оставшийся на линкоре за командира, уехавшего в отпуск. Передал приказание Пархоменко:

— Надо завести буксир и подготовиться к буксировке. Подойдет заводской катер с резчиком и обрежет носовой трос.

Боже ж ты мой, я-то знаю, что такое заводской катер, команда на нем вольнонаемная, попробуй собрать ее ночью по всему городу, когда ни у кого из тех работают телефоны и в помине не было.

— Доложите командующему, — прошу я Хуршудова, — что мой водолаз сварочным агрегатом сам все сделает.

Старпом побежал на ют с мегафоном в руке. Подумайте только, ему, фактически командиру корабля, Пархоменко препоручил роль связного! А потом же на него, Хуршудова, возвели ответственность за гибель линкора!

Жду я, жду, на мое предложение ни ответа ни привета. Заводской же катер, как я и предполагал, подошел с чудовищным опозданием — к 4 часам утра, то есть за пятнадцать минут до опрокидывания.

Спрашиваю своего начальника, капитана 1-го ранга Кулагина:

- Что делать будем? Корабль-то тонет.
- А что я могу тут делать?
- Вы знаете, что дальше будет?
- Опрокинется.

Еще раз прибежал Хуршудов.

— Заводите буксир, будем тащить к стенке госпиталя!

К корме «Новороссийска» подошел буксир, помог отдать кормовой трос и стал разворачивать линкор к берегу. Я прекрасно понимал, что, заведи мы буксир и потяни за него к берегу, как линкор, и без того накренный на левый борт, тут же свалится и опрокинется. Этого делать нельзя было ни в коем случае! И я на свой страх и риск переиграл инженерно безграмотный приказ по-своему. Ошвартовался к линкору лагом, то есть борт к борту, и стал работать винтами, толкая корабль к стенке и в то же время отжимая крен вправо. Но «Новороссийск» держал невыбранный якорь, и, конечно же, «Карабаху» не под силу было не только сдвинуть линкор к берегу, но и предотвратить крен. «Новороссийск» медленно, но верно валится на левый борт, при этом накренял и нас к себе. Если бы его громада подмяла нас, то «Карабах» и по сию пору лежал бы впрессованным в грунт...

Надо было готовиться к неизбежному. Я приказал заменить стальные тросы на пеньковые, поставил в корме матроса с топором, а себе велел принести с камбуза большой разделочный нож и держал его наготове. Когда крен «Новороссийска» стал явно угрожающим и наша мотопомпа поехала по его палубе, я крикнул по громкой трансляции: «Аварийной партии АСС — на «Карабах»! Повторил несколько раз. Увы, успели не все. Линкор переворачивался, трап, перекинутый на его палубу, съехал и упал в воду. Я закричал: «Руби кормовой!»

А носовой швартов перерубил ножом сам. И вовремя. «Новороссийск» всей своей многотонной броневой массой валится на нас. Верхушка стальной фок-мачты чиркнула «Карабах» по кормовому привальному брусу. Кусок отлетел, но судно уже было вне опасной зоны.

Я даже не успел обрадоваться собственному спасению. Вид перевернутого днища, сотен людей, копошившихся в воде при свете прожекторов, огромные винты линкора, беспомощно блестящие в лучах, — все это было ужасно, сердце кровью обливалось.

Я велел спустить все наши шлюпки, мы вывесили за борт штурмтрапы и всевозможные концы. Работать машинами я не мог, чтобы не покалечить плавающих людей... «Карабах» принимал спасенных, число их росло — десять, двадцать пять, сорок, сто... Среди подобранных оказался и главстаршина, которому Пархоменко вручил свою шинель, а сам прыгнул в воду. Главстаршина сказал: «А зачем она мне?» И бросил.

Днище линкора, густо обросшее ракушками, огромное, широкое, возвышалось над водой метра на четыре и походило на спину гигантского чудовища.

Я подошел вплотную и отдал якорь. Корпус линкора сотрясала частая беспорядочная дробь. Это стучали моряки, заживо погребенные в глухих отсеках. Мы сошли на днище. К нам присоединился доставленный с берега инженер-капитан-лейтенант Фридберг, командир дивизиона живучести линкора. Я попросил его показать места, где можно резать корпус. Ведь у «Новороссийска» было тройное днище, и междудонное пространство заполнялось топливом. Любое неосторожное вмешательство не только бы не помогло несчастным, но и вызвало бы пожар. Фридберг сказал:

— Я корабль знаю. Но определить, где что в перевернутом виде, не смогу.

Тут ко мне подбежали мои люди.

— Товарищ командир, там в корме стучат уж очень близко.

Бросились туда.

Первую команду «Карабах», чтобы рассказать о тех, кто взывал к спасателям. Их было семеро, и все они оказались в воздушной подушке в районе кормовой электростанции № 4. До последней секунды жизни линкора отделение электриков обеспечивало корабль электроэнергией. Как знать, скольким матросам помог выйти наверх свет в подпалубных коридорах.

Когда «Новороссийск» лег кверху килем, дизель-генераторы еще продолжали стучать, нависая над головами ошеломленных электриков. Первым пришел в себя старший матрос Михаил Литвин. Он отыскал в темноте электрощит и остановил дизель-моторы. Только пожара им не хватало! Потом он кликнул живых и выяснил, что, кроме него, в шахте электростанции еще шестеро: старший матрос Воронков, матросы Лемберг, Шиборнин, Смышнов, Кононов и Столярков. Кто-то попробовал нырнуть в воду и выбраться из корпуса, но вскоре убедился, что никакого дыхания не хватит, чтобы преодолеть затопленные ярусы подпалубных помещений. Однако в панику никто не впал.

— Вот что, ребята, — предложил Литвин. — Попробуем выйти через кингстон* водоотливной помпы.

*ГКП — главный командный пункт.

**ПЭЖ — пост энергетики и живучести, откуда ведется управление борьбой за спасение корабля в аварийных ситуациях. Расположен внутри корпуса.

* Кингстон — запорное устройство в забортных водных системах.

Кингстон размещался в широкой трубе, выходящей за борт. Надо было только отвинтить 32 гайки, крепившие фланец кингстона, и освободить трубу.

Но путь к кингстонной выгородке лежал через кладовую, запертую на амбарный замок. Замок сбили, нашли в кладовой гаечные ключи. Литвин расставил всех по местам, и матросы начали откручивать тяжеленные — с кулак — гайки. Работали на ощупь, в темноте, обливаясь от спертго воздуха потом. Сняли одну гайку, вторую, третью... И тут, словно в насмешку, из щели, возникшей между фланцем и корпусом, со свистом стал выходить воздух, а вода, стоявшая у ног, — подниматься. Литвин приказал немедленно поджать фланец.

Что делать? Стали стучать в днище. Благо, в этом месте оно было не тройное, а одинарное. Всего лишь сантиметровой слой металла отделял их от мира, от жизни, от воздуха...

На удары в железо откликнулись из румпельного отделения. Но положение тех, кто там остался, было совершенно безнадежным. На стуки Литвина и его товарищей и пришли матросы спасателя. Они могли переговариваться сквозь сталь корпуса...

Оставим на минуту отважную семерку. Передо мной письмо от капитана 2-го ранга запаса В. Ф. Романова. «В ту пору, — пишет Владимир Федорович, — я служил лейтенантом, помощником командира по водолазному делу на спасателе «Бештау». Наше судно стояло в Южной бухте. Получив сигнал от оперативного дежурного АСС, мы начали экстренное приготовление и через 20—25 минут вышли к линкору «Новороссийск». У борта пострадавшего корабля уже стояли «Карабах», пожарный катер и водолазный бот. Линкор сидел носом на грунте, из моря на одну треть торчал гойсхток, а перед первой башней плескалась вода. Корма приподнялась так, что оголились винты. Свет на верхней палубе горел очень тускло, и нам с линкора дали команду: встать на якорь и освещать «Новороссийск» прожекторами. Свет мы дали, но через некоторое время линкор стал угрожающе крениться, и нам приказали подойти к борту снимать личный состав.

С «Бештау» подали носовой швартов, и не успели еще закрепить кормовой, как линкор стал быстро ложиться на борт. Носовой трос у нас тут же лопнул, а кормовой сошел с кнехтов... Так наше судно оказалось в считанных метрах от перевернувшейся громадины.

Первым делом спустили шлюпки, сбросили все спасательные круги и жилеты, вывалили шесть трехрядных трапов, а затем протянули еще вдоль борта пожарные шланги, чтобы за них тоже могли держаться. Мы подняли на борт 176 человек.

Потом, когда все, кого можно было спасти на воде, были переправлены в госпиталь, «Бештау» ошвартовался за грёбные валы, торчавшие из днища, и начались водолазные работы.

Часов в 10 утра услышали в корме громкие стуки. Капитан-лейтенант Малахов вырезал электрокислородным резаком квадратное отверстие, из корпуса вышли семь матросов-электриков».

Это и была группа Литвина.

— Я тут же дал семафор. Отделение электриков вышло из корпуса, — рассказывал командир «Карабаха». — На приунывшем было берегу оживились. Первым примчался ко мне заместитель комфлота по строевой части контр-адмирал Еремеев.

— Срочно резать!

Стали резать. Но стуки из корпуса, едва делали первую прорезь, быстро прекращались. Должно быть, выходила воздушная подушка. А однажды из прореза пошел мазут, грозя пожаром...

Дочитаем же письмо Романова. «К полудню было принято решение наварить на кингстон одного из котельных отделений рекомпрессионную камеру, вырезать трубу кингстона и спуститься внутрь корпуса, чтобы перекрыть часть клапанов для сохранения воздушной подушки, державшей линкор на плаву.

Одновременно было приказано спустить водолаза в ПЭЖ и спасти, если он жив, начальника технического управления нашего флота капитана 1-го ранга Иванова. Предупредили, что в посту энергетики и живучести Иванов переводился в рабочий китель с капитан-лейтенантскими погонами и, скорее всего, должен находиться именно в ПЭЖе. Через кормовой люк мичман Карпаев (старшина команды водолазов со спасателя подводных лодок «Скалистый») проник внутрь опрокинутого корпуса. До ПЭЖа Карпаев добирался по захлапленным коридорам опрокинувшегося корабля, забитыми к тому же и трупами, целых семь часов. Его обеспечивали еще три водолаза.

Капитана 1-го ранга Иванова Карпаев в ПЭЖе не обнаружил. Там были тела трех матросов.

Потом поступило приказание извлечь из линкора секретные документы и тела погибших. В тот же день мы с капитан-лейтенантом Фридбергом и трюмным мичманом (фамилии не помню) дважды спускались через приваренную камеру, а затем кингстонную трубу внутрь корпуса — перекрывали там клапаны, тщетно искали тело Иванова.

Во время второго спуска труба кингстона ушла под

воду (линкор медленно погружался), и мы с большим трудом поднырнули в трубу и выбрались наверх. Больше в корпус корабля не спускались.

К утру 30 октября днище скрылось под водой. На третьи сутки по звукоподводной связи обнаружили, что в 28-м кубрике находятся живые люди. Туда и отправился наш водолаз старший матрос Попов. Его обеспечивали еще два водолаза. Попову удалось проникнуть в почти затопленный кубрик...

Еще раз прерву письмо, чтобы сказать то, о чем не упомянул автор. Когда Попов вынырнул в 31-м кубрике, то полуживые от холода и бескислородья матросы Семиошко и Хабибулин подпирали головой палубу, ставшую потолком. Хабибулин и Семиошко держались за пробковый матрас.

Первым делом Попов дал им воздух. Для этого он оттянул на запястье резиновую манжету и нажал головой золотниковый клапан в шлеме, попросил по телефону увеличить давление. Вода, подступившая было к поспиневшим губам матросов, слегка отхлынула, потому пошла вниз... Образовалась воздушная подушка высотой в полтора метра. А когда водолаз извлек из термоса бутылки с горячим какао, то жизнь и вовсе влилась в жилы матросов.

«Выводить людей мы послали сразу четырех водолазов, — пишет Романов. — В кубрик должен был пролезть старший матрос Онуфриенко. Его проход и вывод пострадавших обеспечивали старшие матросы Скапкович и Попов, а у входного кормового люка их должен был встречать главстаршина Виноградов. Онуфриенко благополучно добрался до места и доставил два кислородных дыхательных аппарата (ИСАМ), объяснил, как ими пользоваться. Он помог надеть аппараты, включил их и повел под воду. Едва погрузились, как один из матросов, Хабибулин, потерял сознание и выскользнул из рук водолаза.

Я руководил спуском по телефону. И когда Онуфриенко доложил, что потерял своего подопечного, сжалось сердце: неужели все бесполезно?

— Поищи его как следует, очень тебя прошу!

— Но водолаз и сам старался не за страх, а за совесть.

— Жив! — откликнулся из недр линкора водолаз. — Нашел голубчика.

Дальше все прошло без приключений. Спасенных передали по цепочке и подняли на борт «Бештау». Так что всего из корпуса опрокинувшегося линкора сумели извлечь только девять человек.

До двадцатых чисел ноября «Бештау» стоял над погруженным «Новороссийском». Все это время шли круглосуточные водолазные работы. 29 октября спустя 10—12 часов после гибели линкора на «Бештау» прибыли Заместитель Председателя Совета Министров СССР В. А. Малышев и главком ВМФ Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов. Днище линкора еще возвышалось над водой. Потом к нам приехал и начальник тыла ВМФ генерал Жидилов, который распорядился выдавать водолазам по 50 граммов спирта для снятия нервного напряжения. Поиск и подъем трупов действовали угнетающе. Но все же водолазы работали самоотверженно. Некоторые из них были представлены к высоким правительственным наградам. Но наградные листы так и не утвердили. Сказали, что «за погибших не награждают»...

Вернемся в домик на Керченской. Константин Семенович тяжело вздохнул:

— Стоим мы у перевернутого «Новороссийска», и вдруг на «Карабах» прибывает майор-особист. Так, мол, и так, почему вы, товарищ Ковалюков, не выполнили приказ комфлота о буксировке линкора? Я стал объяснять, что мы буксировали, но другим способом... А майор свое гнет, и так получается, что «Новороссийск» именно потому и опрокинулся, что я проявил самоуправство и переименовал приказ Пархоменко. Ну, переименовал, каюсь, но так ведь я ж его на грамотный лад переименовал, сделал так, как положено, а не как сгоряча крикнули. Майор слушать ничего не хочет, переписывает из вахтенного журнала мои команды в свой протокол. Спрашиваю:

— Ну, и что ж мне теперь делать?

— Пока оставайтесь на мостике.

— Суд-то что будет?

— Суд будет.

Пообещал и уехал. Остался я в таком настроении, хоть стреляйся. А тут новый приказ: поднимать с грунта трупы. И делать это было велено ночью. Днем водолаз обследовал дно, находил тела погибших, подвязывал кончик за поясной ремень, а мы тот кончик крепили к борту, чтобы поднять, когда стемнеет. К вечеру весь борт был в кончиках... Жутко смотреть.

Ночью подошла десантная баржа, и мы стали поднимать тела и перегружать их на борт быстроходной десантной баржи. Потом их переправили на Инженерную пристань. Затем следующую партию.

Был у нас водолаз-осетин, из студентов. Под воду не идет — ну никак. Мертвецов боится. Вызвал я его, поговорили по-душевному. «Не могу я!» «А как же другие? У них, что? Нервы стальные?» В общем, уговорил. «Только вы, товарищ командир, со мною на связь будьте». «Добро».

Ушел он под воду, выполнил все, что надо, поднимается, снимает на трапе феску с головы, — я так и ахнул — волосы седые! Не думал я, что можно вот так враз поседесть...

Вызывают меня на Правительственную комиссию. Малышев:

— Ваша безграмотная буксировка ускорила катастрофу. Вы что, не понимаете, что нельзя было линкор разворачивать на буксире?!

Стал я объяснять, как мы на самом деле буксировали. Не верят. Выкручиваешься, мол. Вижу, майор мой тут сбоку трется.

— А вот, — говорю, — вы у товарища протоколы допроса спросите. Там есть выписки из вахтенного журнала.

Пришлось тому показать. Ну, а мне Малышев руку пожал. «Карабах» действовал правильно.

Потом комиссия собралась на спасательном судне «Лайла»: Малышев, Кузнецов, Бутома, Кулагин... Стали держать совет — что делать. Главная задача не дать линкору погрузиться, уйти в грунт, дать возможность водолазам подлезать снизу.

Бутома, министр судостроения, предложил приоткрыть по бортам линкора два танкера, а потом приподнять на них «Новороссийск», как на понтонах. Но тут выяснилось, что таких стропов, которые могли бы удержать линкор, у нас нет. Да если бы и были, завести их дело непростое и нескорое.

Тогда Малышев предложил поддержать линкор плавучими кранами. Но это было заводом ложное решение. Грузоподъемность каждого из четырех наших плавкранов не превышала ста тонн. Шутка ли удержать ими такую махину. И потом, если бы лопнул от перегрузки подъема трос, плавкран сразу же бы опрокинулся. Однако приказ был дан, и один из кранов уже двинулся к линкору. К счастью, началось усиление ветра до 4—5 баллов, и Малышев отменил свое решение. Зато на следующий день Пархоменко приказал «Карабаху» буксировать перевернутый линкор к берегу. Распоряжение было явно нелепым. Мачты корабля глубоко увязли в иле, и сдвинуть его с места было не под силу и десяти «Карабахам». Но спорить я не стал, закрепил короткий буксир за массивный баллер линкоровского руля, убрал людей с юта (лопнет трос — убьет) и начал работать осторожными рывками. Мимо шел буксир. Капитан его, мой старый приятель, окликнул меня в мегафон:

— Костя! — И покрутил пальцем у виска.

Я развел руками.

Трос вскоре лопнул.

С прилетом Николая Петровича Чикера, самого авторитетного нашего специалиста по судоподъему, вся комиссия притихла.

Инженер-контр-адмирал Чикер заперся в моей каюте на «Карабахе» и просидел в ней над расчетами сутки. Ему только чай носили. К утру он объяснил результаты своих вычислений: чтобы поднять линкор, как минимум требовался год. Чикер затребовал для своей экспедиции линкор «Севастополь». То был последний линкор на нашем флоте. Ему его дали.

Чикер свое обещание выполнил.

Ну, а для нас тихий ад спасательных работ кончился на восьмые сутки. «Карабаху» приказано было идти в другое место. Только отошли, как на траверзе Константиновской батареи у нас из-под днища вынырнул труп погибшего «новороссийца». Дали семафор на реидовый пост. Пришла шлюпка, моряка забрали...

Для моих нервов это было, что называется, последней каплей. Встал под горлом комок — дышать не могу. Спустился в свою каюту. Там, в гальюне, меня вывернуло. А потом хлынули слезы. Умылся. Привел себя в порядок, а через восемь часов повторилось все снова.

Спустя год я ушел с флота.

«ИХ МОЖНО БЫЛО СПАСТИ!»

И тех, кто боролся после взрыва за жизнь корабля, и тех, кто остался в корпусе после опрокидывания линкора. Так считает бывший офицер технического управления Черноморского флота инженер-капитан 2-го ранга Алексей Федорович Клейносов.

«...В начале 2-го часа ночи 29 октября 1955 года я был разбужен взрывом очень большой силы. Мне он казался необычным, как бы двойным, то есть следовавшим один за другим с весьма незначительным интервалом. Подумал, что это были выстрелы береговой батареи. Только утром, придя на службу, я узнал от своих товарищей о страшной трагедии...

Инженер-капитан 2-го ранга Д. И. Мамонов, которому посчастливилось уцелеть, рассказывал нам:

— Прибыв на линкор, мы получили от комфлота Пархоменко приказание спуститься в ПЭЖ. Вместе с врио командира БЧ-В инженером-капитаном 3-го ранга Матусевичем и командиром дивизиона живучести инженер-капитан-лейтенантом Городецким мы разрабатывали меры по спрямлению корабля, пытались избавиться от крена перекачкой мазута с одного борта на другой. Когда же крен был почти устранен, корабль

вдруг резко качнулся на противоположный борт. Произошло это за счет влияния свободных поверхностей воды, распространившейся по верхним ярусам корабля. Вернуть корабль на ровный киль было уже невозможно. Крен неодолимо нарастал...

Иванов поднялся на верхнюю палубу вместе со мной и доложил комфлоту, что корабль находится в критическом состоянии, необходимо принять срочные меры по эвакуации личного состава. Этот доклад вызвал у Пархоменко яростный гнев. Он разразился в адрес начальника Техупра грубой бранью за то, что тот покинул ПЭЖ без его ведома, и приказал ему немедленно вернуться на место и продолжать работы по спрямлению корабля.

Пробираться среди множества людей по скособоленной палубе было нелегко. Крен быстро нарастал. Я понял, что корабль вот-вот перевернется. Отстав от Иванова, я вскарабкался на высокий борт. Едва успел перелезть через леера и спуститься к привальному бросу, как полетел в воду вместе со всеми...

Обо всем этом Мамонов рассказал позже. А тогда, в то черное утро, мы вместе с инженер-капитаном 1-го ранга А. С. Жадейко отправились на Графскую пристань. Оттуда нам хорошо было видно, как над водной гладью Северной бухты вздымалась темная громада подводной части перевернувшегося линкора.

Громадный груз весом более чем в 26 000 тонн предельно спрессовал воздух в приднищевой части корпуса. Под этим чудовищным стальным колпаком томились в ожидании спасения десятки молодых жизней. Обнадеживало то, что примерно часам к 10 утра погружение корабля фактически приостановилось. Его плавучесть стабилизировалась, и линкор в перевернутом состоянии как бы обрел свою новую ватерлинию. Огромный объем сжатого воздуха, скопившегося в его отсеках, позволял надеяться на выживание тех, кто остался в «воздушных мешках». И тут мы с ужасом увидели, что из кормовой оконечности судна полетели искры. Там резали днище.

Едва была прорезана обшивка корпуса, как из отверстия с нарастающей силой стал вырываться сжатый воздух. Под мощнейшим напором свистящий рев этой бушующей воздушной струи разносился по всей округе, заглушая стук моряков в корпус...

Кричать с берега «Что вы делаете?!» было бесполезно. Дыра вскоре была прорезана, и из нее выбрало человек семь моряков.

Спасать этих матросов, конечно, было нужно, но не в первую очередь! Ведь оказалось, что ради спасения этих семи человек были обречены на медленную и неминуемую гибель десятки других, отрезанных от этого выхода многими глухими переборками. Линкор снова начал погружаться, и довольно быстро...

Мы с Жадейко поспешили вернуться в Техупр флота. Здесь уже офицеры бурно обсуждали события. К нам заглянул наш куратор — Леонид Георгиевич Сучилин (было часов 12 дня). Мы наперебой стали высказывать ему свои соображения. Предлагали немедленно заварить отверстие и срочно создать воздушный подпор.

Предлагали мы и приварить к днищу шлюзовой тубус — один из отсеков списанной подводной лодки «малютки». Этот тубус можно было бы приваривать поочередно в разных частях днища, где позволяли топливные цистерны, прорезать обшивку без опасения стравить «воздушную подушку» в атмосферу и вывести людей.

Выслушав нас, Леонид Георгиевич тяжело вздохнул: «Все это я уже предлагал в штабе флота. Но что там творится сейчас... Слушают только сами себя».

Однако часам к 14 из штаба флота позвонили в Техупр и приказали доставить из подлупа тубус-шлюз. Для этой цели туда уже был направлен буксир с 10-тонным плавкраном. На меня возложили руководство операцией по срезке тубуса с берегового фундамента, погрузке его на плавкран и доставке на линкор. Примерно в 16.00 плавкран подошел к тонущему линкору. Огибая корму, мы слышали, как из прорезанного отверстия выходил воздух. Его вытесняла из чрева корабля подступавшая вода.

Только мы приготовились выгрузить свой снаряд, как со спасателя «Карабах» вызвали через мегафон старшину плавкрана. Последовала команда: «Отставить выгрузку. Плавкрану немедленно следовать в район кормы, застропить гребные винты и подъемником удерживать на плаву тонущее судно».

Абсурдность этой затеи нас просто ошеломила. Но выгрузку тубуса старшина плавкрана продолжать отказался. Приказ есть приказ. Что делать? Кричать на «Карабах» что-либо бесполезно: судно далеко. Да и приказ наверняка исходил свыше, с берега... Мы чуть не плакали: упускалось драгоценное время, корабль продолжал погружаться.

Когда же плавкран натянул стропы и изрядно накренился, только тогда оставили эту глупейшую попытку. Покуда сняли стропы с гребных винтов и буксир снова подвел плавкран к центральной части днища, надводный «борт» линкора возвышался над поверхностью едва ли не больше дециметра... Наконец плавкран перегрузил громадину башины на линкор. Установили в нужном районе, и несколько сварщиков попытались

приварить основание тубуса, но вода уже начинала гулять по днищу, судно погружалось все глубже и глубже...

Невежды утопили корабль окончательно. Кто именно? Пархоменко несет вину за первый этап трагедии, когда он неумело возглавлял борьбу за живучесть. За гибельный финал должны держать ответ те, кто преступно поспешил разгерметизировать корпус.

Будь линкор на плаву, тубус-шлюз можно было бы последовательно перемещать в любой район, в том числе и в кормовые отсеки, предварительно заваривая отверстия, прорезанные в этих местах. Это бы не вызвало стремительного погружения судна и позволило бы спасти большую часть узников стального корпуса. Они были настоящими героями, выполнявшими свой воинский долг до последней минуты. Свидетельство тому и их песня о «Варяге», которую они пели, прощаясь с жизнью. Я слышал эту песню тогда, она и сейчас терзает невыносимо мою грешную душу».

«С госпитального причала меня, эксперта судебно-медицинской лаборатории КЧФ, доставили на катере на Северную сторону. Там, в складских помещениях, без конца и края на аккуратно установленных в несколько рядов носилках лежали погибшие... Даже сейчас об этом жутко вспоминать... Ведь привозили не просто мертвых, но и останки весьма обезображенные.

В эти склады приходили уцелевшие моряки с линкора и других кораблей — на опознание трупов. Каждый из них должен был внимательно осмотреть всех, кто покоился в этих страшных рядах. Лица погибших, искаженные долгим пребыванием в морской воде, разъеденные мазутом, опознавались с трудом. Иногда вырвали документы, сохранившиеся в карманах, или боевой номер, нашитый на робу. Но и это порой не давало полной гарантии, так как некоторые моряки впопыхах надевали одежду своих товарищей.

Мы приглядывались к татуировкам, браслетам на часах, прижизненным шрамам... Тех, кого узнавали, готовили к захоронению. Неопознанных я фотографировал в фас и профиль. На них заводилась «карточка неопознанного лица».

Погибших хоронили, но на следующий день, точнее ночью, десантная баржа доставляла новую партию поднятых со дна трупов. И все начиналось сначала. Не помню, сколько суток продолжался этот ужас. Все дни слились в один сплошной кошмар. Тяжелый запах разложения, ледяная кровь посмертных гримас... Но вот что хочу отметить. Хотя на опознание привозили молодых, неискушенных людей, все они находили в себе мужество не прятать глаз, не отворачивать головы. Шли молча и внимательно смотрели.

Я хоть и не «новороссиец», но готов оказать любую помощь в увековечивании памяти погибших линкорцев. — И. Г. Гелерстер. Севастополь».

Бывший командир 4-й башни главного калибра капитан 3-го ранга в отставке Владимир Николаевич Замуриев продолжает этот печальный рассказ в объемистом письме, присланном из Новороссийска. Он навсегда остался в городе, имя которого носил его корабль.

«Наша команда, одетая в химвкомплекты, должна была выгружать погибших и укладывать их в складах на пристани. Там же, в конце длинного помещения, были складированы около тысячи гробов увеличенного размера. Мы работали по 9—10 часов. Я доставал из карманов документы, зачитывал фамилии, а матрос, сопровождавший меня, записывал их в журнал. Если документов не оказывалось, разрезал большими ножницами робу и искал подписи на тельняшках...

Затем стелили в гроб простыню, укладывали тело погибшего, накрывали его другой простыней и заколачивали крышку с прибитой новенькой бескозыркой. Помечали гроб регистрационным номером и приступали к следующему.

В тот день мы отправили на Братское кладбище 220 гробов. Их возили 6 автомашин, но порой и они не успевали.

На второй или третий день были организованы похороны 42 человек на городском кладбище Коммунаров. Гробы с телами погибших были вывезены ночью и уложены в братскую могилу. Могила была открыта. Наутро весь оставшийся в живых экипаж был выстроен по подразделениям в колонну по четыре — всего около 1200 человек — и во главе с командиром капитаном 1-го ранга Кухтой, старшим помощником капитаном 2-го ранга Хуршудовым и замполитом капитаном 2-го ранга Шестаком направился на похороны.

Горожане смотрели на нас поначалу с недоверием, — ходили слухи, что, мол, экипаж погиб почти весь и что в колонну набрали подставных лиц... Ох, уж эти слухи! Но вскоре многие стали узнавать в наших рядах своих знакомых, родственников, да и потом линкоровцы всегда выделялись ростом — ниже 175 сантиметров не брали. В общем, поверили и пошли следом.

На кладбище был митинг. Мне запомнилось выступление помощника командира капитана 2-го ранга Зосимы Григорьевича Сербулова. Не скрывая слез, говорил он, как горько хоронить матросов, погибших не на войне, а в мирное время... Он, прошедший всю войну

на Северном флоте, не раз смотревший смерти в глаза, плакал по матросам, как по родным детям...

Позже было признано, что похороны организовали неправильно. Нужно было гробы открыть и переносить их на руках. А так снова поползли слухи, что в гробы кляли по полчеловека. На самом деле только в два гроба были уложены останки четырех матросов, точнее то, что от них осталось...

Через месяц меня попросили опознать на фото тела двух моряков, выброшенных на берег в районе электростанции.

Мне пришлось выполнять еще одну нелегкую работу. Вместе с замполитом нашего дивизиона М. Б. Ямпольским мы собирали адреса погибших и писали «похоронки». Писали и письма родственникам — в день по 30—50 писем. Где-то через неделю нам разрешили сообщать в этих письмах, что все-таки произошло. Писали примерно так: «29 октября в 1 час 25 минут под линкором «Новороссийск», на котором служил Ваш сын, произошел взрыв. Корабль перевернулся и затонул, поэтому мы не можем переслать Вам его личные вещи на память. Такого-то числа его тело было найдено (или не найдено) и похоронено в братской могиле на Северной стороне. Посмертно Ваш сын представлен к правительственной награде — ордену Красной Звезды».

Если были известны какие-либо подробности о службе и гибели сына, сообщали и их. Затем подробно разъяснили, какие льготы имеет семья погибшего: получение жилья в 3-месячный срок, денежное пособие и прочее... Писали в военкоматы с просьбой оказывать помощь семьям «новороссицев».

Мы старались, чтобы никто из пострадавших «новороссицев» не остался без внимания. В мой башне служил старший матрос — помощник замочного правого орудия. В момент взрыва он стоял с карабином на посту у гюйса, в носовой части линкора. Ударной волной его выбросило за борт. По счастью, он остался жив, подплыл к якорь-цепи и стал звать на помощь. При этом оружие не выпустил из рук. Вахтенный офицер тут же выслал за ним баркас. Матрос сдал карабин, и его переправили в госпиталь, где поставили суровый диагноз — тяжелое сотрясение мозга. Матросу дали 2-ю группу инвалидности (160 рублей в старом исчислении). Но он не захотел оформляться, боялся, что ему с такими документами откажут в приемной комиссии института. Тогда мы сделали запрос и убедили парня, что его примут и с инвалидностью.

Наконец, последнее, чем мне пришлось заниматься в связи с «Новороссийском», — оформление наградных листов. Для этой цели отрядили группу офицеров в пять человек во главе с командиром артиллерийской боевой части (БЧ-2) капитаном 3-го ранга Ф. И. Трестовским. Работали мы трое суток. Наградные листы были написаны на всех погибших, на шестерых спасателей-водолазов и на девять человек спасенных из корпуса опрокинувшегося корабля (семеро из электростанции и двое из кубрика № 32).

И вот 5 декабря 1955 года было указано назначать офицеров «новороссицев» на повышенные должности...

ЧТО ВЗОРВАЛОСЬ?

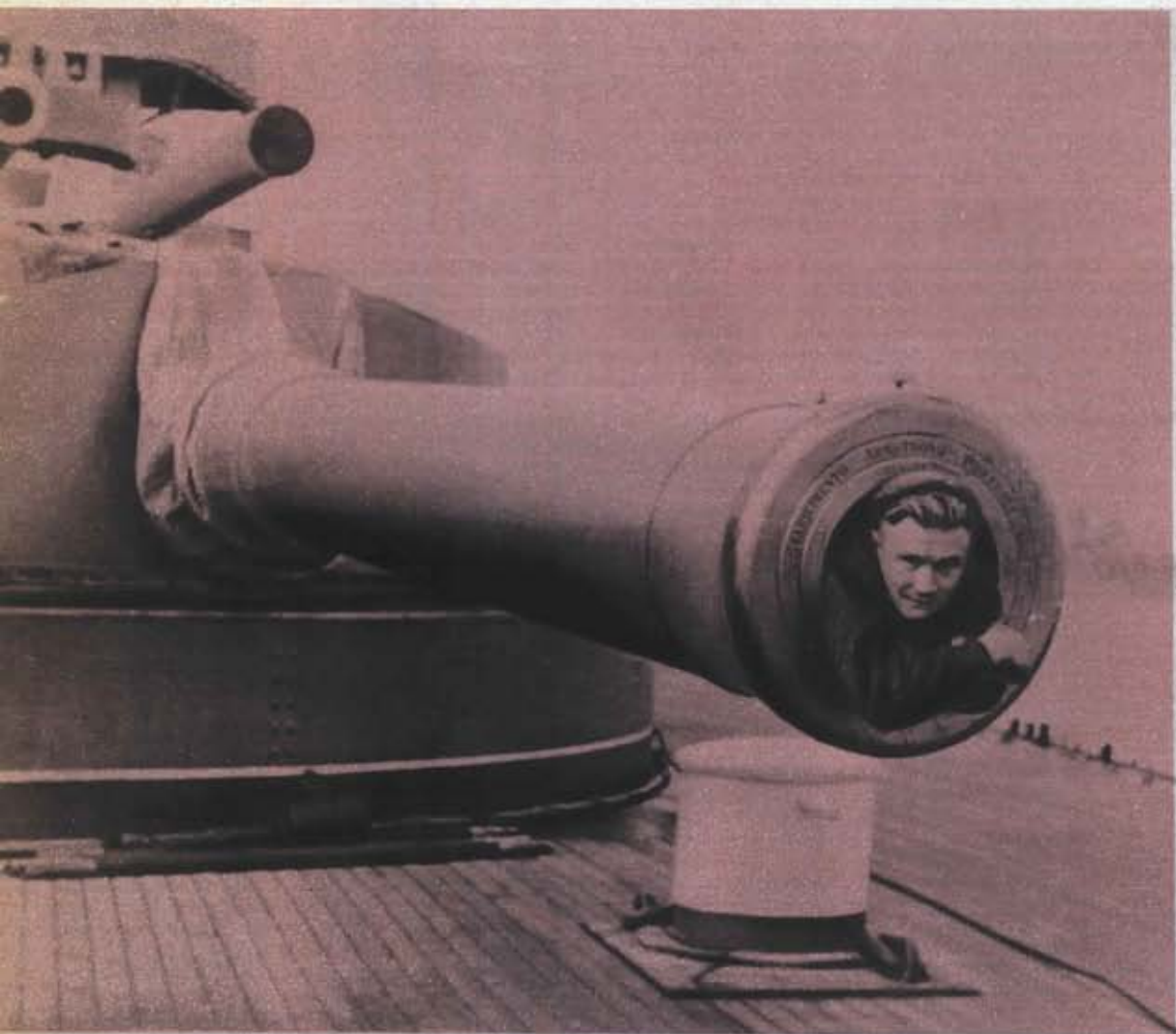
Этот вопрос возник в первые же секунды беды, и вот уже треть века он будоражит умы тысяч людей. Однозначного ответа на него нет до сих пор. Правительственная комиссия лишь выбрала наиболее вероятную, на взгляд ее экспертов, версию — невытраленную немецкую мину, не исключив при этом возможность диверсии.

«Когда немцы оставляли Севастополь (конец апреля 1944 г.), — пишет бывший флотский минер А. Тусменко, — то на штатные стоянки кораблей у якорных бочек они кранами установили несколько фугасов в деревянных корпусах...»

Бывший эксперт Правительственной комиссии начальник специаллаборатории инженер-подполковник К. К. Гавемон уточняет: «Немцы выставили цепь мин вдоль берега с интервалами в 150 метров. Когда в 45-м у Килен-бухты подорвался тральщик, ровно через 150 метров водолазы нашли еще одну мину, а еще через полтора метра находилась та самая 3-я бочка, ставшая роковой для «Новороссийска».

На первый взгляд убедительно. Но другие минеры такой закономерности не подтверждают. Напротив, считают, что в последние дни немцы выставляли мины в спешке и потому бессистемно. Ходила по бухтам быстходная десантная баржа, и с нее вываливали за борт деревянные ящики, начиненные тротилом. Об этом говорили и севастопольские старожилы — рыбаки из Аполлоновки.

«В 1951 году и в последующие годы мне как минеру охраны рейда в главной базе, — пишет капитан-лейтенант в отставке Д. А. Нудельман, — приходилось выполнять работу по подъему и выводу из Северной и Южной бухт немецких магнитных мин.

В районе 3-й бочки, где подорвался линкор «Новороссийск», тоже были подняты две мины. И хотя их батареи при замере имели 9—12 вольт, это все же позволяло вызвать взрыв. Мое мнение таково: к 1955 году 1000-килограммовые мины заилились довольно глубоко, так что водолазы в районе 3-й бочки ничего не обнаружили. Однако якорь линкора разворочил мину, и заработал прибор срочности. Это обыкновенные часы...»

«Я считаю,— утверждает бывший командир тральщика капитан 1-го ранга в отставке И. И. Хомяков,— что линкор погиб от немецкой заглупленной спаренной магнитной мины или мины, установленной на 12 крат. Это значит, что неконтактная мина позволяла кораблям одиннадцать раз проходить над нею, а на двенадцатый — импульс, полученный от корабельного корпуса, вызывал взрыв. Чтобы уничтожить такие мины, наши тральщики с электромагнитными тралями по 12 раз проходили над опасными местами...»

«Прибор кратности здесь ни при чем,— оспаривает Хомякова Тусменко,— на mine сработал прибор срочности или ДЧМ — долгосрочный часовой механизм с последовательно подключенными пружинами. Такой прибор взводился сроком на год. Почему же он сработал через 11 лет? Причина проста: перед возвращением в Севастополь эскадры все бухты тралились по многу раз разными типами тралов. Потом для большей надежности торпедные катера пробомбили глубинными бомбами всю акваторию. Вот тут-то при мощном сотрясении прибор срочности, как мы говорим, заартировался, то есть застопорился до следующего толчка, который и произошел через 11 лет...»

«Прибор срочности,— по сути дела, это будильник с пускателем от гидростата — имел недостаток,— сообщает инженер-подполковник Гавемон.— Окончательное приготовление его делается на корабле непосредственно перед постановкой мины. Флотских минеров у немцев к апрелю 44-го почти не было, их гарнизон в Севастополе понес большие потери, поэтому мины просто спихивали за борт, не приготовив их к действию...»

Именно об этом говорил мне и инженер-контр-адмирал Н. П. Чикер: все ящичные мины, извлеченные со дна Северной бухты после гибели «Новороссийска», оказались без взрывателей, то есть не снаряженными к боевому действию.

— Так-то оно так,— утверждали эксперты комиссии,— но как раз это обстоятельство и увеличивает вероятность гибели «Новороссийска» от мины. И вот почему. Пробить линкор, пронзить, прожечь все его

броневые и неброневые палубы мог только зарядкумулятивный, то есть концентрированного действия... Взрыв такого заряда с импровизированнойкумулятивной выемкой от «аппаратного котелка» мог произойти только в том случае, если разоруженная мина была в паре со снаряженной. Попадались ли такие «связки» в Северной бухте?

— Да, попадались,— говорит бывший мичман, старейший севастопольский водолаз Владимир Дмитриевич Корпус.

«По заданию комиссии,— заканчивает свое письмо А. Тусменко,— была проведена серия экспериментов: поочередно взрывали все известные мины, состоявшие на вооружении немецкого флота. Но ни одна из них не смогла произвести и половинного разрушения того, что было на «Новороссийске». Взрыв нескольких мин носил совсем иной характер — объемный, а не направленный...»

Ударная струя раскаленных газов пробила борт и вышла вертикально вверх, проделав в корпусе линкора русло в виде латинской буквы «L». Кумулятивный выброс идет только в одном направлении. Если бы мина была обращена своей выемкой к борту, то форс ее взрыва прошил бы линкор от борта к борту, но ведь огненный смерч главную свою разрушительную работу проделал по пути вверх. Почему?

Запомним все же эту букву «L».

«Минная» версия проста и удобна: она снимает ответственность за взрыв с начальников различных ведомств — и, видимо, потому все-таки именно ей и отдали предпочтение в заключительном акте комиссии. И все же она неубедительна.

Случайно застопорился долгосрочный часовой механизм мины, причем именно у той, которая случайно была снаряжена всеми необходимыми приборами. Случайно эта мина оказалась в соседстве с другой, у которой была кумулятивная выемка. Случайно ее задел якорем линкор и случайно подтянул ее к себе под борт — к одному из самых уязвимых мест — в район артпогребов с самыми мощными зарядами и снарядами. Случайно часовой механизм, проснувшийся после 11-летней спячки, сработал в самый безмятежный для экипажа заполюночный час...»

Сказав в своем очерке в «Правде» лишь об одной версии — о случайно задетой донной мине, я невольно вызвал поток писем, яро и доказательно оспаривавших это объяснение и выдвигавших другое — диверсия. Многочисленных сторонников этой второй версии неожиданно поддержала «Красная звезда», опубликовав на своих страницах отрывок из записей по поводу

«Новороссийска» покойного военно-морского министра Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова: ...«До сих пор для меня остается загадкой, как могла остаться и отработать старая немецкая мина, взорваться обязательно ночью и взорваться в таком самом уязвимом месте для корабля. Уж слишком это все невероятно...»

«ЗА КОРОЛЯ, ЗА ЧЕСТЬ ЗНАМЕНИ!»

Однажды на читательской конференции в Севастополе я получил такую записку:

«Н. А.! Известен ли вам такой факт: утром 29.10.55 г. крейсер «Молотов» выходил в море. Сигнальщик старшина 2-й статьи Панкратов и командир крейсера увидели перископ подводной лодки. Об этом рапортом было доложено Пархоменко. О чем говорил командир крейсера с Пархоменко, не ведаю, но только после этого разговора наш командир отказался от своих слов и сказал, что это была, наверное, швабра».

После конференции ко мне подошел пожилой человек.

— Капитан второго ранга в запасе Ганин. Бывший сотрудник особого... У меня есть для вас интересная информация.

— Я бы мог рассказать всю эту историю сам,— сказал Дмитрий Павлович,— но вам, наверное, интереснее услышать ее из первых уст. В нашем доме живет бывший боцман торпедного катера Селиверстов. Давайте заглянем к нему.

— В шестьдесят четвертом году я был в Алжире,— рассказывал П. В. Селиверстов.— В то время в порту работали итальянцы. Они готовили водолазов, точнее боевых пловцов.

Однажды ко мне подошел алжирец, кивнул на одного итальянца и сказал: «Вон тот взорвал ваш линкор, хвастался среди наших офицеров, что, мол, отомстили за честь итальянского флота». Доложил я куда следует. Говорят, до Хрущева довели. На том и кончилось. А что сделаешь? Фактов-то прямых нет...»

Тем же вечером, разбирая в гостиничном номере читательские отклики, я извлек из груды конвертов письмо от контр-адмирала запаса Григория Петровича Бондаря.

«В 1955 году я командовал эскадренным миноносцем «Безотказный», который, как и линкор «Новороссийск», входил в одно соединение. 28 октября наш эсминец возвратился с моря через два часа после линкора, который уже стоял на бочке № 3 у госпиталя. С разрешения оперативного дежурного «Безотказный» прошел в глубь бухты и стал под заправку топливом. Было около 21.30.

Мне обязательно нужно было проведать большую жену, которую я не видел более десяти суток, и с разрешения старшего я сошел на берег, заказав катер к Минной стенке к 24.00. Когда возвратился на Минную пристань, катера не было. Вместо него около часу ночи за мной пришел корабельный баркас.

Мы уже отошли от причала на 2—3 кабельтова, когда дежурный по соединению эсминцев офицер Двоещеров попросил меня вернуться, чтобы принять и доставить по пути донесение о запасах кораблей оперативному дежурному. ОД находился на крейсере «Дзержинский».

Мы прошли вдоль южного берега бухты мимо линкора и уже миновали его корму, когда заметили, что погас флагманский огонь на крейсере и зажегся на «Новороссийске». Развернувшись, мы подошли к трапу линкора и узнали, что ОД перешел на него. Отдав донесение вахтенному офицеру на юте, мы снова развернулись и продолжили путь на свой корабль.

Добирались до эсминца еще минут 15—20 и ничего подозрительного не наблюдали. Когда подошли к кораблю, вахтенный офицер доложил, что получен сигнал: «Все плавсредства к борту «Новороссийска». Это не удивило меня, я предположил обычную тренировку. Только после возвращения баркаса около 05.00 мы узнали о гибели «Новороссийска».

Следовательно, взрыв произошел за время следования баркаса от линкора к эсминцу, учитывая, что ОД успел дать сигнал о вызове плавсредств.

Если бы этот взрыв произошел под килем корабля на глубине в иле, наш баркас это бы почувствовал: гидравлический удар гораздо сильнее воздушного. Но все дело в том, что взрыв произошел не под днищем, а в носовой части корабля по левому борту на 1,5—2,0 метра ниже ватерлинии.

Этим же можно объяснить тот факт, что мы на баркасе не слышали ни взрыва, ни удара воды по корпусу баркаса — все заслонил от нас огромный бронированный линкор. И потому даже в кормовых кубриках корабля удар казался глухим и далеким. В то же время, по рассказам очевидцев, во многих зданиях госпиталя вылетели стекла окон, и взрыв был слышен далеко в городе.

То, что взрыв произошел не в толще ила на дне, а следовательно, не под килем корабля, свидетель-

стует небольшое количество ила в воде и только в районе взрыва. На следующее утро вода в районе стоянки была достаточно чистой, чего не было бы, если мины взорвались бы глубоко в слое ила.

Из всего, что мы тогда узнали о причинах гибели линкора, у большинства офицеров сложилось твердое мнение, что это диверсия и тот, кто закладывал взрывчатку под корабль, выбрал одно из самых уязвимых мест — около погребов.

Вариант диверсии до некоторой степени косвенно подтверждался и теми организационными мерами, которые предприняло командование флотом после катастрофы. Был снят с должности и отдан под суд начальник шумопеленгаторной станции за то, что поставил объект на профилактический ремонт вне графика. Снят с должности и снижен в воинском звании командир соединения кораблей охраны водного района, так как боновые ворота в эту ночь были оставлены открытыми.

Для охраны кораблей 1-го и 2-го рангов были сразу же введены вооруженные вахтенные посты на баке, на юте и по бортам. Проводились и другие оргмероприятия.

Все это еще больше укрепило мнение офицеров, что взрыв — работа итальянских боевых пловцов. Поползли слухи, что в итальянских газетах за несколько месяцев до этих событий была поднята оголтелая шумиха: до каких пор их бывший линкор «Джулио Чезаре» будет плавать под советским флагом? Пора, мол, что-то предпринять. А за месяц — полтора шумиха внезапно прекратилась. Конечно, все это слухи, но они были.

Версия о боевых пловцах князя В. Боргезе особенно укрепилась после выхода его книги «Десятая флотилия МАС» (ИЛ, М., 1957 г.), где описаны подобные операции в бухтах Альтирисас и Суда, потопление английских линкоров «Вэлиент» и «Куин Элизабет» в Александрии в декабре 1941 года, налет на рейд Мальта и другие. Истинных же причин гибели «Новороссийска» до нас, командиров, официально никто не доводил...

Трудно сейчас судить о действиях командования флотом по спасению корабля и личного состава. Гибель такого огромного количества людей — тяжелейшая трагедия, и она непростительна при стоянке линкора в главной базе. Никому, и в первую очередь командованию флотом. Но теперь эмоции не помогут, хотя мы все стали очень умными.

Не всякий начальник в те времена мог взять на себя ответственность за нарушение Корабельного устава, чтобы сразу вывести корабль на мель. Нарушивший устав или инструкцию всегда остается виновником всех бед и отвечает в таком случае головой. Весь позор падает не только на него одного, но и на его потомство в поколении. А в то время Корабельный устав требовал борьбы за живучесть корабля до последнего. Это требование было выполнено. А чтобы не сеять панику, было решено не отправлять часть экипажа на берег. Даже после победы в Отечественной войне мы еще были подозрительны и не верили подчиненным. Думали, раз уберем на берег одних, обязательно побегут другие. Так нас приучили. Тем более никто не предполагал, что линкор шириной 28 метров может перевернуться вверх килем на 18-метровой глубине. И уж никак не могли предположить, что, эксплуатируя Ахтиарскую бухту более 170 лет, мы даже не изучили ее дна и не знали о слое ила. А тут еще упустили момент отдачи якорной цепи с бочки...

Возможно, потому что корабли и их оружие очень дорого обходятся государству, мышление на флоте несколько более консервативное. Мы помним, что в парусном флоте Англии прорезание кильватерного строя противника в бою было под строжайшим запретом. Адмиралы, нарушившие это правило, платили жизнью. И долгое время Англия из-за соблюдения запрета терпела поражения на море, пока это не возмутило общественное мнение. Нашлись священник Павел Госта и конторский служащий Джон Клерк, которые обосновали прорезание строя противника как выгодный тактический прием. И это доказал хорошо адмирал Нельсон своими победами.

И в случае с «Новороссийском». Выполняя требования инструкции и устава, и будешь прав. Это потом мы внесли соответствующие изменения в документы. А тогда, чтобы дать приказание сразу отбуксировать корабль к берегу или отправить лишних членов экипажа на станку госпиталя в двухстах метрах, нужно было обладать решимостью капитана Гастелло или рядового Матросова. Начальство же, обремененное семьями, почетом и славословием подхалимов, не всегда способно на такие подвиги. Поэтому, прежде чем давать оценку руководству спасательными работами, нужно всесторонне оценить условия, обстановку и меру ответственности за нарушение устава и инструкций. Это ни в какой мере не затрагивает сохранение памяти о погибших».

Открою книгу, которую помянул в письме контр-адмирал Бондарь и которая вышла у нас спустя два года после гибели «Новороссийска». Написал ее быв-

ший офицер итальянского военно-морского флота князь Валерио Боргезе, возглавлявший в годы войны специальную диверсионную флотилию. В нее входили водители человекоуправляемых торпед, быстрходные катера, начиненные взрывчаткой, сверхмалые подводные лодки, боевые пловцы — подводные диверсанты. Весь этот дьявольский арсенал был успешно опробован в подводных операциях против англичан в Александрии и Гибралтаре. Жертвами боевых пловцов Боргезе стали линкоры «Вэлиент», «Куин Элизабет» и множество транспортов, танкеров, вспомогательных судов.

«По условиям мирного договора 1947 года, — констатирует издательское предисловие к книге, — штурмовые средства итальянского флота подлежали уничтожению, а личный состав — демобилизации. Однако при прямой поддержке агрессивных стран, и прежде всего США, Италия под разными предлогами сохранила часть штурмовых средств и специалистов. После включения страны в агрессивный Североатлантический блок командование итальянского флота открыто приступило к подготовке новых кадров, строительству новых и модернизации старых типов подводных и надводных штурмовых средств».

Теперь, не откладывая далеко мемуары Боргезе, заглянем в советский журнал «Зарубежное военное обозрение» № 11 за 1980 год. Статья «Сверхмалые подводные лодки»: «В послевоенные годы интерес к созданию сверхмалых лодок значительно снизился... Однако с середины 50-х годов строительство сверхмалых подводных лодок возобновилось. В Италии фирма «Космос» (г. Ливорно) спроектировала и построила лодки типов SX-404 и SX-506. В зарубежной печати сообщалось, что с 1955 года фирма построила и продала другим странам более 60 таких лодок».

Уж не после ли подрыва «Новороссийска» интерес к сверхмалым подлодкам так резко обострился в середине 50-х годов? Ведь именно с рокового 1955 года фирма «Космос» стала получать отовсюду заказы на столь успешно показавшие себя в реальном деле SX! Гибель «Новороссийска» могла послужить отличной рекламой нового диверсионного средства.

Вернемся же к книге Боргезе, к тем ее страницам, где «черный князь» характеризует дух своих людей.

«Какая же внутренняя сила воодушевляла их и поддерживала? Что же делало этих людей так непохожими на многих других, отрешенными от личных материальных интересов? У них не было стремления к честолюбию; они не принимали даже искреннего признания их заслуг и избегали почестей и похвал. Богатство их не прельщало; они не получали никакой премии за свои подвиги. Они не получали и повышения в звании и должности, чего легче добиться сидя в министерстве. Не тщеславие руководило ими в стремлении быть участниками исключительных подвигов, поскольку на пути к цели их ждала смерть, а какая польза от того, что тебя отметят после смерти? Одно только вдохновляло их — верность долгу!.. Это безграничное самопожертвование является результатом инстинктивного и глубокого чувства — любви к родине».

Девизом боевых пловцов Боргезе были слова: «За короля, за честь знамени!»

Раздел итальянского флота и передача Советскому Союзу, бывшему противнику, такого крупного корабля, как линкор «Джулио Чезаре», нанесли чувствительный удар по национальным амбициям фашиствующих патриотов.

«Ни один итальянский корабль не будет служить под флагом большевиков», — заявил в одной из газет Боргезе. Меньше всего этого человека можно обвинить в пустом фразерстве. Угроза была брошена мастером подводных диверсий высшего класса, у которого не гнушались поучиться и кичливые моряки гитлеровского флота. «Водители управляемых торпед», — пишет в своей книге Боргезе, — два раза в неделю прибывали в Специю, где с баркаса или с подводной лодки спускались в море и проводили в ночное время учения, включающие: подход к гавани; преодоление сетевых заграждений; скрытное плавание внутри гавани; сближение с целью; подход к подводной части судна; присоединение зарядного отделения торпеды и отход... Объектами для нападения были отдельные корабли, временно находившиеся в гавани. Вспоминаю, в частности, случай с линейным кораблем «Чезаре» (будущим «Новороссийском»). — Прим. Н. Ч.). Водителям торпед удалось присоединить зарядные отделения незаметно для находившихся на борту корабля людей, хотя предварительно командование и вахтенные были предупреждены и поэтому элемент внезапности отсутствовал. Только когда на «Чезаре» после нескольких часов внимательного изучения поверхности моря скептически заключили: «Они не смогут этого сделать», вблизи борта показались шесть черных голов, и водители, сделав жест рукой, означавший «Все готово», исчезли в ночной темноте».

Итальянские боевые пловцы знали в деталях не только подводную часть линкора «Новороссийска», но и севастопольские бухты, так как в 1942—1943 годах в Севастополе орудовало одно из подразделений

флотилии Боргезе, оснащенное скоростными катерами и «карманными» подводными лодками типа СВ.

«В начале пятидесятых годов, — пишет из Минска читатель «Правды» В. П. Филиппенко, — среди отдыхающих в крымских международных санаториях («Коммунар» и «Красное знамя» в Мисхоре) бывало немало итальянских граждан. И отличались они от других гостей не только молодостью и здоровьем, но и повышенным интересом к подводному плаванию. Мы, крымские мальчишки, с завистью смотрели на их подводное снаряжение. У них мы впервые увидели маски, ласты, акваланги и т. д. Под видом интереса к подводной фауне и флоре Крыма они свободно разъезжали по всему Крымскому побережью».

Таким образом, к покушению на линкор люди Боргезе могли быть готовыми и морально, и технически. К нашей великой беде, их задача упрощалась еще и преступным небрежением, с которым неслась охрана подступов к Севастополю с моря. Контр-адмирал Бондарь привел некоторые факты, которые подтверждают в своих письмах и другие моряки.

«Корабль дозора (большой охотник), — пишет из Ленинграда офицер запаса М. В. Богданов, — несший охрану входа в главную базу, 26 октября был отозван со своей позиции в район Лукула и Бельбека для обеспечения полетов ночной авиации».

Практически вход в севастопольскую гавань не охранялся почти весь день. Дозорный корабль покинул свою позицию рано утром — в 5 часов 50 минут.

Как бы в оправдание прислал письмо бывший замполит того злосчастного большого охотника капитан-лейтенант в отставке В. Юдин. «Незадолго до происшествия наш корабль вышел на боевое дежурство. 28 октября рано утром мы получили от оперативного дежурного по флоту, которому мы непосредственно подчинялись, неожиданный приказ: выйти в район Качи на обеспечение полетов авиации. Полеты кончились часов в 16-00, но приказа вернуться в точку дежурства все не было и не было, несмотря на наши запросы. И только глубоким вечером мы получили приказ о возвращении. Поздно за полночь мы пришли в свою точку. Не успели отдать якорь, как с рейдового поста нам передали светосемафором, а потом по радио: «Идти к «Новороссийску» спасать людей». Рванули в бухту. Спустя некоторое время в главную базу

ворвался весь наш охранный дивизион. «Охотники» ринулись в Южную и Северную бухты на поиск подводных лодок».

Еще одно письмо. Из Севастополя. От ответственного секретаря Военно-научного общества при Доме офицеров флота капитана 2-го ранга в отставке С. Соловьева. «К моменту тех трагических событий я служил в Севастополе в должности командира маневренной гидрографической партии и 29 октября 1955 года по тревоге был направлен к месту катастрофы на ГПБ (гидрографический промерный бот). Подойдя к опрокинутому линкору со стороны Черной речки, ГПБ пришвартовался к стоящему водолазному катеру. Перейдя через катер, я оказался на днище линкора и приступил к выполнению своего задания. Поднятые со дна в районе взрыва предметы, которые могли быть частями взорвавшейся мины, свежих изломов не имели — все было старое, ржавое».

Говоря о причине взрыва, Григорий Аркадьевич Хуршудов, и. о. командира линкора, однозначно считал, что это диверсия: «...они ошиблись на 10 метров, иначе бы попали в погреб главного калибра, и тогда взрыв был бы подобен взрыву малой атомной бомбы».

С мнением Хуршудова о диверсии я полностью согласен и не согласен с версией о связке ящичных мин, которые якобы ушли в грунт.

Крымская сейсмическая станция зафиксировала смещение почвы в два раза большее, чем одна ящичная мина, взорванная экспериментально на Бельбекском рейде. Говоря о диверсии, надо иметь в виду, что диверсанты Боргезе диверсировались в свое время на Севастополь, боновые ворота со Дня ВМФ были все время круглосуточно открыты, а стоящий в дозоре «охотник», по-видимому, имел неисправную гидроакустическую станцию. Об этом среди флотских офицеров ходили разговоры, мол, командир «охотника» срочно переписывал вахтенный журнал, где это было зафиксировано. Подводные диверсанты могли свободно не только зайти, но и выйти. Ведь корабельно-поисковая ударная группировка вышла на поиск подводной лодки через 8 часов после взрыва! А авиация вылетела с этой же целью через 12 часов! Где уж тут найти иголку в стоге сена!

Кому удобнее «минная версия»? Конечно же, т. Пархоменко — на флоте был полный порядок, бдительность была на высоте. Удобна она и консерваторам, которые идеализируют прошлое. Но эта версия не способствует воспитанию бдительности. Было ли благополучно с бдительностью в те годы? Нет, нет и нет! Не говоря уже об общеизвестных фактах, таких, как безнаказанные полеты иностранных самолетов над нашей территорией, безнаказанные нарушения госграницы и т. п., могу сказать, что часовые порой спали на постах, да не просто спали, а с удобствами: вахтенный на посту службы наблюдения и связи, например, постелил на пол тулуп и спокойно спал, как спала вся дежурная служба этого поста, а капитан-лейтенант Соловьев обошел всю территорию и поднялся на наблюдательный мостик, где и споткнулся о спящего вахтенного. А как меня трое суток искали пограничники в районе Пицунды из-за оставленных следов на берегу? А как пост воздушного наблюдения прозвал падение самолета у себя под носом в море, а потом его три недели мы искали? А как представители Кубанского военного округа пьянствовали на берегу? И это в сталинское время, когда все считалось идеальным, а многими и поныне считается идеальным. Вопрос бдительности актуален и в наше время».

В 1977 году с отрядом советских военных кораблей мне довелось побывать в Ливорно. В том самом Ливорно, где строились сверхмалые подводные лодки SX-506, где размещался центр подводных исследований ВМС, где расположена военно-морская академия, из стен которой вышел и Боргезе... Кстати, именно здесь, на приеме в честь советских моряков, мне удалось впервые увидеть портрет «Черного князя». С фотографии, сделанной в годы второй мировой войны, на меня смотрел красивый морской офицер, пухлые губы, выразительные глаза. И только взгляд — напряженный, настороженный — выдавал в нем рыцаря плаща и кинжала, где «плащом» была морская гладь, а «кинжалом» — человекоуправляемая торпеда.

Но самое интересное открылось мне в зале гардемариной столовой. Взглянув на две большие картины, висевшие по соседству у входа (других в зале не было), я уже не смог от них отойти. На одном полотне был изображен линкор-красавец «Джулио Чезаре», ведущий огонь на полном ходу. Вторая же картина, вывешенная рядом, как бы давала понять, каким образом было смыто черное пятно с флага итальянских ВМС. В темно-зеленых фосфоресцирующих красках ночной глубины восседали верхом на торпеде два боевых пловца в дыхательных масках. Оба диверсанта уже под днищем корабля. Один из них держится за бортовую киль, другой крепит зажим для мины...

Никакой подписи у картины не было. Скорее всего она изображала боевой эпизод в Александрийской гавани. Но почему в паре с ней оказался парадный портрет «Чезаре» — «Новороссийск», а не какого-либо другого более знаменитого линкора итальянского флота?

«...КОРАБЛЬ ВЗДРОГНУЛ ОТ ДВОЙНОГО ВЗРЫВА»

«Возможно, это было эхо, но я слышал два взрыва, второй, правда, потише. Но взрывов было два», — пишет мичман запаса В. С. Спорынин из Запорожья. «В час 20 раздался странный звук сильного сдвоенного гидравлического удара...», — сообщает в своем письме севастополец капитан 2-го ранга инженер запаса Н. Г. Филиппович.

Бывший старшина 1-й статьи Дмитрий Александров, живущий ныне в Красноармейском районе Чувашской АССР, в ночь на 29 октября 1955 года стоял начальником караула на крейсере «Михаил Кутузов». «Вдруг наш корабль задрожал от двойного взрыва, именно от двойного взрыва», — подчеркивает Александров. Да и на ленте сейсмограммы легко просматриваются отметки двойного сотрясения почвы. В чем же дело? Может, именно в этой «двойственности» и таится загадка причины взрыва?

«Связка мин, ушедшая в грунт, не смогла бы пробить линкор от килля и до «лунного неба». Скорее всего, взрывное устройство было смонтировано внутри корабля, где-нибудь в трюмах».

Это предположение бывшего старшины 2-й статьи А. П. Андреева, некогда черноморца, а ныне ленинградца, показало мне сначала абсурдным. Как, линкор «Новороссийск» шесть лет носил в себе свою смерть? Но когда инженер-капитан 1-го ранга в отставке Э. Е. Лейбович не только высказал такое же предположение, но и начертил на схеме линкора, где, по его мнению, мог находиться подобный заряд, я стал прорабатывать и эту на первый взгляд маловероятную версию.

Лейбович — профессиональный и авторитетнейший инженер-кораблестроитель. Он был главным инженером экспедиции особого назначения, поднимающей линкор, правой рукой контр-адмирала Николая Петровича Чикера.

— Линкор был построен с носом таранного типа. При модернизации в 1933—1937 годах итальянцы надстроили нос на 10 метров, снабдив его двоякообтекаемым булем для уменьшения гидродинамического сопротивления и повышения тем самым скорости хода. В месте сопряжения старого и нового носа был некий объем в виде наглухо заваренной цистерны, в которой и могло быть размещено взрывное устройство с учетом, во-первых, конструктивной уязвимости, во-вторых, близости к артпогребам главного калибра и, в-третьих, труднодоступности для осмотра...

...Линкор могли заминировать с тем расчетом, чтобы по приходе в Севастополь с частью итальянской команды на борту пустить взрывное устройство, выставив на нем по возможности самый отдаленный срок взрыва — месяц, полгода, год.

Но вопреки первоначальным условиям всех без исключения итальянских моряков сняли с корабля еще в Валоне, в Албании. Так что вместе с ними остался и тот, кто должен был взвести долгосрочный часовой механизм в Севастополе. Вот и ходил «Новороссийск» с «пулей под сердцем» все шесть лет, пока в Ливорно не построили диверсионную подводную лодку SX-506. Наверное, слишком велик был соблазн привести в действие уже заложённую в недра корабля мощную мину. Путь для этого был один — иницирующий взрыв у борта, точнее, у 42-го шпангоута.

Небольшую (всего 23 метра в длину) с характерным для надводных судов острым носом субмарину легко было замаскировать под сейнер или наливную баржу-самоходку. А дальше могло быть так.

На буксире ли, или своим ходом некий «сейнер» под ставным флагом проходит Дарданеллы, Босфор, а в открытом море, сбросив ложные надстройки, погружается и берет курс на Севастополь. В течение недели (сколько позволяла автономность с учетом обратного возвращения к Босфору) SX-506 могла вести наблюдение за выходом из Северной бухты. И, наконец, когда в перископ ли, или по показаниям гидроакустических приборов было замечено возвращение «Новороссийска» в базу, подводный диверсант-носсец лег на грунт, выпустил из шлюзовой камеры четверку боевых пловцов. Те сняли с внешних подвесок семиметровые пластиковые «сигары», заняли места под прозрачными обтекателями двухместных кабин и бесшумно двинулись к никем не охраняемым распахнутым сетевым воротам гавани. Мачты и трубы «Новороссийска» (силуэт его читался безошибочно) маячили на фоне лунного неба.

Вряд ли водителям подводных транспортеров пришлось долго маневрировать: прямой путь от ворот до линкоровских якорных бочек не мог занять много времени. Глубина у борта линкора идеальная для легководолазов — 18 метров. Все остальное было делом давню и хорошо отработанной техники...

Двойной взрыв — доставленного и заложённого ранее — зарядов сотряс корпус линкора глухой ночью, когда SX-506, приняв на борт подводных диверсантов, держала курс к Босфору...

Так ли все было или иначе, печальной сути события это, увы, не меняет. Важно другое: расставить обе

версии — «минную» и «итальянскую» — в том порядке, который диктует степень вероятности этих событий.

Едва ли не в каждом читательском письме звучит недоуменно-тревожный вопрос: почему так долго молчали о «Новороссийске», как могло случиться, что на героический экипаж пала тень забвения, почему тридцать три года могилы моряков с линкора остаются безымянными?

На непростой этот вопрос проливает некоторый свет письмо ветерана Военно-Морского флота киевлянина Александра Ивановича Остапенко: «После высокой оценки действий экипажа «Новороссийска» Правительственной комиссией адмирал С. Г. Горшков издал по флоту свой приказ, так сказать, для внутриведомственного пользования, в котором обвинял «новороссийцев» в неумелой борьбе за живучесть и плохой организации службы. Понятно, что приказ был издан с благими педагогическими намерениями — подтянуть подготовку по борьбе за живучесть на всех флотах и наглядным примером показать, что ждет тех, кто запускает эти вопросы. Отсюда и пошло негативное отношение ко всем «новороссийцам». Но ведь «мертвые сраму не имут», а вот честь живых надо отстоять».

«Нам не надо награды», — восклицает в своем письме бывший матрос артеэлектрик Ф. Дадашев, автослесарь из Баку. — Но помнить и чтить память погибших надо. Все остальное пусть лежит на совести политработников флота».

«Мы обращаемся от имени тех, кто в годы войны в рядах Черноморского флота боролся за честь, свободу и независимость нашей Родины. Наша секция объединяет 76 ветеранов-черноморцев, живущих в Калининградской области. Нам очень непонятна позиция политических руководителей КЧФ, которые проявляют явный бюрократизм в таком святом деле, как увековечивание памяти погибших. Неужели так глубоко внедрилось в нашу жизнь чиновное бездушие, что стало разъедать среду военных моряков — самую сплоченную, самую дружную часть наших Вооруженных Сил?»

Мы просим включить и наш голос за дело увековечивания памяти тех, кто отдал жизнь за линкор «Новороссийск», погибший как в годы войны.

По поручению членов секции — капитан 1-го ранга в отставке И. Блик, мичман в отставке К. Панов и другие».

Нынешним летом в редакцию «Славы Севастополя» пришел ветеран Черноморского флота мичман Федор Ефимович Неижмаков и положил на стол потрепанный альбом — «Список личного состава, погибшего на линкоре «Новороссийск». На титульном листе — печать политотдела соединения, куда входил линкор, и гриф «Не секретно». В списке 541 имя (в него не вошли погибшие аварийные партии с крейсеров и судов, оказывавших «Новороссийску» помощь), в списке все буквы русского алфавита, города и села всех республик страны...

— Откуда он у вас? Где вы его взяли? — засыпали мичмана вопросами изумленные газетчики.

— Нашел в грудке макулатуры, — рассказывал Федор Ефимович. — Отнес в музей КЧФ — там сказали «нам не нужно». Предложил флотской газете «Флаг Родины» — результат тот же. Ну, и хранил много лет у себя, пока не прочитал в газете про «Новороссийск».

«Слава Севастополя» взялась опубликовать этот список в «колонке памяти», с продолжением во многих номерах. Город помнит...

В канун Дня Военно-Морского флота пришел официальный ответ из Севастополя: «Военный совет, политическое управление Краснознаменного Черноморского флота всегда считали и считают сейчас, что могилы моряков с линкора «Новороссийск» не должны оставаться безымянными. Наша позиция неоднократно излагалась вышестоящему командованию, в настоящее время она одобрена. Руководство флота и города Севастополя рассматривает практическое решение данного вопроса. Член военного совета, начальник политуправления ЧФ вице-адмирал В. Некрасов».

Есть на флоте старая добрая традиция: имена отслуживших кораблей не вычеркиваются из списков, а передаются восприимчивым — новым эсминцам, подлодкам, крейсерам... Свыше века не исчезают с бортов имена «Варяга», «Александра Невского», «Адмирала Ушакова»... Нашли себе могучих — атомных — продолжателей рода корабли Великой Отечественной — «Красногвардеец», «Киров», «Фрунзе»...

Вот уже несколько лет бороздит моря и океаны новейший авианосный крейсер «Новороссийск». Вопреки традиции имя свое он получил не от линкора-предшественника. Крейсер назвали «Новороссийском», дабы польстить автору «Малой земли». И когда «подпольный» совет ветеранов предложил передать имя корабля, как это узаконено традицией, в ответ услышали очередной окрик: «Нас не поймают!»

Известно, моряки — народ суверенный, верят в имена счастливые и несчастливые. Пусть имя «Новороссийск» станет счастливым для нового корабля. Пусть экипаж его будет так же спаян и стоек, как моряки линкора в свой грозный час. И пусть каждый из них, «новороссийцев»-тихоокеанцев, найдет свою тропу к стопам Скорбящего Матроса.

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Итоги второго задания

Первая неожиданность: единственной участницей конкурса, которой решительно не понравилось задание, оказалась... победительница. Если в двух словах изложить ее отношение к заданию, то оно показалось ей неинтересным, трудным, заставившим зря потратить уйму времени. Что ж, в чем-то она, может, и права, хотя все остальные участники отозвались о конкурсе положительно.

Победительница предложила темой следующего задания сделать историю нашей страны. Редакция принимает это предложение. Конкретное задание и его условия будут напечатаны в одном из первых номеров «Смены» нового года.

Вторая неожиданность, огорчившая жюри: многие участники так или иначе нарушили условия конкурса, неверно оформив работу, отступив от принятых нашим журналом правил для кроссвордистов. Естественно, авторы таких работ, даже набравшие внушительное число очков, на призовые места рассчитывать не должны.

Больше всех других «законных» очков (многие участники брали как анаграммы слова, которые наши правила не позволяют загадывать в кроссвордах, в том числе слова во множественном числе и названия болезней) набрала читательница из Курска А. Денисова — 1533. Разумеется, нет никакой возможности привести все ее анаграммы, но вот, скажем, к слову «икра»: Икар, Кари (бобылиха в пьесе «Пер Гюнт» Г. Ибсена), Каир, Акри (штат Бразилии), кира (восточное название берега, края, опушки), Ирак, раик (бенгальская мера веса), Рика (правый приток Тисы), «Раки» (пьеса С. Михалкова), Арки (остров в архипелаге Южные Спорады) и т. д. Конечно, и она не использовала все возможные анаграммы в загаданных словах. Так, дав к слову «Сokolov» анаграммы Колосов и волосок, она не нашла солонку (русское название лошади по типу савраска), хотя оно есть в словаре Даля. Жюри единогласно назвало А. Денисову победительницей еще и потому, что ее кроссворд оказался самым интересным по определениям загаданных слов. Кроссворд мы публикуем, так что все сами в этом могут убедиться.

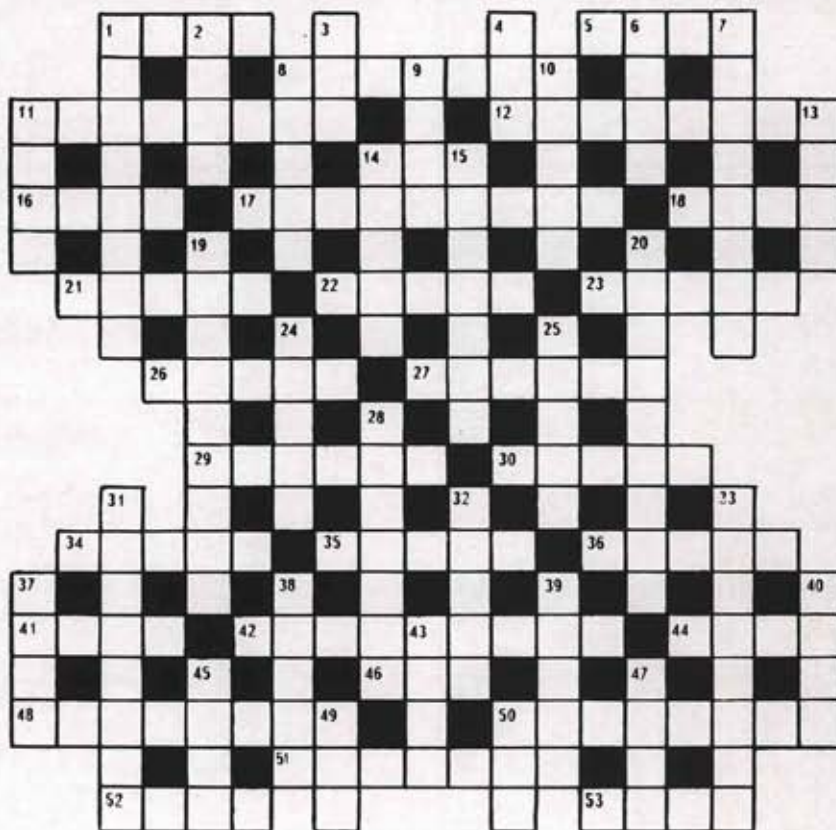
В качестве приза победительница получает книгу и диплом «Смены». Такие же награды ожидают И. Горелик из Ленинграда, О. Кошкер из г. Тореза Донецкой области, В. Свиридова из г. Калинин и Э. Семенову из Казани. Эти призы получают также право напечатать в «Смене» вне очереди обычный кроссворд, составленный по обычным правилам, и непременно с интересным толкованием слов.

Дипломами «Смены» отмечены работы М. Воробьева из Москвы, С. Журибы из села Подгорное Львовской области, В. Новикова из г. Горького, Л. Родионова из Свердловска и В. Федосеева из Чебоксар. Все призы набрали не менее 996 очков.

От души поздравляем победителей и благодарим всех участников конкурса. До новых встреч на страницах журнала!

КРОССВОРД

Составила А. Денисова. Курск

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. «Последний...» или Бретань в 1800 году — первое произведение О. Бальзака, опубликованное под собственным именем. 5. Японская альпинистка, первой из женщин покорившая 16 мая 1975 года Эверест. 8. Герой экранизированного рассказа М. Шолохова. 11. Профессия А. Матвеева, автора первой русской книги о Франции. 12. Синтетическое покрытие на стадионах. 14. Городошная фигура, известная еще при Петре I, любитель этой игры. 16. Сельский пейзаж в стихотворении М. Лермонтова, написанном на гауптвахте в 1837 году. 17. Демон «с глазами, как у морского чудовища» в «Махабхарате». 18. Река, где водятся самые крупные в СССР пресноводные рыбы. 21. Итальянский город, превосходная, по М. Горькому, мастерская, где формируются люди. 22. Житель исчезнувшей «каспийской Атлантиды». 23. «Ухажер» в серии «Собачья жизнь» Х. Бидструпа (порода). 26. Танец гуцульских богатырей, спустившихся с гор. 27. Качество человека, которое

А. Пушкин определял как «способность к труду». 29. Одно из европейских названий скрипки. 30. Рубрика, столбец. 34. Самая важная деталь костюма французского дворянина, символ эпохи Людовика XIV. 35. Африканский «родственник» азиатской полуобезьяны лори. 36. Пестрая рыбка-удильщик. Прячется среди щупалец актиний. 41. Исконно русское название крови. 42. Птица, в честь которой комнаты изб украшали пучками верб в серебряных барашках. 44. Лучший сорт войлока. 46. «Тушинский...» — самозванец Лжедмитрий II, безуспешно пытавшийся захватить Москву. Бежал в Калугу, где был застрелен на охоте. 48. Прозрачный голубой шпат, найденный в Бразилии. 50. Порт на Крите, близ которого Жак Кусто и его товарищи искали легендарную Атлантиду. 51. Цветок, корзинками которого заваривают лечебный чай. 52. Опера Жана Батиста Люлли. 53. Самый древний сухопутный транспорт, родившийся в России.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Эмблема канадской провинции Альберта, где проходили зимние Олимпийские игры. 2. Божество, гимн которому каждый вечер пела Нефертити. 3. Русская мера — 12,8 грамма. 4. Пять протонов и пять электронов. 6. Амазонская рыбка, в 1936 году впервые завезенная в Европу и ставшая аквариумной. 7. Самая маленькая яхта в мире для спортсменов не старше 15 лет. 8. Компонент зеленого соуса, любимого кушанья Гете. 9. Морское животное, участник гонок в Канаде. Награда победителю — жизнь. 10. Снасть, которой ловили рыбу еще древние греки. 11. Единица силы. 13. «Единожды солгавшая» героиня Г. Ибсена. 14. Цепь коралловых островов в Индийском океане, открытых Отто Коцебу во время плавания на «Юрике». 15. Одно из названий хоровода в русских песнях. 19. Русский композитор, дирижировавший при первом исполнении оперы Ц. Кюи «Капитанская дочка». 20. «Земляной орех» — из Перу, о котором европейцы впервые узнали в 1553 году. 24. Азарт, присущий молодости. 25. Вулканический массив в Западных Карпатах. 28. Ав-

тор портрета А. П. Струйской в Третьяковке, глядя на который Н. Заболоцкий написал стихотворение «Любите живопись, поэты!». 31. Одиночка, двойка, четверка (тип судна). 32. Отражение, сопротивление. 33. Очерк А. Дюма, посвященный декабристам и написанный им под впечатлением поездки в Россию. 37. Морское животное, украшающее крышу Музея столетия в Ванкувере. 38. Козлоногий гость крестьянина на картине Я. Иорданса. 39. «Змея в шляпе», символ процветания и богатства на Шри-Ланке. 40. Металл, позволивший Э. Ферми построить в 1942 году первый в мире реактор. 43. Вечернее платье со шлейфом, которое ввела в моду знаменитая красавица Агнеса Сорель. 45. Помещение в доме графини, куда вошел Германн в половине двенадцатого в роковой день свидания («Пиковая дама»). 47. Украшение «национальных русских пиров» (по А. Э. Бремю). 49. Бог в германо-скандинавской мифологии, которого античный мореплаватель Пифей назвал «Зевсом варваров». 50. Скрипач-виртуоз в оперетте И. Кальмана.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

1. Бовуар. 5. Норвегия. 10. Фугас. 11. Левкой. 12. Стрелуха. 13. Ртуть. 14. ...баня... 17. Чинк. 18. Триптолем. 19. Карп. 24. Енгибаран. 25. Стрепет. 27. Медведь. 28. Кронпринц. 32. Изай. 35. Сдельщина. 36. Рэли. 37. ...юбка... 39. Уголь. 41. Веронезе. 42. Устри. 43. Ольга. 44. Сентябрь. 45. Щавель.

По вертикали:

1. Бильбоке. 2. Вовенарг. 3. Афон. 4. Пуштоплас. 5. Настрой. 6. Ость. 7. Вояж. 8. Грузин. 9. Ямайка. 15. Эрмандада. 16. Лейтенант. 20. Ангел. 21. Пигва. 22. Дебри. 23. Хенна. 26. Пронцельга. 29. Изобилле. 30. Цитадель. 31. Шлегель. 33. Привес. 34. Флорин. 38. Жнея. 39. Узор. 40. Мста.

Пролетарии
всех стран,
соединитесь!

СМЕНА '88

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 23 (1477) ДЕКАБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ

(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Елена ОВЧИННИКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки.
212-21-38 — коммунистического воспитания.
212-23-79 — фотоочерка.
212-21-38 — военно-спортивный.
251-32-84 — международной жизни.
251-04-10 — литературы и искусства.
212-11-27 — писем и массовой работы.

*Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакция не рассматриваются.*

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 18.10.88.
Подписано к печати 31.10.88.
А 11816. Формат 70 × 108%.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 2 000 000 экз.
Заказ № 3245.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Ария без Ометалло

Д о чего же все быстро меняется. Вот еще недавно напишешь полужительную статью о «хэви-метле» — чуть ли не поступок совершишь! А сейчас так бедных «металлистов» заездил средства массовой информации, что дальше уж некуда. Да и «металлических» групп развелось и не со-счи-та-ешь...

Помню, года три назад дебютировала в столичном ДК МАИ неизвестная группа с камерным названием «Ария». Народ собрался, пыток пионеров «металлизма» пришел... В воздухе носился неуловимый запах скалдана. Выходят ребята на сцену — в красивых костюмах, волосатые и... ка-а-а дали жару. Словом, зал «завелся» на полную катушку. Шокировали, слов нет. Поправи-

лось? Грудно сказать, но что-то новое, свежее, самоуверенное в этой музыке было. Энергия захлестывала зал, и в музыке чувствовался «стержень»... Помню озлобленные лица колсомольских работников и милиционеров, разгоры после концерта. Один из именитых рокеров тогда сказал мне тоном мэтра: «Ария» — это мертворожденный ребенок. С такой музыкой у нас выступать (имелись в виду заграничные), записи на «Мелодии» и ЦТ — Е. Ф.) невозможно. Пусть, конечно, порезвятся, а потом сам увидишь...»

И «Ария» порезвилась. Блестящие выступления на «Рок-панорамах-86, 87», на фестивале в Вильнюсе, Новоросинске и других городах. Постоянные гастроли и неизменные аншлаги, первые места в хит-парадах молодежных газет... Впрочем, поначалу газеты Дали по «Арии» залп критических материалов, написанных в «лучших традициях»: что это за песни, если у музыкантов такие волосы, что это за тексты, если исполнители выходят на сцену в кроссовках... И, конечно, «сатанинские ритмы», «удушающие дымы»...

«Ария» сегодня — одна из самых популярных групп, исполняющих «хэви-метл». На фирме «Мелодия» после многомесячного ожидания наконец-то вышел первый долгоиграющий диск группы. Посмотрим, в каком количестве он поступит в продажу... Впрочем, записи «Арии» уже сейчас есть у многих любителей «металла»: три магнитофонных альбома группы — «Мания величия» (85 г.), «С кем ты?» (86 г.), «Герои асфальта» (87 г.) — гуляют по стране, вербуя в поклонники группы все новых и новых слушателей.

Евгений ФЕДОРОВ,
фото Евгения МАТВЕЕВА